

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Министерство сельского хозяйства Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Алтайский государственный аграрный университет»
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт философии и права Сибирского отделения
Российской академии наук

**Цивилизационная миссия Сибири:
от техногенно-потребительской
к духовно-экологической стратегии
глобального и регионального развития**

Барнаул — Новосибирск

2022

ББК 87

Ц 579

Авторский коллектив:

*А.В. Иванов, Ю.В. Попков, И.В. Фотиева, М.Ю. Шишин,
С.И. Бондаренко, Т.А. Артамонова, И.Н. Каланчина,
С.М. Журавлева, Л.Г. Апеньшева*

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор *Т.А. Семилет*
доктор философских наук, профессор *А.С. Фролов*

Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития: монография (коллектив авторов; под ред. А.В. Иванова) — Барнаул: Новый формат, 2022. — 368 с.

ISBN 978-5-00202-054-6

В монографии исследуется социокультурный потенциал Сибири, ее место и миссия в рамках России и Большой Евразии с позиций синтетической концепции цивилизационного подхода в единстве его синхронического (историко-временного) и диахронического (пространственного) аспектов. Центральная идея книги — обоснование ключевого положения Сибири в переходную эпоху от нынешней, пребывающей в глубоком системном кризисе техногенно-потребительской — к новой духовно-экологической цивилизации. Анализируется объективный и субъективный социокультурный ресурс Сибири, позволяющий рассматривать ее как осевой локус глобальной цивилизационной трансформации. Авторы дают не только панорамное междисциплинарное видение исторической миссии Сибири, но и предлагают конкретные геополитические, экономические, социальные и культурные меры, позволяющие актуализировать ее стратегический цивилизационный потенциал.

Книга будет интересна философам, социологам, политологам, историкам, искусствоведам и культурологам, а также всем интересующимся актуальными проблемами развития Сибири и современной цивилизации.

© Коллектив авторов, 2022

© ФГБОУ ВО Алтайский ГАУ, 2022

© ИФПР СО РАН, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (<i>А.В. Иванов</i>)	7
РАЗДЕЛ I. Сибирь в процессе перехода от техногенно-потребительской к духовно-экологической цивилизации	11
ГЛАВА 1. Большая Евразия, Россия и Сибирь с позиций цивилизационного подхода (синхронический и диахронический аспекты анализа) (<i>А.В. Иванов, Ю.В. Попков</i>)	11
§1. Дискуссии вокруг Большой Евразии	11
§2. Большая Евразия с позиций синхронического аспекта цивилизационного подхода	16
§3. Цивилизационные задачи России в Большой Евразии	25
§4. Цели интеграции Большой Евразии в диахроническом ракурсе цивилизационного подхода	32
ГЛАВА 2. Стратегические геопроекты российской цивилизации (<i>А.В. Иванов</i>)	37
§1. «Северный» и «южный» стратегические геопроекты в истории России	37
§2. Освоение Сибири как третий российский стратегический геопроект: экстенсивное и интенсивное измерения	46
ГЛАВА 3. Сибирь как ключевой регион в духовно-экологической цивилизационной трансформации России и мира (<i>А.В. Иванов, И.В. Фотиева</i>)	58
§1. Кризис современной техногенно-потребительской цивилизации	58
§2. Сущность и линии становления новой цивилизации	66

§3. Механизмы перехода к новым цивилизационным отношениям. Сибирь как локус цивилизационной трансформации	80
§4. Практические шаги по актуализации возможностей сибирского цивилизационного локуса	86
ГЛАВА 4. Алтай как важный центр миротворчества и диалога цивилизаций (А.В. Иванов, М.Ю. Шишин)	95
§1. Кризис современного миротворчества	95
§2. Исторический опыт миротворчества на Алтае	98
§3. Алтай как современная «миротворческая скрепа» Евразии: идеи и проекты	104
РАЗДЕЛ II. Сибирский социум: проблемы, предпосылки и факторы перехода к новой цивилизации	111
ГЛАВА 5. Сибирский социум в этносоциальной динамике (Ю.В. Попков)	111
§1. Взаимообусловленность этносоциального и цивилизационного развития	111
§2. Роль миграций в социокультурной динамике	118
§3. Миграционные процессы как социокультурная детерминанта этносоциальной динамики сибирского социума	122
§4. Проблемы этносоциального развития народов Сибири в постсоветский период	131
ГЛАВА 6. Духовно-экологический ценностный потенциал населения Сибири (Ю.В. Попков)	146
§1. Устойчивость евразийских ценностей в условиях испытания либерально-рыночными реформами	146
§2. Ценности молодежи Сибири в духовно-экологическом измерении	164

§3. Этнокультурный неотрадиционализм и духовно-экологическая цивилизационная перспектива	174
--	-----

ГЛАВА 7. Сельский мир Сибири: духовно-экологические традиции и перспективы (<i>Т.А. Артамонова, С.И. Бондаренко</i>)	187
---	-----

§1. Природосообразность и традиционализм сибирского сельского мира	187
--	-----

§2. Развитие сибирского сельского хозяйства в XX веке	198
---	-----

§3. Сельский образ жизни как один из источников новых цивилизационных отношений	208
---	-----

§4. Ценности сельской жизни как преграда гедонистическим и индивидуалистическим жизненным установкам	215
--	-----

§5. Некоторые проблемы современного сельского социума и возможные пути их решения	221
---	-----

ГЛАВА 8. Проблемы и надежды российской высшей школы: сибирский контекст (<i>А.В. Иванов, И.В. Фотиева</i>)	227
---	-----

§1. О кризисе российской высшей школы	228
---------------------------------------	-----

§2. Принципы университетского образования и их эрозия в постсоветской России и в Сибири	230
---	-----

§3. Современное университетское образование и дистанционные технологии	241
--	-----

ГЛАВА 9. Сибирь в искусстве и искусство Сибири (<i>М.Ю. Шишин</i>)	252
---	-----

§1. Дискуссии о своеобразии сибирского искусства	252
--	-----

§2. Факторы формирования «сибирскости» в искусстве	257
--	-----

§3. «Гений места» и сибирский характер в художественном творчестве Г.Ф. Борунова	261
--	-----

§4. Искусство Г.С. Райшева: мифопоэтика народов Сибири и культурный ландшафт	269
§5. Метаистория в произведениях современных сибирских художников	273
ГЛАВА 10. Традиции сибирского просветительства в прошлом и настоящем (И.Н. Каланчина, Л.Г. Апеньшева)	283
§1. Роль православных миссионеров в культурном развитии Сибири	284
§2. Вклад декабристов в просвещение Сибири	296
§3. Роль областничества в развитии сибирского просветительства	299
§4. Народничество и просвещение	302
§5. Толстовские земледельческие коммуны и просветительство конца XIX — начала XX веков	306
§6. М.А. Лисавенко как выдающийся просветитель	310
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Миссия сибирского философа в трудные исторические времена (А.В. Иванов, С.М. Журавлева)	316
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Приложение 1. «Философия Сибири» в творчестве В.И. Сурикова (А.В. Иванов, М.Ю. Шишин)	326
Приложение 2. Соотношение национально-культурной, гражданской и цивилизационной идентичности (А.В. Иванов, С.М. Журавлева)	339
Приложение 3. Традиционная культура и этнокультурное разнообразие в условиях глобальной неустойчивости (Ю.В. Попков)	352

ПРЕДИСЛОВИЕ

В коллективной монографии, в которой обобщаются и развиваются высказанные ранее идеи авторов, исследуется социокультурный потенциал Сибири, ее место и миссия в рамках России и Большой Евразии с позиций по-новому осмысленного цивилизационного подхода, совмещающего его синхронический (историко-временной) и диахронический (пространственный) аспекты. Это обусловило междисциплинарный характер работы, где Сибирь рассматривается сквозь призму глобальных цивилизационных процессов, геополитических и этно- и социокультурных трансформаций, что повлекло за собой необходимость использования различных методов анализа: философских, исторических, социологических, культурологических и искусствоведческих.

Центральная идея, которая проходит через всю книгу, — обоснование ключевого положения Сибири в переходную эпоху от нынешней цивилизации, которую можно характеризовать как техногенно-потребительскую, к будущей цивилизации, которую мы называем *духовно-экологической*. Показывается объективный и субъективный потенциал социокультурного пространства Сибири, позволяющий рассматривать ее как осевой локус глобальной цивилизационной трансформации. По глубокому убеждению авторов, от верно выбранной стратегии развития Сибири и политической воли к ее воплощению в жизнь во многом зависит судьба не только ее самой, но также России и всего мира.

Авторы, руководствуясь всеобщим диалектическим принципом восхождения от абстрактного к конкретному, дают не только панорамное философское видение исторической миссии Сибири, но и предлагают конкретные политические, экономические, социальные и культурные меры, которые могли бы актуализировать ее стратегический цивилизационный потенциал.

Особое внимание в монографии уделено проблемам и перспективам развития сибирского социума, особенно

этносоциальным аспектам сохранения его этнокультурного разнообразия, что является не менее значимым фактором духовно-экологической цивилизационной трансформации, нежели сохранение биологического разнообразия. Анализируется также ценностный потенциал населения Сибири, при этом здесь внимание уделено итогам проведенного авторами в 2020–2021 годах социологического исследования жизненных установок сибирской молодежи в рамках проекта РФФИ «Сибирь для всей России: основания и механизмы духовно-экологической цивилизационной трансформации». Авторы рассматривают молодежь в качестве важнейшего субъекта цивилизационных изменений, от действий которого в существенной мере зависит будущее Сибири.

Отдельная глава посвящена истории и настоящему состоянию сибирского села. В частности, авторы обосновывают тезис, что сибирский сельский мир за четыре столетия выработал такие эффективные хозяйственные и социокультурные формы существования, которые не только не устарели, но обнаруживают свой созидательный потенциал именно в нынешнюю переходную эпоху.

Специальные главы посвящены Алтаю как одному из глобально значимых сибирских регионов, а также традициям сибирского искусства, просветительства и проблемам современного высшего образования. Именно приоритетное развитие науки, культуры и образования, а также взвешенная молодежная, экологическая и региональная политика рассматриваются авторами в качестве важнейших факторов перехода сибирского социума к духовно-экологической стратегии развития.

В монографии есть раздел «Приложения», в котором авторы сочли целесообразным разместить материалы, хотя напрямую и не связанные с основной проблематикой монографии, однако важные с точки зрения развития и уточнения ее отдельных тем и аспектов.

Авторы отчетливо осознают дискуссионность ряда развиваемых в книге положений, нуждающихся в

дополнительных теоретических обсуждениях и эмпирических апробациях. Они будут благодарны за любую конструктивную критику, учитывая значимость дальнейшего коллективного развития направления, которое можно назвать **«философией Сибири»**¹ и которое призвано синтезировать различные линии научных исследований сибирского региона.

Во время написания и подготовки монографии к печати, совпавшей с распространением пандемии коронавируса, в жизни страны и мира отчетливо проявились некоторые тенденции, о которых необходимо упомянуть. В частности, окрепли опасные иллюзии, будто болезни и эпидемии, одолевающие человечество, не имеют фундаментальных духовно-психологических причин и от них можно избавиться чисто медицинскими средствами типа принудительных поголовных вакцинаций, а экономические и социально-политические проблемы, особенно связанные с рациональным управлением природой и обществом, можно решить путем цифровизации всех сфер жизни общества.

Но сверхсложная земная биосфера, органической частью которой является мыслящий человек, не может быть детально описана, а ее развитие не может быть достоверно спрогнозировано никакой, даже самой совершенной компьютерной моделью, не говоря уже о том, что «цифрой» жилище не обогреешь и человека не накормишь. Рациональное отношение к *экологической составляющей* нашей жизни самоценно и фундаментально, где живое, согласно известному принципу Эмпедокла, может целостно познаваться и управляться только живым человеком, у которого, кроме «калькулирующего» рассудка, должны еще быть синтетический разум, интуиция и любящее сердце.

Что же касается *духовной составляющей*, то многочисленные эмпирические факты говорят о том, что мысль человека способна оказывать не только

¹Вопрос о необходимости разработки «философии Сибири» был обоснован в коллективной статье: Диев В.С., Иванов А.В., Разумов В.И. Философия Сибири (к постановке проблемы) // Вестник Омского университета. 2014. №4 (74). С. 76–83.

опосредствованное физическими действиями и техникой, но и непосредственное — созидательное или разрушительное — воздействие на окружающий мир и на собственный организм; а из того, что люди в своем подавляющем большинстве этой имманентно присущей им мощью не умеют пользоваться, еще не следует, что этой фундаментальной силы мысли в мире нет и она не действует¹.

Становится также все более очевидным, что сохраненные участки девственной природы не только оказывают стабилизирующее воздействие на биосферу, но способны врачевать человеческие тела и души, особенно если человек относится к природе ответственно и сознательно. Конечно, все эти явления требуют дальнейшего научного изучения, но очевидно, что здоровая окружающая среда, процветающая культура и творческое, нацеленное на созидание, индивидуальное сознание человека — это важнейшие ценности наступающей эпохи.

Авторы книги убеждены, что приоритетное развитие сибирского мегарегиона, как раз обладающего уникальным экологическим и духовным потенциалом, могло бы стать по-настоящему объединяющим общероссийским проектом, — тем самым «общим делом», без которого в России никогда не совершалось ничего великого и исторически значимого.

¹Теоретическое обоснование данного тезиса и соответствующие эмпирические факты читатель найдет в монографии: Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Философия мысли: новые грани метафизики всеединства. Барнаул: Новый формат, 2021.

РАЗДЕЛ I. СИБИРЬ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕХОДА ОТ ТЕХНОГЕННО-ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ К ДУХОВНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ГЛАВА 1. Большая Евразия, Россия и Сибирь с позиций цивилизационного подхода (синхронический и диахронический аспекты анализа)¹

§ 1. Дискуссии вокруг Большой Евразии

Выделение Сибири в качестве объекта философской рефлексии представляется исключительно актуальной задачей в нынешнюю эпоху глобальной нестабильности и отсутствия внятно сформулированных целей национального существования. Это подразумевает анализ ее важнейшего геополитического положения в России и на евразийском пространстве в целом; стратегического биосферного, экономического и человеческого потенциала; и, самое главное, ее миссии при переходе к более справедливому и гуманному мироустройству, нежели нынешняя модель цивилизационного развития, которую, как отмечалось, можно назвать техногенно-потребительской и которая все чаще оценивается как тупиковая². Подобный анализ представляется

¹В данном параграфе использованы материалы следующих статей: Иванов А.В. Скрепки и межи Большой Евразии (размышления над книгой «Россия в формирующейся Большой Евразии») // Вестник МГУ. Серия 12: Политические науки. 2020. № 2. С. 91–103; Иванов А.В., Журавлева С.М. Большая Евразия: понятие, вызовы, задачи Сибири и России // Ученые записки (Алтайской гос. академии культуры и искусств). 2020. №3. С. 12–20.

²См. о новой цивилизации более подробно в монографии с участием авторов: Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. На путях к новой цивилизации (очерки духовно-экологического мировоззрения).

тем более необходимым, что Сибирь, как и вся Россия, сегодня активно вовлекаются в глобальный китайский проект транспортно-экономической интеграции «Большой Евразии».

Напомним вкратце его предысторию. В сентябре 2013 года, выступая в Астане в «Назарбаев Университете», лидер Китая Си Цзиньпин впервые предложил проект «Экономический пояс Шелкового пути». Позднее этот проект трансформировался в более детальную и амбициозную концепцию «Один пояс — Один путь», в которой была предложена китайская версия экономической и культурной интеграции государств Евразии на основе прокладки многочисленных транспортных коридоров из Китая преимущественно в западном и юго-западном направлениях, а также реализации совместно с Поднебесной различных инфраструктурных и промышленных проектов. Российским ответом на китайскую инициативу стала концепция «Большого евразийского партнерства», высказанная В.В. Путиным в послании Федеральному собранию Российской Федерации в декабре 2015 года. Она декларировала начало формирования партнерских экономических отношений между странами — членами таких уже сформировавшихся на Востоке межгосударственных объединений, как ШОС, ЕАЭС и АСЕАН.

С этого момента в политический и научный оборот прочно вошло понятие «Большой Евразии», выступающей потенциальным коллективным субъектом международных отношений нового типа, в основу которых положено равноправие, уважение политического суверенитета и культурной самобытности стран. Многие исследователи видят в этом начало формирования нового незападного типа глобального порядка, где лидерами становятся народы

Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2014; Иванов А.В., Попков Ю.В. Духовно-экологическая цивилизационная перспектива: ценностный потенциал молодежи в сибирском контексте // Siberian Socium. 2021. Том 5. № 1 (15). С. 8–19.

Востока, избавившиеся от роли пассивных объектов мировой политики и играющие по иным политическим, экономическим и культурным правилам. По сути, в этом новом понятии имплицитно зафиксирован исключительно важный смысл: **западный проект глобализации оказался несостоятельным.** Он привел сегодня к резкому обострению международных отношений (фактически к новой холодной войне) и не сумел решить ни одной глобальной проблемы человечества, будь то катастрофическая социальная дифференциация общества на разных уровнях его организации и резкий разрыв в уровне жизни между странами так называемого «золотого миллиарда» и остальным миром, или экологическая, продовольственная, демографическая и другие проблемы. Пандемия коронавируса — еще одно доказательство того, что на смену конкурентно-конфликтной политической ментальности, рыночной и государственной конкуренции, культу индивидуализма и экономической выгоды должны прийти альтернативные — альтруистические, солидарные и миротворческие ценности.

Однако в географическом, геополитическом и геокультурном смыслах новый термин «Большая Евразия» до сих пор остается весьма туманным. Некоторые считают, что под Большой Евразией следует понимать все пространство евроазиатского континента от Шанхая до Лиссабона, активно задействованное на новом этапе международного сотрудничества. Но в этом случае она ничем не отличается от чисто географического понятия «евроазиатского континента» или «Старого Света». С.А. Караганов, один из активных лоббистов нового понятия, полагает, что оно «нацелено на совместное экономическое, политическое и культурное возрождение и развитие десятков в прошлом частью отсталых или подавлявшихся евроазиатских стран, превращение Евразии в центр мировой экономики, политики и культуры. Он будет включать в себя как страны Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, центра Евразии, Россию, так и, видимо, в

растущей степени страны европейского субконтинента и их организации, в той мере, в какой они будут способны и настроены на конструктивное сотрудничество»¹.

Еще более широкого геополитического взгляда на Большую Евразию придерживаются А.В. Яковец и Е.Е. Растворцев, включая в нее не только страны и объединения всего евроазиатского континента, но и регион Северной Африки², который активно включен в европейское торгово-экономическое сотрудничество.

Сугубо политический и экономический смысл вкладывают в понятие Большой Евразии Д.В. Суслов и А.С. Пятачкова, понимая под ним «региональное международное сообщество, формирующееся естественным путем вследствие сложения трех активно реализуемых тенденций: поворот России на восток, поворот Китая на запад, а также создание Евразийского экономического союза и его постепенное вплетение в ткань экономических и интеграционных отношений в Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии...Большая Евразия уже сформировалась как международно-политическая реальность»³.

Разнообразные трактовки Большой Евразии, как они представлены в современной научной литературе, носят преимущественно политический, географический или экономический характер. К тому же они во многом описательны и ситуативны, т.е. фиксируют непосредственно данные политические и экономические реалии без учета их устойчивых геополитических и социокультурных оснований и тенденций развития. Иными словами, словосочетание

¹Караганов С.А. Россия — возвращение домой (вместо предисловия) // Вопросы географии. Сб.148. Россия в формирующейся Большой Евразии. М.: ИД «Кодекс», 2019. С.13–14.

²Яковец А.В., Растворцев Е.Е. Большая Евразия: стратегия партнерства цивилизаций и объединений. Научный доклад. М.: МИСК, 2017.

³Суслов Д.В., Пятачкова А.С. Большая Евразия: концептуализация понятия и место во внешней политике России // Вопросы географии. Сб.148. Россия в формирующейся Большой Евразии». М.: ИД «Кодекс», 2019. С. 16–53.

«Большая Евразия» лишь контурно и весьма приблизительно очерчивает новую геополитическую ситуацию на евроазиатском континенте и в мире, и потому, в силу своей недостаточной концептуальной проясненности, лишено серьезного объяснительного и предсказательного потенциала.

Необходимо также подчеркнуть, что потребность в обстоятельном осмыслении Большой Евразии определяется не только сугубо научными, но и практическими причинами. Такая великая страна, как Россия, обязана иметь не декларативную, а ясно и четко сформулированную собственную стратегическую программу объединения Большой Евразии, которая была бы одновременно нацелена на решение ключевых задач ее собственного развития, особенно регионов Сибири и Дальнего Востока.

Разработка такого глобального научно-философского видения Большой Евразии требует адекватной методологии. На наш взгляд, методологической базой для разработки российского проекта интеграции Большой Евразии может стать уточненный цивилизационный подход.

Соответственно, задачами данного раздела монографии являются, во-первых, систематическая экспликация понятия «Большая Евразия» в русле цивилизационного подхода; во-вторых, демонстрация возможностей и потенциала синтеза диахронического и синхронического аспектов цивилизационного подхода, позволяющего по-новому взглянуть на современную историческую ситуацию; и, в-третьих, обоснование особой пространственной миссии Сибири, оказывающейся в «средокрестии» важнейших «цивилизационных коридоров» Большой Евразии (*синхронический аспект*) и одновременно обладающей уникальным потенциалом для российского, евразийского и мирового исторического «цивилизационного прорыва» (*диахронический аспект*).

Набравшие сегодня силу тенденции антиглобализации, политической конфронтации и изоляционизма в международных отношениях, во многом спровоцированные пандемией, никого не должны вводить в заблуждение:

глобальные проблемы современности никуда не делись, а только обострились, и решать их по-прежнему можно только сообща. Весь вопрос заключается только в том, когда, на каких концептуальных и ценностных основаниях и ради каких целей начнется новый виток евразийской и мировой интеграции и кто будем играть в нем ключевую роль.

§2. Большая Евразия с позиций синхронического аспекта цивилизационного подхода

Прежде всего, следует зафиксировать нашу исходную методологическую посылку: нет никаких оснований, развивая концепцию Большой Евразии, отказываться от классического цивилизационного выделения на географическом пространстве евроазиатского континента (или Старого Света) **трех мегацивилизаций** (или, в другой терминологии, культурно-географических миров): **Запада, Северной (или Внутренней) Евразии и Востока.**

В рамках западной (или европейской)¹ мегацивилизации представители классического евразийства и их предшественники выделяли две цивилизационных части — романскую и германскую. «Европа, — писал в этой связи Н.Я. Данилевский, — есть поприще германо-романской цивилизации — ни более, ни менее; или, по употребительному метафорическому способу выражения, Европа есть сама германо-романская цивилизация. Оба эти слова — синонимы»². При всем единстве Европы в выделении ее романской и германской частей есть вполне рациональный смысл: европейская лингвокультурная общность образована народами, говорящими на романских языках (португальцы,

¹Эти слова используют как синонимы, например, М. Хайдеггер, К. Ясперс и К.Г. Юнг, справедливо полагая, что именно европейская история и культура, ее ценности и идеи лежат в основании всей западной цивилизации.

²Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 2003. С.79.

испанцы, каталонцы, французы, итальянцы, румыны, молдаване), населяющими в основном западные и южные районы Европы; и народами, говорящими на германских языках (англичане, немцы, шведы, норвежцы, датчане, исландцы), обжившими преимущественно ее северные территории.

Между этими двумя самыми большими группами единого европейского культурно-географического мира существуют известные этнопсихологические и культурные различия. Так, романские народы ведут свою культурную (и этническую) родословную от римской империи (цивилизации ромеев) и представляют, в основном, католическую Европу. Исторические и культурные корни германских народов уходят в глубины евразийской индоевропейской древности, связанной с великим переселением народов. Север Европы — это, в основном, Европа языческая и протестантская. Существуют также свои особенности у литератур на романских и германских языках, а также в музыкальном искусстве, философии, культурной и колониальной политике и т.д. Так, по мнению ряда искусствоведов, выдающиеся традиции оперного искусства Испании, Франции и особенно Италии — это во многом результат фонематического строения романских языков и соответствующей работы голосовых связок, благоприятных для развития искусства оперного пения. В свою очередь, немецкая классическая философия стала возможной благодаря грамматическому богатству немецкого языка, способному выразить тончайшие смысловые и логические оттенки мысли, а также общему рационалистическому духу немецкой реформации. Германский север Европы, как считал известный отечественный геополитик и филолог, один из предшественников евразийства В.И. Ламанский, отличается большей, по сравнению с романской Европой, политической агрессивностью и склонностью к внешней экспансии, особенно в восточном направлении.

После становления Соединенных Штатов Америки, в формирование которых наибольший вклад внесла Англия,

внутри западного мира оформился особый, связанный с освоением океана, *англо-саксонский* либерально-демократический *океанический* мир, в известной степени противостоящий *континентальной* Европе, олицетворяемой Германией. Именно англо-саксонский мир является ныне наиболее зримым воплощением западного техногенно-потребительского глобализма, нацеленного на политическое и экономическое доминирование, интеллектуальное и культурное господство.

Выделяют также восточную — западнославянскую — Европу, с которой народы Евразии связаны вековыми культурно-языковыми и религиозными узами. Однако с точки зрения цивилизационной идентичности поляки, чехи, словаки, жители Балкан (даже сербы) безусловно относят себя к европейскому культурно-географическому миру, что проявляется, например, в многовековой безуспешности попыток реализовать панславистский или православный интеграционные проекты.

При всех своих различиях и обострившихся в последнее время внутренних противоречиях Запад, как единая мегацивилизация, характеризуется общими индивидуалистическими, рационалистическими и либерально-рыночными ценностями, конкурентно-конфликтной экономической и политической ментальностью, нацеленностью на культурный монолог и доминирование.

В рамках Восточной мегацивилизации можно, в свою очередь, выделить западный исламский Восток (или исламскую цивилизацию); южный индуистский Восток (индийскую цивилизацию); буддийскую юго-восточную и восточную Азию, где самобытными субцивилизационными образованиями являются культуры народов Индонезии, Индокитая, Японии, Кореи и, конечно, Китая. При всех своих глубоких цивилизационных и субцивилизационных различиях, даже конфликтах, например, между индуистской Индией и исламским Пакистаном, суннитской Турцией и шиитским Ираном, буддийской Кореей и буддийско-синтоистской Японией, конфуцианским Китаем и той же

Южной Кореей, восточная мегацивилизация характеризуется рядом общих культурных, политических и ментальных черт. К ним можно отнести культурный традиционализм, особое почитание семьи и родственных отношений, особую роль централизованного государства в жизни общества, глубокую религиозность, коллективистские идеалы общежития, наличие сильной интуитивно-мистической составляющей в религиозных и философских представлениях, а также меньшую, по сравнению с Европой, склонность (за исключением исламской цивилизации и Японии) к насильственно-силовому решению политических проблем и к идейной конфронтации. Особое пограничное положение между Западом, Востоком и Северной Евразией¹ занимает Турция. Этим во многом определяется ее крайне противоречивая и сложная внешняя и внутренняя политика как в прошлом, так и в настоящем, что, впрочем, не входит в предмет настоящего исследования.

В целом, можно говорить о большом миротворческом и культурно-диалогическом потенциале традиционных восточных культур, особенно Индии, что, безусловно, является важным мировоззренческим и культурным основанием будущего объединения Большой Евразии, отличного от западных глобальных проектов. Именно неприятие западных ценностных установок и породило в последнее десятилетие стремление стран Востока и Северной Евразии, речь о которой впереди, к поиску новых форм интеграции. Интересный анализ этих интеграционных проектов, принадлежащих разным восточным странам (Китаю, Южной Корее, Турции, Индии, Японии, Казахстану и Монголии) можно найти в коллективной монографии М.С. Михалева, В.И. Якунина и М.В. Вилисова «Пояса и пути Евразии: В поисках человека»².

¹Где особую роль, как мы покажем ниже, играет Россия.

²См.: Михалев М.С., Якунин В.И., Вилисов М.В. Пояса и пути Евразии: В поисках человека. М.: Наука, 2018.

К сожалению, большинству отечественных политологических, экономических и географических работ, посвященных Большой Евразии, включая и те монографии, которые упоминались выше, не свойственно понимание России как важнейшей части **евразийской мегацивилизации**, лежащей между мегацивилизациями Востока и Запада. Это также характерно и для многих чиновников, ответственных за разработку российского внешнеполитического курса. Так, А.В. Картунов, генеральный директор и член Президиума Российского совета по международным делам, трактует Россию как сугубо европейскую, а не «какую-то малопонятную гибридную “евразийскую страну”»¹.

Однако, вопреки мнению подобных авторов, ничего «гибридного» и малопонятного в трактовке России как евразийской державы вовсе нет. Еще А.С. Пушкин не считал нашу страну частью Европы, говоря, что познание России требует «другой формулы», чем познание христианского Запада. Основы этой «другой формулы» заложены им самим в знаменитом стихотворении «Памятник», которое можно считать исходной концептуальной матрицей всей последующей евразийской доктрины.

В евразийскую Россию («Русь Великую») Пушкин не только безошибочно точно включает все ключевые народы (этноты) Северной (или Внутренней, или Континентальной, или «малой») Евразии: славян, тюрков, угро-финнов и палеоазиатские народы Севера, но и выделяет общие ценностные основы, которые эти евразийские народы объединяют: верность долгу («велению Божьему»), «чувства добрые» в отношениях между людьми и народами, свободолюбие. Особенно важна здесь такая черта, как

¹Картунов А.В. Вернется ли Россия в Европу? // Вопросы географии. Сб.148. Россия в формирующейся Большой Евразии». М.: ИД «Кодекс», 2019. С.68.

²Все эти атрибуты вполне правомерны для выделения пространства евразийской мегацивилизации в рамках евроазиатского континента.

«милость к падшим», гениально схваченная Пушкиным. Именно она зримо отличает евразийские ценностные приоритеты, особенно ярко проявленные в русской культуре, от европейских ценностных устоев. Россия всегда щадила своих поверженных врагов, в отличие от западных стран, стремящихся «дожать» и уничтожить своих политических конкурентов¹.

Нынешние антизападные настроения в России — во многом плод этой близорукой политики Европы и США в 1990-е годы прошлого века, попытавшихся эгоистически выжать для себя максимум из победы над СССР в холодной войне. Нынешнее формирование Большой Евразии на незападных правилах «цивилизационной игры» — во многом реакция ее стран на агрессивную неокOLONIALИСТСКУЮ ментальность Европы и США.

Возвращаясь к цивилизационному своеобразию Северной (Внутренней или «малой») Евразии, в целом пространственно совпадающей с территорией бывшего СССР, следует отметить, что значительный вклад в его понимание, помимо уже упоминавшихся выше Н.Я. Данилевского и В.И. Ламанского, внесли славянофилы (особенно А.С. Хомяков), К.Н. Леонтьев, Ф.М. Достоевский и Д.И. Менделеев. В XX веке, помимо классиков евразийства и Л.Н. Гумилева, евразийские взгляды на цивилизационную самобытность России развивали Н.К. и Ю.Н. Рерихи, видный отечественный литературовед и историк В.В. Кожин, философ и политолог А.С. Панарин. Сегодня взгляд на своеобразие евразийской мегацивилизационной общности разделяют многие не только отечественные, но и зарубежные (монгольские, казахстанские, белорусские, украинские и др.) ученые. Теоретическому и эмпирическому (по итогам массовых и экспертных опросов в различных локусах евразийского мира) обоснованию этой идеи были посвящены

¹Более подробный анализ евразийских взглядов Пушкина и авторское видение евразийской идеи можно найти в коллективной монографии: Иванов А.В., Попков Ю.В., Тюгашев Е.А., Шишин М.Ю. Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2007.

специальные социологические исследования, проведенные нами ранее вместе с коллегами-евразийцами из других стран¹. Специально отметим видного монгольского ученого Н.Х. Цэдэва, написавшего показательную статью «Евразийская идея глазами монгола»².

Здесь уместно остановиться еще на одном чрезвычайно распространенном, на наш взгляд, заблуждении — **на попытке отождествить евразийскую цивилизацию исключительно с российской государственностью (или российской цивилизацией, или так называемым «русским миром»)**. В самое последнее время эта позиция была представлена в коллективной и довольно содержательной монографии «Советская цивилизация и евразийская идея: две истории длиной в век (к столетию образования СССР и становления евразийства)». Так, ее редактор и автор значительного числа глав И.Ф. Кефели пишет: «Рассматривая вопрос об историософских и геополитических контурах евразийской цивилизации, следует четко представлять, что системообразующим фактором ее становления и развития явилась российская государственность, претерпевшая за многовековую свою историю многочисленные трансформации — от Киевской и Владимирской Руси до Российской Федерации и создаваемого Евразийского союза. Можно приводить многочисленные суждения отечественных, и не только, авторов (малая часть упоминалась в данном разделе), в которых с разной степенью убедительности утверждалась одна и та же идея: в геополитическом, этнографическом и историко-культурном отношении “Континент-Евразию” следует рассматривать как одну из локальных цивилизаций»³.

¹Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация / Под ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск: Нонпарель, 2010.

²Цэдэв Н.Х. Евразийские этюды — П. Улан-Батор: «Соембо Принтинг», 2019. С.6–22.

³Советская цивилизация и евразийская идея: две истории длиной в век (к столетию образования СССР и становления евразийства) /под ред. И.Ф. Кефели. СПб.: ИД «Петрополис», 2022.С.368.

Но как раз многочисленные исторические и культурные факты свидетельствуют об обратном: в становление локальной российской цивилизации, основополагающую роль которой в интеграции евразийского культурно-географического мира (или мегацивилизации) на протяжении последних веков отрицать невозможно, весомый вклад внесли и монгольская, и тюркская, и угро-финская цивилизационные евразийские общности. Их самостоятельную и важную роль в последующем существовании и развитии евразийской мегацивилизации также отрицать невозможно, как невозможно отрицать причастность к этой мегацивилизации нынешних образовавшихся после распада СССР независимых государств Средней Азии.

Если евразийская цивилизация носит локальный российский характер, то это мгновенно ставит под вопрос стратегическую роль России в интеграции Большой и Малой Евразии. Любопытно, что сам автор в заключении монографии¹ сетует на распространение идеологии национализма и пантюркизма на пространстве бывшего СССР. Но что может быть лучшим и более весомым аргументом против всех форм этносепаратизма, как не указание на общую мегацивилизационную идентичность евразийских народов, не исключаяюшую иных форм идентичности (субцивилизационных, религиозных и этнонациональных), а органически включающих их в себя. Как раз единство евразийской мегацивилизационной идентичности, уходящее в глубины истории, задает основание для нового объединения евразийских народов.

Что касается географических, исторических и культурных фактов, позволяющих рассматривать «Континент Евразию» в качестве самостоятельной мегацивилизации, то ее характеризуют достаточно четкие географические границы в виде морей, пустынь и гор на севере, западе, востоке и юге евроазиатского континента; «флагоподобное» широтное расположение природно-климатических зон (тундра — лес —

¹Там же. С.425-427.

степь — пустыня), отличающее ее и от Востока, и от Запада; а также историческое единство, культурное взаимообогащение и психологическая комплиментарность населяющих ее народов, чему особое внимание, как известно, в своих работах уделили классики евразийства, а также семья Рерихов и Л.Н. Гумилев. Евразийское пространство полиэтнично, поликультурно и поликонфессионально. Здесь не было и нет более и менее «развитых», более и менее «просвещенных» народов, хотя в последние столетия, согласимся в этом пункте с И.Ф. Кефеле, именно русский народ и российская цивилизация выполняли на евразийском цивилизационном пространстве особую собирательную и просветительскую миссию.

Однако и здесь следует сделать важную оговорку: это стало возможным только потому, что великорусский этнос и московское государство, не отказываясь от своих духовных основ, сумели переступить через свой этнический, исторический и религиозный эгоизм и гонор. От этого многие другие народы Евразии отказаться как раз не смогли и до сих пор не могут, о чем свидетельствуют многочисленные факты этноцентризма и клановости в государствах и республиках бывшего СССР. Фактически Московская Русь на пути к объединению евразийского цивилизационного пространства и превращению в Великую Русь, как раз **сумела переступить через эгоизм своей локальной цивилизации**. Она признала другие этносы, их хозяйственные уклады и религии равными и самоценными, часто даже жертвуя ради них интересами русского народа. Для мировоззрения евразийства и для евразийской мегацивилизации в целом губителен всякий квасной патриотизм, национализм и этноцентризм, в том числе и русский. И, наоборот, живительны и созидательны альтруизм и бескорыстная помощь, точно так же, как и во взаимоотношениях между людьми.

Трагически распавшееся в результате крушения СССР политическое пространство «малой» Евразии не перестало, однако, существовать как живое цивилизационное единство,

так или иначе тяготеющее к различным формам объединения, о чем еще будет сказано ниже.

Этот достаточно пространственный цивилизационный экскурс был необходим для обоснования нашего первого ключевого тезиса: под Большой Евразией следует понимать усиливающееся экономическое, политическое и, будем надеяться, культурное взаимодействие стран «малой Евразии» (где первичной формой их нового внутреннего мегацивилизационного объединения выступает Евразийский экономический союз) со странами Востока, и последних — между собой.

Проще говоря, Большая Евразия — это евроазиатский континент без Европы, но который, объединяясь в первую очередь внутри себя, вовсе не отталкивает Европу и коллективный Запад, а готов и обязательно будет сотрудничать с ними, но только на иных, не западных и пока только формирующихся, международных принципах и ценностных устоях.

Запад не смог интегрировать мир на провозглашенных им еще в эпоху Просвещения принципах свободы, справедливости и гуманности, сведя все в конечном итоге к культуре либерально-рыночных и индивидуалистических ценностей. Теперь **миссию справедливого и равноправного объединения человечества берет на себя страны Большой Евразии.**

§3. Цивилизационные задачи России в Большой Евразии

Такой вывод с необходимостью ставит вопрос о цивилизационных задачах России в интеграции Большой Евразии. Понятно, что эта проблема столь сложна и многомерна, что исключает простые ответы и требует комплексного анализа с участием ученых разных специальностей. То, что будет сказано ниже, — не более, чем попытка философски, с предельно общих мировоззренческих и методологических позиций, очертить контуры этих задач.

Во-первых, с позиций *цивилизационного подхода в его пространственно-синхроническом аспекте* приоритетной для России в рамках Большой Евразии является задача нового объединения «малой Евразии» как срединной мегацивилизации, где речь, конечно, должна идти не о возвращении к единому государству, а о более тесной политической, хозяйственной и культурной интеграции стран, некогда входивших в состав СССР. Предпосылками подобной евразийской интеграции в узком смысле являются не ослабевающая, а только усиливающаяся со временем и имеющая под собой объективные основания ностальгия населения бывших союзных республик по временам СССР; массовая работа жителей Средней Азии как органической части «малой Евразии» на предприятиях в России, а также объективная потребность в инфраструктурной и экономической интеграции, ибо только она способна повысить конкурентоспособность континентальных стран по сравнению со странами океаническими, которые объективно всегда находятся в лучшем положении при нынешних экономических «правилах игры». Это касается, прежде всего, транспортных издержек, поскольку сухопутный транспорт намного дороже морского. Даже Китай, проводящий ныне политику развития сухопутных транспортных коридоров в Евразии, 98% своей продукции экспортирует морским путем. Об этом еще будет подробно сказано ниже.

Во-вторых, к Центральной Азии в собственном смысле слова относятся пограничные цивилизационные регионы пустынного Синьцзяна и высокогорного Тибета, испокон веков бывшие ареной взаимодействия (то мирного, то военного) буддийской, исламской, китайской (конфуцианско-буддийской) и индийской (сначала буддийской, а потом индуистской) цивилизаций. Что касается Синьцзяна, то он вообще населен евразийскими кочевыми этносами, прежде всего, уйгурами, а Джунгария (северная часть Синьцзяна) вместе с Монголией и вовсе не без оснований рассматривается некоторыми авторами как органическая часть Северной Евразии. Сегодня Тибет и Синьцзян входят в состав Китая,

испытывающего в связи с этим огромные, именно цивилизационные, проблемы их интеграции в состав Поднебесной, которые ему никак не удастся решить чисто экономическими и военно-политическими методами.

Все это заставляет в целом критически отнестись к претензиям Китая на роль лидера объединяющейся Большой Евразии, способного действовать в интересах всех ее участников, хотя именно эта позиция заявляется и активно пропагандируется Китаем в рамках программы «Один пояс — один путь». Для справедливой и взаимовыгодной — **соборной** — интеграции Большой Евразии, а тем более объединения стран, принадлежащих к «малому» евразийскому цивилизационному пространству, у Китая, в отличие от России, сколь бы парадоксально это ни звучало, **нет необходимого исторического опыта, как нет и ценностных императивов выстраивания равноправных и доверительных отношений с другими странами.** Китайская цивилизация испокон веков нацелена не на соборное единение с другими народами и культурами, а в лучшем случае на автономное сосуществование рядом с ними (так живут во всех странах мира китайские диаспоры), в худшем — на глобальное доминирование, пусть пока и неявное.

Несмотря на все свои великие экономические и культурные достижения, китайская цивилизация слишком прагматична и эгоистична. Она, если считает необходимым, не брезгует насильственными методами подчинения других народов. Не случайно у западных монголов, хорошо помнящих геноцид со стороны цинского Китая в XVII–XVIII веках, существует поговорка о китайцах: «На устах мед — на сердце лед». Весьма показательны публикации последнего времени в китайской прессе с призывами к Казахстану и Киргизии вернуться в состав Китая, что, в частности, вызвало резко негативную реакцию со стороны руководства Казахстана¹.

¹СМИ КНР призвали Киргизию и Казахстан вернуться в Китай. URL: https://vestikavkaza.ru/material/299813?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https3A2F2Fyandex.ru2Fnews.

Что касается нынешнего Синьцзяна, то сегодня он отрезан от внешнего мира. Иностранцам доступ туда запрещен. Уйгурское население находится под жестким электронным контролем со стороны властей и подвергается репрессиям. Не лучше ситуация и в Тибете¹.

К сожалению, нынешний Китай, который можно назвать потребительски и имперски ориентированной «азиатской Америкой», во многом забыл о тех базовых духовных ценностях, которые лежали в основании великой китайской цивилизации, просуществовавшей века. Эти ценности заложены уже в «осевых» текстах китайской культуры — в «Шицзине» (Книге песен) и «И-цзине» (Книге перемен), «Дао дэ цзине» и «Лунь Юе». К таким ценностям относятся нестяжательство, смирение гордыни и добросердечие. Последний момент особенно важен. Возвращение к «философии сердца», развивавшейся в китайской философии в течение столетий, помогло бы великой стране преодолеть материально-потребительские и имперские соблазны и действительно превратиться в одного из лидеров объединения Большой Евразии.

Что касается китайского вектора российской политики, то, сохраняя дружественные и динамичные отношения с великим восточным соседом, Россия должна последовательнее и жестче отстаивать свои национальные интересы и почаще напоминать амбициозным китайским товарищам о забытых ими традиционных ценностях Поднебесной, без которых в подлинно великую мировую державу Китаю превратиться сложно, а вот повторить судьбу многих исчезнувших империй очень просто.

В-третьих, устойчивыми и верными геополитическими союзниками России в Большой Евразии являются две страны — Монголия и Индия. Только индийская цивилизация

¹СМИ: Китай массово принуждает тибетцев к труду и отрицает принудительную стерилизацию в Синьцзяне. URL: <https://rus.azattyq.org/a/chinese-regime-uses-forced-labor-in-tibet-and-denies-coercive-birth-control-in-xinjiang/30852586.html>.

на пространствах Большой Евразии является столь же поликонфессиональной, поликультурной и многонациональной, обладает столь же большим миротворческим и культурно-синтетическим потенциалом, как и мегацивилизация евразийская, к которой принадлежит Россия. Отсюда уходящие вглубь столетий взаимные культурные симпатии и политические тяготения между Россией и Индией. Более того, как показывают современные междисциплинарные российско-индийские исследования, торгово-паломнические пути между Северной и Южной Евразией, между Сибирью и Северной Индией существовали с древнейших времен вплоть до середины XX века. Сохраняется также высокий уровень схожести базовых традиционных ценностей среди населения Сибири и Северной Индии, в первую очередь, их сельских и горных территорий, о чем свидетельствует наше пилотное сравнительно-социологическое российско-индийское исследование жизненных ценностей населения Уймонской долины на Алтае и округа Киннаур в Индийских Гималаях¹.

Известно также, какой большой совместный вклад внесли Россия и Индия в укрепление безопасности и мирного сотрудничества народов в 50–80-е годы прошлого века в ставшую уже легендарной эпоху «разрядки международной напряженности».

Поэтому, на наш взгляд, важнейшим фактором обеспечения геополитической устойчивости формирующейся Большой Евразии является всестороннее укрепление многосторонних российско-индийских и, конкретнее, сибирско-индийских связей. Здесь важнейшую роль призваны сыграть давно обсуждающиеся меридиональные транспортно-энергетические евразийские коридоры. К анализу предпосылок и возможностей прокладки таких коридоров мы обратимся ниже.

¹Алтай и Гималаи как уникальные культурные и биосферные регионы Евразии / под ред. А.В. Иванова, И.В. Фотиевой. Барнаул: РИО Алтайского ГАУ, 2017.

Укрепление российско-индийских связей объективно выгодно и Китаю, который в любом случае оказывается в самом сердце широтных и меридиональных транспортно-энергетических и «цивилизационных» коридоров Большой Евразии. Возможно, более глубокий цивилизационный диалог с Россией и восстановление добрососедских связей с Индией помогли бы Китаю более эффективно решать и свои внутренние проблемы, особенно в Синьцзяне.

Стоит также отметить, что после многолетней провальной политики и позорного бегства летом 2021 года США и их союзников из Афганистана выстраивание меридиональных евразийских связей становится еще более актуальным, как гарантия мегацивилизационной евразийской безопасности, в том числе, и от религиозного исламского экстремизма. Здесь геополитические интересы России, Китая и Индии объективно совпадают.

Что касается Монголии, то при всей своей самобытности она принадлежит к мегацивилизации Внутренней Евразии. Соответствующую аргументацию и эмпирический социологический материал можно найти в коллективной российско-монгольской монографии¹. Несмотря на охлаждение отношений между нашими странами в 1990-е годы прошлого века, можно констатировать, что сегодня идет постепенное, хотя и не всегда устойчивое восстановление российско-монгольских связей. Обидно, что препятствием к их более быстрому развитию чаще служит не монгольская, а именно российская сторона в лице чиновников разного уровня, не знающих и не понимающих геополитического значения дружественных отношений между Монголией и Россией. Полезно в этой связи напомнить слова бийского купца А.Д. Васенева, одного из самых успешных и просвещенных русских купцов на Алтае в начале XX века. Он писал: «Крайне желательно открытие русско-монгольских школ в Монголии, организация там медицинско-ветеринарной

¹Монгольский мир: между Востоком и Западом/ под ред. Ю.В. Попкова, Ж. Амарсаны. Новосибирск: Автограф, 2014.

помощи. Это, несомненно, встретит горячее сочувствие со стороны местного населения. Русское правительство не должно относиться безучастно к событиям в Монголии. Чувствуется необходимость вмешательства в дела этой страны. Многолетнее существование торговли в Монголии дает нам право на такое вмешательство. Необходимо создать между Россией и Китаем государство-буфер. Во всех отношениях удобнее иметь соседом мирную пастушескую страну, к нам расположенную, чем враждебно настроенных китайцев»¹.

Многие из этих рекомендаций, особенно об открытии русско-монгольских школ и оказании медицинско-ветеринарной помощи Монголии, и поныне сохраняют свою актуальность. Некоторые, касающиеся «враждебно настроенных китайцев», стали достоянием истории. Сегодня довольно интенсивно развиваются трехсторонние российско-китайско-монгольские отношения, особенно в плане создания общей дорожной инфраструктуры. Это очень важный геополитический сегмент формирующейся Большой Евразии, где необходимо особо подчеркнуть значение постепенно строящейся меридиональной автомобильной магистрали, проходящей через российский Абакан на Ховд, столицу Западной Монголии, и далее на китайский Урумчи, столицу Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. В перспективе эта магистраль может связать Россию, Монголию и Китай с Индией.

В-четвертых, интеграция Большой Евразии, как альтернатива западному глобализму, ставит на повестку дня важнейший вопрос — поиск и утверждение **новой модели общецивилизационного развития**: не потребительской, не техногенной, не конкурентно-конфликтной, не либерально-капиталистической и не тоталитарно-социалистической, а опирающейся на примат культурных и экологических ценностей. Именно в области теоретической разработки и

¹Сибирский купец А.Д. Васенев. Документы и письма. Ч.2. Барнаул: Изд-во Алт.ун-та. 1994. С.18.

практического воплощения концепции новых цивилизационных отношений и лежит, на наш взгляд, главный ответ на вопрос — какой вклад может внести Россия и Сибирь в объединение Большой Евразии. Но здесь необходимо обратиться уже не к синхроническому, а к диахроническому аспекту цивилизационного подхода.

§4. Цели интеграции Большой Евразии в диахроническом ракурсе цивилизационного подхода

Диахронический аспект (или измерение) цивилизационного подхода методологически восходит к классической марксистской формационной модели. Здесь выделяются исторически сменяющие друг друга глобальные типы цивилизационного мироустройства и образы жизни. Помимо классической и общеизвестной марксистской схемы сменяющих друг друга пяти общественно-экономических формаций, не менее известна другая историческая периодизация: традиционная (доиндустриальная) — индустриальная (техногенная) — постиндустриальная (информационная) цивилизации. Выделение последней стадии вызывает довольно обоснованные возражения, особенно в связи с угрозами глобальной цифровизации всех сфер общественной и частной жизни¹.

На наш взгляд, логичнее выделить три типа исторически сменяющих друг друга глобальных миросистем: традиционную (биоцентричную) — техногенно-потребительскую (техноцентричную) — духовно-экологическую (ноосферную или ноосфероцентричную). Последний тип глобального мироустройства, идею которого высказал В.И. Вернадский², находится ныне в состоянии

¹См., например, коллективную монографию: Постиндустриализм. Опыт критического анализа. М.: Наука, 2012.

²Обстоятельный анализ ноосферной концепции В.И. Вернадского предпринял в последнее время И.К. Лисеев. См.: Лисеев И.К.

становления и служит важным предметом теоретического поиска и научных дискуссий. К наиболее разработанным моделям ноосферного будущего человечества, на наш взгляд, относятся работы В.С. Степина¹, В.И. Субетто² и А.Д. Урсула³.

Для этих трех типов цивилизационного мироустройства характерны специфические формы индустриального производства (можно выделить, соответственно: ручную, начиная с каменной, индустрию — машинную индустрию — цифровую индустрию) и разные типы порождения, хранения и передачи информации (дописменная и рукописная — печатная — электронная). Каждый тип мироустройства порождает определенный тип духовной культуры (традиционная культура с доминированием религиозных представлений — культура технической цивилизации с доминированием науки — синтетическая духовная культура ноосферной цивилизации) и формирует определенный антропологический тип (природный человек, органически вписанный в природу и ее циклы — технический человек, потребительски эксплуатирующий и преобразующий природу в своих эгоистических интересах — ноосферный или софийный, если использовать терминологию представителей русской религиозной философии, человек, эволюционирующий вместе с природой и отвечающий за ее развитие).

Понятно, что все эти исторические классификации и типологии весьма условны и их границы не являются жесткими. Например, в глубочайшей древности мы встречаем

В.И. Вернадский: от единства знания — к царству разума (цивилизационные мотивы) // Проблемы цивилизационного развития. 2020. Т.2. №1. С.20–34.

¹См.: Степин В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2003; Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011.

²См.: Субетто А.И. Ноосферный прорыв России в будущее в XXI веке. СПб.: Астерион, 2010.

³См. Урсул А.Д. Феномен ноосферы: глобальная эволюция и ноосферогенез. М.: Ленанд, 2015.

самые настоящие ноосферные антропологические типы, вроде легендарных Будды и Лао Цзы или вполне земных Сократа и Марка Аврелия, Авиценны и святого Франциска Ассизского. Не исключено также, если подтвердится гипотеза Атлантиды, что и в древнейшие периоды земной истории существовали цивилизации, обладавшие высочайшим уровнем технического развития. Впрочем, обсуждение подобных гипотез выходит за рамки данной монографии.

Наша ключевая методологическая идея состоит в **необходимости использования возможностей и органического совмещения обоих аспектов цивилизационного подхода**. Это означает, что лидерскую роль в переходе к исторически новому типу глобального мироустройства всякий раз играют конкретные пространственные мегацивилизации, а в них особое значение приобретают ключевые локусы, обладающие для подобного прорыва соответствующим природным, культурным и человеческим потенциалом. Основы подобного синтетического взгляда на цивилизационный подход намечены в философии истории Гегеля, в теоретических построениях Н.Я. Данилевского и в историософии В.С. Соловьева. Уже в XX веке идею пространственного смещения центров мировой культуры из районов менее холодных в более холодные высказал П.Н. Савицкий в статье «Миграция культуры»¹.

Так, возникновение великих традиционных культур древности, типа египетской, шумеро-аккадской, китайской или индийской, происходит на Востоке в долинах великих рек с возможностью ведения ирригационного оседлого земледелия. В их рамках особое цивилизационное значение приобретали пространственные точки, лежащие на пересечении торговых путей, которые обладали, помимо водных, уникальными почвенными и растительными ресурсами, месторождениями полезных ископаемых, особо благоприятными климатическими условиями для ведения сельского хозяйства и развития ремесел. В таких местах и возникали древнейшие осевые города восточных

¹Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф 1997. С.371–381.

цивилизаций: Мохенджо-Даро в Индии, Саккара в Египте, Шан в Китае, Ур в Месопотамии.

Становление классической западной мегацивилизации с приматом городской культуры, конкурентно-конфликтной политической и экономической ментальности, науки и рационального мировидения начинается с греческих полисов Малой Азии и лишь постепенно распространяется на территорию классической Греции, а позднее — на весь средиземноморский и европейский регионы.

Христианская цивилизация начинается с Ближнего Востока, лишь многие десятилетия спустя обретая свои ключевые цивилизационные локусы в Риме и Константинополе и затем распространяя влияние на огромные пространства Европы, Азии и Африки.

Родина *техногенно-потребительской цивилизации Запада и классического европейского капитализма* с мануфактурным производством и гуманистической идеологией — итальянские города с Венецией и Флоренцией во главе. Классический европейский капитализм к концу XIX века фактически охватывает все пространство земного шара.

Русский социализм как оппозиционный капитализму ипостась *техногенно-потребительской цивилизации*¹ начинается с Санкт-Петербурга и постепенно формирует

¹Отнесение мирового социализма к техногенно-потребительской цивилизации объясняется господствующим при социализме материалистическим мировоззрением и экономическими приоритетами деятельности, начиная с культа производительных сил и заканчивая задачей максимально полного удовлетворения растущих материальных и духовных потребностей человека. Запад одержал свою победу в борьбе с СССР во многом потому, что, спекулируя на трагических событиях отечественной истории XX века, сумел очаровать потребительскими перспективами не избалованного материальным достатком советского обывателя. На этом фоне в общественном сознании ступшевались и безусловные преимущества советского социального государства, и альтруистические элементы коммунистической идеологии. Их значение становится понятным в России только сейчас — после всех ужасов 90-х годов прошлого века и современного наступления правящих «элит» на права и достоинство простых граждан по всему миру.

мировую систему социализма, потерпевшую историческое поражение в последнее десятилетие XX века. Правда, триумф капитализма оказался пирровой победой. Современный ренессанс социалистических идей на Западе и в странах Латинской Америки, идущий параллельно с закатом США — лидера капиталистического мира, лишь эмпирически подтверждает тот факт, что мы имеем дело с системным кризисом техногенно-потребительской цивилизации в целом.

Зарождаясь в конкретных локусах и имея период эмбрионального созревания, новые цивилизационные отношения постепенно распространяются по всему миру и трансформируют в определенном направлении другие мегацивилизации и локальные цивилизации.

Возникает закономерный вопрос: какая территория может сегодня претендовать на роль трансформационного локуса при переходе от техногенно-потребительской к ноосферной (или духовно-экологической) цивилизации в геополитических условиях, когда центр всемирно-исторической жизни явно смещается из Европы и США в регион Большой Евразии?

Можно привести целый ряд аргументов в пользу того, что **именно Сибирь с ее важнейшими культурно-биосферными регионами, типа алтайского и байкальского, призвана стать российской, общеевразийской и одновременно глобальной «стартовой площадкой» для перехода человечества к ноосферной цивилизации нового типа с адекватными этой задаче пространственными, сырьевыми, экологическими, социально-экономическими, политическими, культурными и антропологическими ресурсами.**

Однако прежде чем детально развернуть и обосновать этот ключевой для нас тезис, необходимо обратиться к анализу глобальных причин перехода к духовно-экологической цивилизации, а также коснуться роли Сибири в истории России.

ГЛАВА 2. Стратегические геопроекты русской цивилизации¹

В данной главе мы развернем и обоснуем еще одну нашу ключевую идею, развивающую пространственный аспект цивилизационного подхода: **освоение Сибири представляет собой третий и наиболее важный глобальный русский геопроект**, который превратил Россию в великую евразийскую и мировую державу, но который к настоящему моменту является незавершенным, нуждаясь в переводе из *экстенсивной* (колониально-сырьевой) — в *интенсивную* (лидерски-инновационную) стадию.

Эта инновационная стадия развития Сибири должна будет способствовать духовно-экологической (ноосферной) системной трансформации всей России и одновременно обеспечить устойчивую и справедливую интеграцию Большой Евразии на принципиально новых — не техногенных, не потребительских и не конкурентно-конфликтных — принципах цивилизационного существования.

§1. «Северный» и «южный» стратегические геопроекты в истории России

Россия, как великая континентальная держава, формировалась и расширялась не за счет завоевания заморских колоний, подобно Испании, Англии или Франции, а путем естественного расширения ее пространственно-культурного ядра, сосредоточенного в междуречье Волги и Оки, на север, юг и на восток Евразии. Путь на запад был закрыт с самого начала, учитывая наличие таких мощных и агрессивных соседей, как Польша и Литва, Тевтонский и

¹Отдельные положения этого параграфа отражены в статье: Иванов А.В. Освоение и развитие Сибири как третий русский стратегический геопроект // Вестник Омского государственного университета. 2019. Т.24. №3. С. 84–96.

Ливонский католические ордена. Непрерывающаяся агрессия со стороны европейской цивилизации, не только военная, но религиозная и культурная, — отличительная черта всей русской истории. Пространственный проект расширения Европы на Восток, получивший классическое выражение в лозунге «drag nach osten», превратил западную границу сначала Московской Руси, а потом Российской империи, Советского Союза и нынешней Российской Федерации в вечную оборонительную линию, простирающуюся от Балтийского до Черного морей. Эта оборонительная линия, сохраняющаяся с теми или иными локальными модификациями вплоть до сегодняшнего дня, — лучшее и наиболее наглядное историческое и геополитическое доказательство того факта, что **Россия никогда не была частью европейского культурно-географического мира, а являлась с самого начала срединной евразийской державой, обреченной пространственно расширяться, в первую очередь, на Восток.**

Данное утверждение вовсе не противоречит факту нашего политического, технического и культурного ученичества у Запада, а лишь четко очерчивает важнейшую проблему, каждый раз встающую перед Россией и не имеющую однозначного, раз и навсегда данного решения: какие западные ценности и инновации необходимо заимствовать и развивать, а от каких следует безусловно и решительно отказываться как от не соответствующих природно-климатическим, историческим, хозяйственным и культурным особенностям евразийского пространства. Однако вернемся к стратегическим российским геопроектам.

Первым из них стало хозяйственное освоение северных земель, поскольку, помимо враждебной Литвы и Польши на западе, с юга и востока Руси угрожали степные кочевые народы, начиная с печенегов и заканчивая татара-монголами. Движение русских на север начинается уже с XI века, где главными центрами колонизации выступают Новгород и Ростов. Выходцы из новгородских и ростовских земель выходят к Ладожскому озеру и к Белому морю, основывают

целую сеть новых торгово-промышленных городов: Великий Устюг, Вологду, Тотьму, Сольвычегодск, Холмогоры.

Суровые условия севера, так называемого Заволочья, т.е. земель, лежащих за волоками из рек Балтийского моря в реки, впадающие в Северный ледовитый океан, рождают новые типы таежного и приморского хозяйствования, заставляют вступать в евразийский культурный диалог с северными, прежде всего, с финно-угорскими племенами, порождают оригинальные традиции северного деревянного зодчества, глубокое своеобразие быта и устного народного творчества. Задолго до Ермака новгородцы северными тропами и волоками проникают за Урал и выходят к рекам Обского бассейна. Однако это трудно еще назвать началом освоения Сибири. Скорее, это только пространственная разведка.

Качественно новый этап северного пространственного проекта начинается с возвышения Москвы и превращения ее в столицу Великороссии. Освоение заволжских земель приобретает здесь систематический характер, где особую духовно-созидательную роль начинает играть возрождающееся русское монашество, питающееся традициями, заложенными преподобным Сергием Радонежским. «Многочисленные лесные монастыри, — пишет в этой связи В.О. Ключевский, — становились здесь опорными пунктами крестьянской колонизации: монастырь служил для переселенца-хлебопашца и хозяйственным руководителем, и ссудной кассой, и приходской церковью, и, наконец, приютом под старость. Вокруг монастырей оседало бродячее население, как корнями деревьев сцепляется зыбучая песчаная почва. Ради спасения души монах бежал из мира в заволжский лес, а мирянин цеплялся за него и с его помощью заводил в этом лесу новый русский мир. Так создавалась верхневолжская Великороссия дружными усилиями монаха и крестьянина, воспитанных духом, какой вдохнул в русское общество преподобный Сергий»¹.

¹Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М.: Правда, 1990. С.73–74.

Важнейшими этапами «северного геопроекта» стали включение в состав Московского княжества северных новгородских, псковских и ростовских земель; присоединение Вятки и Пермского края. Важнейшее событие — закладка Архангельска в 1584 году, ставшего первым международным морским портом России и оплотом в освоении арктического пространства. *Экстенсивно* «северный пространственный проект» завершается к первой половине XVIII века выходом России к Балтийскому морю и основанием Петербурга.

Однако *интенсивное* хозяйственное и социальное освоение земель русского Севера и Северо-Запада продолжается вплоть до настоящего времени. Его важной вехой является превращение Санкт-Петербурга во вторую столицу России, в западный форпост Евразии, открытый к сотрудничеству с европейскими странами. Другими ключевыми этапами развития «северного геопроекта» стали также промышленное освоение рудных запасов Кольского полуострова и угольных месторождений Печорского бассейна, создание Беломоро-Балтийского и Волго-Балтийского каналов, прокладка Северного морского пути как важнейшего условия обживания и сохранения Сибири. Северный проект продолжает активно развиваться и сегодня, о чем свидетельствуют Стратегия и программа хозяйственного освоения Арктики, интенсификация движения по Северному морскому пути, совершенствование автомобильной и железнодорожной инфраструктуры русского Севера, превращение Санкт-Петербурга в культурную и туристическую столицу России.

Второй пространственный проект, реализация которого имела колоссальное значение для исторического развития России, был направлен на Юг. Южное направление диктовалось необходимостью создания защитных рубежей против татарских набегов со стороны Волжской и Ногайской орд, позднее Крымского ханства, а также освоения лежащих буквально под боком, но временно недоступных, богатейших черноземов так называемого «дикого поля». Этот проект был начат во второй половине XV века, где ключевой датой

является знаменитое «стояние на реке Угре» 1480 года, символизировавшее освобождение Руси от многовекового татаро-монгольского ига.

Важнейшие вехи развития «южного геопроекта» падают на XVI век, когда была создана линия оборонительных сооружений и воинских дозоров сначала вдоль Оки, а потом все дальше и дальше на Юг с системой рвов и засек, сторожевых постов, острогов и городов на основных направлениях набегов степняков. В это время закладываются такие коренные русские города, как Елец, Белгород, Воронеж, Ливны, Орел, Курск. Формируется самобытный военно-хозяйственный русский субэтнос — казачество, которому суждено будет сыграть важнейшую роль в освоении южных, уральских и зауральских земель. Казачество, быть может, в наиболее зримой форме символизирует сам дух отечественных пространственных проектов: пассионарную устремленность русского народа к хозяйственному и гуманитарному освоению новых земель Евразии, а также к собиранию различных народов: ведь состав самого казачества всегда был интернациональным. Так, в состав казачьих войск в будущем войдут отряды калмыцкого и бурятского казачества.

Важную практику военно-хозяйственного освоения «дикого поля», которая потом в полной мере проявится и при освоении Сибири, достаточно емко и точно выразил С.Ф. Платонов: «Стремление московского населения на юг из центра государства было так энергично, что выбрасывало наиболее предприимчивые элементы даже вовсе за границу крепостей, где защитой поселенца была уже не засека или городской вал, а природные “крепости”: лесная чаща и течение лесной же речки. Недоступный конному степняку-грабителю, лес для русского поселенца был и убежищем, и кормильцем... Рядом с правительственной заимкой “поля” происходила и частная. И та и другая, изучив свойства врага и средства борьбы с ним, шли смело вперед; и та и другая держались рек и пользовались лесными пространствами для обороны дорог и жилищ: тем чаще должны были встречаться

и влиять друг на друга оба колонизаторских движения. И действительно, правительство часто настигало поселенцев на их “юртах”, оно налагало свою руку на частно заимочные земли, оставляло их в пользовании владельцев уже на поместном праве и привлекало население вновь занятых мест к официальному участию в обороне границы... Но, в свою очередь, вновь занимаемая правительством позиция становилась базисом дальнейшего народного движения в “поле”: от новых крепостей шли далее народные заимки. Подобным взаимодействием всего лучше можно объяснить изумительно быстрый успех в движении на юг московского правительства...»¹.

Поворотной вехой развития «южного геопроекта» стало завоевание Астраханского ханства в 1556 году. Астрахань с этого момента превращается в важнейший центр торговли Руси с Востоком, в том числе, с Индией, а также становится форпостом военной борьбы с Крымским ханством.

«Южный» геопроект был *экстенсивно* завершён ко второй половине XVIII века, а точнее, в 1783 году, когда был завоеван Крым и основан Севастополь, что знаменовало утверждение России на берегах Черного моря. Однако, как и «северный», «южный» геопроект продолжал *интенсивно* развиваться в последующие века. Трудями Потемкина и его последователей Крым был превращён из пустынной территории, каким он был во времена Крымского ханства, в цветущий край виноградарства и курортно-оздоровительного дела. Россия укрепилась на Кавказе. Руды Курской магнитной аномалии стали важнейшим условием развития отечественной металлургии. Был прорыт канал между Доном и Волгой. Каспийский регион превратился в стратегический центр нефтегазовой промышленности. Возвращение в 2014 году Крыма в состав России стало символом качественно нового этапа реализации «южного проекта», а строительство Керченского моста — важнейшей вехой формирования

¹Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М.: Высшая школа, 1993. С.210–211.

целостной транспортной инфраструктуры Юга страны и интеграции Крыма с остальной Россией.

С середины XVI века складываются объективные условия для начала реализации третьего — «*восточного*» — вектора пространственного расширения России. Его начало — завоевание Казанского ханства (1552 г.) и русское хозяйственное освоение Приуралья. Выход России к Уралу, закрепление на Белом и Балтийском, Баренцевом и Карском, Черном и Каспийском морях знаменовали ее **превращение в великую европейскую державу**.

Мы не будем здесь анализировать весь спектр причин, обусловивших движение русского народа на север, юг и восток евразийского пространства. Они достаточно обстоятельно проанализированы в научной литературе. Это, прежде всего, потребность в обеспечении безопасности государственных границ, которые невозможно удержать на открытых и прозрачных лесостепных пространствах Северной Евразии. Для этого государственные границы желательно максимально соединить с естественными природными границами в виде морей, гор и рек. В итоге государственные границы Российской империи и Советского Союза практически совпали с естественными границами евразийского культурно-географического мира, отделяющего его от западного и восточного миров.

Для Руси-России, особенно начиная с XVI века, также остро встала проблема выхода к мировым — сухопутным и морским — торговым путям. Важно также отметить нехватку пахотных земель для растущего населения страны и потребность в конкретных материальных ресурсах: соли, качественной строевой древесины, железных и медных руд, мехов и т.д. Огромную роль в реализации пространственных проектов сыграла устремленность наиболее пассионарной части торгового и предпринимательского сословия к новым ресурсам и рынкам, а крестьянства — к «земле и воле» на фоне его нарастающей крепостной зависимости, что заставляло людей бежать на окраины страны, на свой страх и риск обживать неизвестные территории.

Следует также указать и на такой важный феномен в русской культуре и отечественном национальном сознании, как *странничество*, т.е. стремление шагать все дальше и дальше за горизонт в поисках новых земель и племен ради удовлетворения страсти к новым впечатлениям и переживаниям, ради перемены мест и преодоления телесных вериг быта. Есть какая-то глубокая символика в этом русском стремлении двигаться навстречу восходящему солнцу, жить «лицом к Востоку», откуда приходят таинственные и манящие вести о «царстве пресвитера Иоанна», о стране братства и справедливости — Беловодье. Мотив таинственной духовной связи России и Востока, особенно русской и индийской культур, станет очень популярным в отечественной литературе и философии XIX — начала XX веков, а ее глубокие народные корни, уходящие в толщу славянских мифологических верований, со всей полнотой выразит Н.А. Клюев с его знаменитым: «И страна моя, Белая Индия, преисполнена тайн и чудес». Словом, отечественное движение в восточном направлении нельзя объяснить чисто материальными и политическими причинами. Здесь, несомненно, было и остается действие духовных факторов в истории, до конца еще не проясненных.

Выделим несколько важных особенностей рассмотренных выше российских стратегических геопроектов, имеющих прямое отношение к освоению Сибири.

Во-первых, они во многом связаны с народной инициативой и социальной самоорганизацией. Государство эти народные инициативы, как правило, поддерживало, подхватывало и умело пользовалось их плодами. В северные таежные земли и в южные степные черноземы, подчас рискуя жизнью, первыми устремляются торговцы и охотники, монахи, ищущие уединения, и крестьяне, бегущие от произвола помещиков. Так возникают традиции монашеского общежития и коллективной выработки управленческих решений в казачьем круге; развиваются навыки соседской крестьянской взаимопомощи. Эти традиции крестьянской

самоорганизации и казачьей вольницы навсегда сохранятся на Севере и на Юге России, а потом будут перенесены в Сибирь, где получат новые благоприятные возможности для развития.

Во-вторых, именно жители северных и южных районов Великороссии станут сибирскими первопроходцами. «Потомки поморов, — пишет в этой связи В.Н. Калуцков, — приобрели неоценимые навыки выживания и хозяйственного освоения северных территорий. Не удивительно, что плацдармом и ресурсной базой продвижения в Сибирь явился Русский Север. Но самыми важными при освоении новых земель ресурсами выступали ресурсы человеческого опыта и знания. Поэтому поморы и составили костяк сибирских землепроходцев»¹.

Что касается вклада жителей южных районов Великороссии в освоение Сибири, то именно донские казаки, привыкшие совмещать хозяйственную и военную деятельность и стойко переносить физические лишения, составили ядро отряда Ермака. Совсем не случайно В.И. Суриков, сам выходец из донских казаков, нашел художественные типажи для своей знаменитой картины «Покорение Сибири Ермаком» именно в донских казачьих станицах. С Юга России в Сибирь будут перенесены хорошо зарекомендовавшие себя традиции обороны мирного населения от набегов кочевых племен в виде строительства оборонительных линий с осевыми городами и острогами. Универсальной особенностью русского фронта станет также превращение этих городков-крепостей в центры интенсивной торговли и межкультурного общения.

Можно сделать вывод, что существует **глубокая связь и преемственность между основными пространственными проектами в истории России:** «северный» и «южный» векторы освоения русским народом евразийского

¹Калуцков В.Н. Русский Север и Сибирь: историко- и культурно-географические аспекты взаимодействия // Вестник АРГО. 2017. № 6. С.152.

пространства¹ подготовили государственно-политические, военные, социально-организационные и культурные условия для стратегического броска в Сибирь, для осуществления третьего, и важнейшего, пространственного проекта в истории России.

§2. Освоение Сибири как третий российский стратегический геопроjekt: экстенсивное и интенсивное измерения

Третий российский стратегический геопроjekt, направленный на освоение зауральских земель, начинается, в чем согласно большинство исследователей, с похода донских казаков под руководством Ермака в 1581 году против хана Кучума. Однако его предпосылки, как уже отмечалось выше, были заложены раньше. Проникновение русских в Сибирь началось задолго до похода Ермака. На Крайнем Севере существовали волоки через Урал, ведущие в реки низовьев Оби. Был проложен и чисто морской путь из Поморья к устьям крупных сибирских рек. Известно также о походах московских ратей «за Камень» против местных вогульских и остяцких князьков, ведущих разбойный промысел на северо-западных землях, которые вошли в состав Московии в конце XV века. Наиболее успешным был поход воеводы Семена Курбского в 1499 году, покорившего Ляпин-городок. В результате по рекам нижнеобского бассейна были заложены первые укрепленные русские городки и остроги (Ляпинский, Сосвинский, Обдорский); основаны успешные приморские торговые фактории, типа Мангазеи; предприняты разведывательные вылазки в восточном и юго-восточном сибирских направлениях.

¹Соборные усилия по реализации этих проектов и превратили разношерстное в культурном и этническом планах население европейской России в единый русский народ.

Однако именно поход Ермака стал началом пространственного расширения **государственных владений** за Уралом. Он был направлен на покорение Сибирского ханства, активно противодействовавшего русскому проникновению в Сибирь. Это также стало важнейшим цивилизационным событием, символизирующим начало превращения России из великой европейской в великую евразийскую державу, наследницу евразийской империи Чингисхана, но толькодвигающуюся с запада на восток.

Символизм фигуры Ермака интуитивно почувствовал русский народ, что нашло многообразное отражение в фольклоре, а позднее и в русской литературе. Сам же он приобрел черты почти мифологического героя, воплощающего могучий пассионарный дух сибирских первопроходцев. Этот неукротимый страннический дух стал важным фактором исключительно быстрого продвижения русских на Восток, основания многих новых городов, острогов и деревень. О мужестве и силе сибирских первопроходцев проникновенно написал В.М. Шукшин: ««Редко кому завидую, а завидую моим далеким предкам — их упорству, силе огромной... Я бы сегодня не знал, куда деваться с такой силищей. Представляю, с каким трудом проделали они этот путь — с севера Руси, с Волги, с Дона — на Алтай. Я только представляю, а они его прошли. И если бы не наша теперь осторожность насчет красавостей, я бы позволил себе сказать, что склоняюсь перед их памятью, благодарю их самым дорогим словом, какое только удалось сберечь у сердца: они обрели — себе, и нам, и после нас — прекрасную родину. Красота ее, ясность ее небесная — редкая на земле»¹. Первый этап экстенсивного освоения сибирского пространства завершается выходом к Тихому океану в 1639 году казачьего отряда И.Ю. Москвитина.

¹Шукшин В.М. Милая моя родина // Каплина В., Брюхов В. С высоты шукшинского Пикета. Барнаул: ОАО Алтайский полиграфический комбинат, 1998. С.7.

Исследователи единодушно отмечают, что *широтное* движение русских по сибирскому евразийскому пространству идет сначала по северным — таежным и тундровым — землям и лишь потом отклоняется в *меридиональном* направлении. Этому соответствует и поэтапное, смещающееся от севера к югу, использование дорог, ведущих из Европейской России в сибирские земли. Сначала действует северный волок через Уральские горы, ведущий из низовьев Печоры в обской бассейн; затем начинает использоваться Верхотурский путь (так называемый «бабиновский волок»), проходящий через средний Урал из верховьев Камы в верховье Туры. И только с середины XVIII века начинает действовать основной Московско-Сибирский тракт, идущий через южный Урал. Это отражает тот факт, что только к концу XVIII века русскими окончательно осваивается лесостепная зона Юго-Западной Сибири, где, говоря языком классиков евразийства, «лес» напрямую вновь соприкасается со «степью» и русские вступают в очень непростые политические, хозяйственные и культурные отношения с кочевыми — тюркскими и монгольскими — народами, в первую очередь, с таким мощным кочевым государственным образованием, как Джунгарское ханство. Как верно отмечает В.И. Суслов, «пройдя Сибирь по северу, русские стали спускаться на юг, причем в обратном порядке — с востока на запад. Вероятно, это связано с тем, что на востоке южной Сибири земли были более или менее свободны..., но чем западнее, тем они все более плотно контролировались кочевыми тюрками. Россия продвигалась на запад по мере “усмирения” этих народов. До верхней Оби “очередь дошла” в первой трети XVIII века. Некоторые территории вошли в состав России только в прошлом веке»¹.

Здесь надо сделать важную оговорку: русские, осваивая сибирское евразийское пространство, особенно его южную часть, начинают выстраивать дипломатические, торговые и

¹Суслов В.И. Имиджи Сибири: экономика с историческим уклоном // Регион: экономика и социология. 2014. № 1(81). С.90–91.

культурные отношения со степными народами, используя опыт тысячелетнего соседства и общения с ними. Знание кочевого быта и мировоззрения позволяет тем же сибирским казакам на Колывано-Кузнецкой оборонительной линии достаточно мирно улаживать с казахами, джунгарами, алтайцами и тувинцами многие приграничные конфликты. Более того, мы имеем здесь дело с образцами подлинного евразийского синтеза, где граница постепенно становится не линией вражды и национально-культурного размежевания, а местом общения и продуктивного культурного обмена. Видный сибирский областник Н.М. Ядринцев в работе «Раскольничьи общины на границе Китая» пишет: «Не менее русские подверглись инородческому влиянию, например, в Западной Сибири, на границе киргизской степи, где казаки мало того, что перешли местами к скотоводству, но заимствуют у киргизов одежду, обычаи и язык. Нравы эти проникают даже в среду офицерского сословия. Иногда офицеры являются в города совершенно окиргизившиеся. Крестьянство на Бухтарме и южной границе Сибири также усваивает азиатскую одежду»¹.

Главный экономический интерес России в Сибири XVI–XVII веков — меха, особенно меха соболиные. На мировых рынках исключительно высоко ценится алтайский соболь за серебристо-искрящийся цвет своей шубки. Меха в XVII веке дают до 40% доходной части бюджета России. Сибирь в буквальном смысле слова — это «пушная золотая жила». Любопытно, что первый европейский путешественник, официальный представитель Ост-Индской кампании Джордж Богл, посетивший Тибет в 1763–1769 годах, с удивлением обнаружил, что высшие чины тибетской ламаистской церкви, облаченные в одежды, обильно украшенные шкурками сибирских соболей, были на редкость хорошо осведомлены о

¹Цит. по: Алексеев Н.В. Взаимосвязи казахского и русского населения в Восточном Казахстане (XVIII — первая половина XIX в.). Усть-Каменогорск: Изд-во «Медиа-Альянс», 2003. С.122.

жизни и деятельности русских в Сибири, а также знали о событиях, происходящих на русско-китайской границе¹. Освоение русскими Сибири — это не только путь на восток, но и подготовка путей на юг Евразии; закладка имеющих долгосрочные геополитические перспективы не только широтных, но и меридиональных транспортных коридоров, о которых мы еще будем говорить ниже.

В XVIII — первой половине XIX века главным ресурсом Сибири, без которого не может развиваться Россия, становятся металлы — железная руда, медь, серебро и золото. Центром горнорудного производства в Сибири, начавшегося с Нерчинских серебряных рудников, становятся сереброплавильные заводы Алтая, заложенные Акинфием Демидовым. Алтай превращается также в основного конкурента Урала и в плане использования драгоценных и полудрагоценных камней. Колыванские порфиры и яшмы украшают дома и дворцы русской европейской знати. Именно к концу XVIII века благодаря пространственным и природным ресурсам Сибири Россия окончательно превращается в великую евразийскую державу, вступая в цивилизационный диалог с крупнейшим государством восточного культурно-географического мира — Китаем и постепенно вовлекая в орбиту своего цивилизационного евразийского влияния Монголию.

Экстенсивное освоение богатств Сибири и Дальнего Востока в XIX столетии, особенно во второй его половине, приобретает новые черты. Меняется и отношение русской интеллигенции к Сибири. Из образа страны холода, мрака и каторжного труда она во все большей степени превращается в образ края вольности и простора для приложения человеческих сил, в образ страны будущего, открывающей и для всей России новые жизненные горизонты. Даже подвергшийся опале М.М. Сперанский, поначалу невзлюбивший Сибирь, чем далее, тем

¹Постников А.В. Первое путешествие просвещенного европейца в Тибет (1763-1769 гг.) // 80 лет Центрально-Азиатской экспедиции Н.К. Рериха: Материалы Междунар. научно-обществ. конф. 2008. М.: Междунар. Центр Рерихов; Мастер-Банк, 2009. С. 190.

более прозревал в ней огромные возможности и даже обронил знаменательную фразу: «Я думаю, Сибирь есть настоящая отчизна Дон-Кихотов»¹.

Благодаря построенной всего за 10 лет на рубеже XIX–XX веков транссибирской магистрали возникает и получает импульс к развитию ряд новых стратегически значимых административных, промышленных и культурных центров Сибири, типа Ново-Николаевска (Новосибирска) и Красноярска. К концу века начинается новая волна интенсивного переселения в Сибирь крестьянства из Европейской России, получает развитие такой важнейший феномен, как *сибирская кооперация*, впервые позволившая сибирскому крестьянину экспортировать в Европейскую Россию и за рубеж продукцию сельского хозяйства, явить удивительные образцы крестьянской социальной и экономической самоорганизации, правда, уже в веке двадцатом².

Развиваются наука и культура Сибири. Томский университет в последние десятилетия XIX века становится интеллектуальной столицей Сибири, реализуя целую систему научных сибирьеведческих исследований в самых различных областях знания — от биологии до этнографии. Благодаря просветительской деятельности и научным трудам сибирских областников, прежде всего Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева, органически связанных с томской научной интеллигенцией, впервые осуществляется исключительно важная попытка научно-рационального самоосознания Сибири как особой в пространственном и культурном отношении территории России, заслуживающей особого отношения со стороны центральной власти и элементов самоуправления. В это же время начинает формироваться и сибирская региональная идентичность, понимание местным населением своего

¹Сперанский М.М. Письма к дочери. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2002. С. 101.

²См. Сыщенко А.Г., Сыщенко В.А. Золотые годы сибирской и алтайской кооперации, 1896–1919. Т.1. Барнаул: Изд-во А.Р.Т. 2003.

социокультурного и этнического своеобразия. Возникает понятие «сибирского характера».

Развитие Сибири в XIX веке превратило Россию уже не просто в великую евразийскую, но и в **великую мировую державу**, которая, в полном согласии с великим завещанием М.В. Ломоносова, двигаясь «встреч солнца», достигла «главных поселений европейских в Азии и в Америке»¹.

В этот же период, со второй половины XIX века, разворачивается важный процесс художественного самоосознания Сибири. Оно начинается с великих сибирских полотен В.И. Сурикова «Взятие снежного городка» (1891) и «Покорение Сибири Ермаком» (1895)². Суриков, сам выходец из донских казаков и уроженец Красноярска, писал, выделяя одну из главных причин, способствующих быстрому развитию Сибири в этот период: «В Сибири народ другой, чем в России: вольный, смелый»³.

Что касается литературного и публицистического осмысления Сибири, то оно получает очень разнообразное и противоречивое воплощение, где мнения колеблются от традиционно негативных и пессимистических ее оценок, как у К.М. Станюковича и Д.Н. Мамина-Сибиряка, до вполне оптимистических, как у Г.Д. Гребенщикова и В.Г. Короленко.

К сожалению, с самого начала освоения Сибири и вплоть до относительно благополучных этапов ее развития на рубеже второй половины XIX — начала XX веков, мы видим колониально-потребительский подход к сибирскому пространству со стороны царской власти, где его природные и человеческие ресурсы используются не для развития сибирского социума, а для развития других территорий России, т.е. он носит не субъектно-интенсивный, а объектно-экстенсивный, колониальный характер. Этому способствовало

¹Ломоносов М.В. Для пользы общества. М.: Сов. Россия, 1990. С. 355.

²Философско-художественный анализ этих знаменитых полотен В.И. Сурикова читатель найдет в Приложении 1.

³Цит. по: Волошин М.А. Лики творчества. Ленинград: Наука, 1989. С.326.

и то, что «в общественном сознании российских государственных деятелей и ученых уже к середине XIX века сформировалось представление о роли русской цивилизации, славяно-православной в своей духовной сути, которая расширила влияние — духовное, культурное, военно-политическое — на всю Северную Евразию. Так русская, по своему изначальному содержанию, цивилизация обрела статус, форму евразийской цивилизации, объединившей одной судьбой народы, их способ жизнедеятельности, культуру, языки, верования, что было признано даже на уровне официальной имперской идеологии — “православие, самодержавие, народность”»¹. Подобный взгляд, игнорирующий глубокое своеобразие Азиатской России, в какой-то мере узаконивал колониальный статус Сибири, ее провинциальный и вторично-сырьевой статус, мешал научно рассмотреть, политически и хозяйственно учесть ее этническое, религиозное, экономическое и культурное своеобразие, а главное, определить стратегическое цивилизационное значение для судеб всей России.

Именно на необходимости всестороннего научного осмысления специфики Сибири, важности ее практического использования в региональной и федеральной политике настаивали сибирские ученые-областники, о которых речь шла выше. За это они поплатились огульными обвинениями в сепаратизме и судебными преследованиями, где больше всех пострадал «сибирский дедушка» Г.Н. Потанин².

Интенсивное развитие Сибири как стратегического и уникального евразийского региона есть одновременно и важнейшее условие опережающего интенсивного развития всей России, — так, пожалуй, можно было бы с высоты

¹Советская цивилизация и евразийская идея: две истории длиною в век (к столетию образования СССР и становления евразийства) /под ред. И.Ф. Кефели. СПб.: ИД «Петрополис», 2022. С.40.

²См.: Шиловский М.В. «Полнейшая самоотверженная преданность науке»: Г.Н. Потанин. Биографический очерк. Новосибирск: ИД «Сова», 2004.

сегодняшнего дня философски резюмировать ключевую идею сибирских областников.

Любопытно, что на необходимость именно интенсивного развития России первым ясно указал Гегель, которого в особых симпатиях к русским и русской культуре заподозрить трудно. Он отмечал в письме к своему ученику Искулю, эстонцу по национальности, но ротмистру императорской русской гвардии: «Вы счастливы тем, что имеете отечество, занимающее такое огромное место во всемирной истории, отечество, которому, без сомнения, предстоит еще гораздо более высокое назначение. Другие современные государства как будто бы уже более или менее достигли цели своего развития; быть может, кульминационный пункт некоторых из них находится уже позади, и форма их приобрела постоянный характер, тогда как Россия, будучи уже, пожалуй, наиболее мощною силою среди остальных государств, заключает в своих недрах неограниченную возможность развития своей интенсивной природы»¹.

Важные стратегические идеи о необходимости перехода от экстенсивного к интенсивному развитию России и Сибири были высказаны русскими учеными на рубеже XIX–XX веков. Так, Д.И. Менделеев особенно подчеркивал необходимость развития Азиатской России² и актуальность смещения центра российской хозяйственной жизни на восток. С этим был согласен русский геополитик В.П. Семенов-Тянь-Шанский, выдвинувший идею развития Сибири через создание двух новых «колониционных баз» — Алтайской и Кругобайкальской, которые могли бы стать локомотивами социально-экономического развития сибирского региона³. К

¹Цит. по: Фишер К. Гегель. Его жизнь, сочинения и учение. Первый полутом. М.: Соцэгиз, 1933, С.90–91.

²Менделеев Д.И. К познанию России. М.: Айрис-пресс, 2002. С.181.

³Семенов-Тянь-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк политической географии // Пространственная экономика. 2008. №2. С.147.

сожалению, эти глубокие идеи В.П. Семенову-Тянь-Шанскому после Октябрьской революции развить не удалось.

Важные стратегические соображения о развитии Сибири и Азиатской России мы находим в знаменитой статье В.И. Вернадского «Задачи науки в связи с государственной политикой России», где он связывает их качественную социально-экономическую и геополитическую трансформацию, в первую очередь, с развитием образовательных и научных учреждений. В.И. Вернадский пишет: «Мне кажется, что русская Азия должна быть возможно быстро покрыта государственной сетью высших школ и научных учреждений и что это явится самым могучим и прочным средством выявления скрытой силы нашей государственной организации и уже с одной этой точки зрения должно сильно отразиться на нашем мировом положении... Естественные производительные силы Азии в едва ли сравнимой степени превышают естественные производительные силы Европы; в частности, в нашей стране Азиатская Россия не только по величине превышает Россию Европейскую. Она превышает ее и по потенциальной энергии. По мере того, как начинается правильное использование наших естественных производительных сил, центр жизни нашей страны будет все более передвигаться, как это давно уже правильно отметил Д.И. Менделеев, на восток, — должно быть, в южную часть Западной Сибири. Россия во все большей и большей степени будет расти и развиваться за счет своей азиатской части, таящей в себе едва затронутые зиждительные силы. Это должна всегда помнить здравая государственная политика, которая должна смотреть всегда вперед, в будущее»¹.

Ряд практических шагов по реализации программы Вернадского и по развитию Сибири был сделан в советский период, когда в годы войны (нет худа без добра!) многие расположенные в ее европейской части заводы и учебные

¹Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2004. С.562–563.

заведения были эвакуированы в Сибирь. Так, в частности, были заложены основы промышленного развития Алтайского края и образованы его базовые высшие учебные заведения — Алтайский государственный технический и Алтайский государственный аграрный университеты. В советский период численность населения Сибири перевалила за 30 млн человек. Был создан нефтегазовый комплекс в Западной Сибири, освоены угольные богатства Кузбасса, разведаны месторождения якутских алмазов и основаны золотые прииски на Колыме. Были введен в строй комбинат «Норильский никель» и гигантские гидроэнергетические комплексы на Енисее и на Ангаре, правда, с существенным уроном для окружающей среды.

Все это способствовало промышленному развитию Сибири, но, к сожалению, не изменило кардинально общей линии на экстенсивное освоение ее природных богатств в интересах России Европейской. Сибирь осталась своеобразной внутренней сырьевой колонией СССР с низкими доходами граждан, неразвитой инфраструктурой, слабой прослойкой интеллигенции, государственным финансированием многих отраслей и социальных сфер по остаточному принципу¹.

Двумя важнейшими проектами по интенсивному развитию сибирских территорий в 50–60-е годы XX века стало освоение их целинных и залежных земель и создание новосибирского Академгородка. Принципиально новое качество этих проектов подчеркивается тем, что они имеют долгосрочную перспективу реализации, а их прорывной характер становится все более очевидным со временем.

В целом, описанная проблемная ситуация мало изменилась и сегодня: Сибирь обеспечивает более 50% доходов государственного бюджета, но при этом не имеет достойных государственных преференций и полностью зависит от решений федерального центра. Развитие рыночных

¹Суслов В.И. Имиджи Сибири: экономика с историческим уклоном // Регион: экономика и социология. 2014. № 1(81). С.92.

отношений, пришедших на место плановых, лишь усилило сырьевую эксплуатацию сибирских территорий, привело к сокращению рабочих мест и общему падению жизненного уровня основной массы населения. Все это обусловило усиливающуюся миграцию населения из восточной в европейскую часть страны на фоне возрастающих пространственных и сырьевых appetитов наших ближних и дальних геополитических соседей. Можно сделать общий вывод: **консервация экстенсивно-сырьевого уклада в Сибири губительна не только для нее самой, но является серьезной угрозой для существования России как великой мировой державы.**

Однако переход на интенсивно-инновационные пути развития Сибири обязательно должен рассматриваться в контексте необходимости глобальной цивилизационной трансформации от тупиковой техногенно-потребительской к нарождающейся духовно-экологической цивилизации, о чем мы писали выше. Обоснуем детальнее нашу позицию, синтезируя диахронический и синхронический аспекты цивилизационного подхода.

ГЛАВА 3. Сибирь как ключевой регион в духовно-экологической цивилизационной трансформации России и мира¹

§1. Кризис современной техногенно-потребительской цивилизации

Нынешнюю историческую ситуацию можно назвать вершиной системного кризиса *техногенно-потребительской цивилизации*. На наших глазах, особенно на фоне неутраченной пандемии коронавируса, расшатывается буквально все — и система международных отношений, и мировая экономика, а также основы семьи, культуры и образования. Мир словно снова вступил в эпоху гоббсовской «войны всех против всех» за политическое и идейное доминирование, за природные ресурсы, за возможность жить и материально процветать за счет других стран, народов и культур.

Тем не менее, многие аналитики считают, что такая точка зрения — преувеличение и что мы имеем дело просто с очередными проблемами, которые являются вполне решаемыми, надо лишь приложить усилия. Но, на наш взгляд, это ошибочная позиция. Она не учитывает главного: кризисные явления — это внешние симптомы *болезни цивилизации*. Причина же — в доминирующих сегодня *мировоззренческих установках и ценностях*. Именно они всегда лежат в основе развития той или иной социальной общности, порождают либо позитивные, либо негативные следствия. Поэтому как болезнь нельзя лечить только симптоматически, а нужно выявить и устранить основную причину, так и для решения современных проблем необходима трезвая оценка и, наконец, *кардинальная смена*

¹В главе использованы материалы коллективной статьи: Иванов А.В., Фотиева И.В., Артамонова Т.А., Журавлева С.М. Сибирь как стратегический регион цивилизационной трансформации // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 2021. №2. С. 103–126.

базовых ценностей и установок техногенно-потребительской цивилизации. Обозначим их предельно кратко:

— Приоритет экономических целей и ценностей над всеми остальными, или, попросту, культ денег как в социальном, так и в индивидуальном плане. Они стали универсальным мерилom эффективности не только экономики, но и всех сфер жизни общества: науки, культуры, медицины, образования. В индивидуальной жизни мы видим то же самое: критериями жизненного успеха человека стали почти исключительно богатство и социальная карьера.

— Культ научно-технического прогресса с очень слабым учетом его негативных последствий. Кроме того, именно с научным прогрессом (особенно с развитием компьютеризации и цифровых технологий) связывается социальный и культурный прогресс человечества, в силу чего и сами критерии прогресса приобретают, говоря языком Гегеля и Маркса, сугубо «превращенный характер».

— Взгляд на природу как на безликую «окружающую среду», подлежащую освоению, переделыванию и подчинению сиюминутным интересам человека.

— Индивидуализм, только отчасти сдерживаемый демократически-правовыми институтами, то есть приоритет интересов, мнений, ценностных установок личности над интересами, ценностями общества в целом. Понятно, что в приоритетах при этом всегда будут интересы тех, кто обладает властью и богатством, а не интересы и мнения рядовых граждан. Еще Ф.М. Достоевский об этом очень точно написал в «Зимних заметках о летних впечатлениях»: «Что такое... свобода? Одинаковая свобода всем делать все что угодно в пределах закона. Когда можно делать все что угодно? Когда имеешь миллион. Дает ли свобода каждому по миллиону? Нет. Что такое человек без миллиона? Человек без миллиона есть не тот, который делает все, что угодно, а тот, с которым делают все что угодно»¹.

¹Достоевский Ф.М. Собр. соч. Т.4. М.: Гослитиздат, 1956. С.104.

— С господствующим индивидуализмом тесно связаны и активно утверждаемые плюрализм и толерантность, которые, в свою очередь, опираются на идеологию постмодернизма, отрицающего классические дихотомии: истина — ложь, красота — безобразие, добро — зло. Отсюда берет начало хаотическое уравнивание моральных и аморальных проявлений, высокой культуры и масс-культуры, конструктивных и деструктивных социальных практик и т. д. В итоге сегодня нарастающим темпом происходит то, что еще Х. Ортега-и-Гассет назвал «восстанием масс» и формированием так называемого «массового человека»-потребителя, практически лишённого и твердых нравственных принципов, и интересов, выходящих за рамки своего узкого мирка; безразличного и к судьбам и своей страны, и большого мира, и к культурному богатству, созданному лучшими представителями человечества.

Уже из этого краткого перечисления видно, что именно эти установки, в конечном итоге, и породили сегодняшние кризисные последствия. Напомним о самых очевидных.

Во-первых, приоритет экономических целей и ценностей приводит к тому, что, неуклонно **продолжает расти пропасть между уровнем жизни развитых и развивающихся стран; между богатыми и бедными внутри стран**, несмотря на все «программы тысячелетия» ООН и прочие глобальные инициативы: «...Совокупное состояние 2153 миллиардеров к 2020 году превысило достаток 4,6 млрд. человек, которые составляют 60 процентов планеты»¹. Если целью индивидуальной и социальной жизни является экономическая успешность, то наиболее «успешным» неизбежно будет крупный, особенно финансово-ростовщический капитал, всегда обладающий для этого наилучшими стартовыми условиями.

Во-вторых, в невыгодном положении оказываются наиболее важные для людей сферы общественной жизни —

¹Unpaid and underpaid care work and the global inequality crisis. URL: <https://indepth.oxfam.org.uk/time-to-care/>

медицина, образование и культура. Музей, медицинское учреждение, институт считаются успешными лишь если эффективно «продают себя» на рынке услуг. Реальное же качество их работы — высокий уровень знаний выпускников вуза, эффективность лечения больных и повышение культурного уровня людей — никого не волнует. «Неуспешные» учреждения терпят крах и закрываются. К чему такой подход приводит, опять-таки продемонстрировала пандемия коронавируса, когда «оптимизированная» медицина в большинстве стран с трудом справляется с ситуацией — в силу даже не столько сложности болезни, сколько банальной нехватки персонала, бесплатных лекарств и соответствующих медицинских учреждений.

В-третьих, провозглашение приоритета экономики влечет за собой все более открытое отвержение модели *социального государства*. Ситуация усугубилась с распадом СССР, где данная модель была реализована (хотя и с недостатками), и с этим должны были считаться правительства многих капиталистических стран. Сегодня же утверждается, что социальное государство является «патерналистским», поощряет иждивенчество, не стимулирует личную инициативу и соревновательность и, самое главное, невыгодно для государства, увеличивая его расходы. Но здесь возникает естественный вопрос: зачем налогоплательщикам содержать государственные институты, если они не способны реально улучшать жизнь людей? Главная цель любого государства — это именно создание оптимальных условий для достойного материального существования и личностного развития всех своих граждан. Если она не достигается, если правительство постоянно урезает бюджет важнейших сфер и сворачивает социальное обеспечение, — то это означает одно из двух: либо некомпетентность правительства, либо то, что имя «государства» присвоила себе политическая и финансовая «элита», нацеленная на воспроизводство прежде всего самой себя и своего сверхпотребления.

В пользу последнего предположения снова говорит и то, каким образом сегодня во всем мире ведется борьба с

пандемией. Используемые средства — игнорирование общественного мнения, явное или скрытое принуждение граждан к профилактическим мероприятиям, попытки введения QR-кодов, использование в медиапространстве агрессивной лексики против непокорных членов сообщества — оказываются явно несоизмеримыми с поставленными целями. Все это приводит к нарушению конституционных прав граждан, к сеянию в обществе паники и социального напряжения, к тому, что люди начинают верить в мировой «заговор элит» против рядовых граждан, целью которого является сокращение народонаселения планеты и превращение оставшихся членов общества в послушную прислугу правящего класса.

В-четвертых, не ослабевают, а напротив, **усиливаются различные формы конфликтов и противостояний в мире:** и между индивидами, и между социальными группами, и между странами, и между носителями различных мировоззрений. Особенно тревожно нарастающее военное противостояние и ренессанс *милитаристской идеологии*. Сегодня на многих информационных ресурсах «конструктивно» обсуждаются шансы стран в будущей мировой войне. Тем самым в сознании людей целенаправленно закрепляется мысль о ее неизбежности и, по сути, оправданности.

Усиливается агрессия различных «меньшинств», которые плодятся с невероятной скоростью и требуют осуществления своих не только реальных, но надуманных прав, при этом попирая права остальных. Последний ярчайший пример — массовые бунты «афроамериканцев» в США. Ясно, что эти тенденции — прямое выражение антиценностей и ложных установок: соперничества, индивидуализма, меркантилизма и потребительства.

В-пятых, усиливается *глобальный экологический кризис*. Мы не будем на нем останавливаться, так как он сегодня общепризнан. Показательно, что предпринимаемые государствами и международными структурами меры лишь смягчают его, но не помогают остановить. Он будет только

углубляться, если главной целью бизнеса останется получение максимальной прибыли, если сохранится приоритет материальных ценностей над духовно-культурными и жажда безудержного потребления. Все это ведет, с одной стороны, к стремительному расхищению природных ресурсов, с другой стороны, к столь же стремительному росту отходов жизнедеятельности.

Выделим еще одну очень тревожную черту глобального экологического кризиса, особенно значимую в плане идей, развиваемых в нашей книге: при нынешних правилах финансово-экономической игры в наиболее невыгодном экономическом положении оказываются те регионы планеты, которые являются держателями наиболее ценных природных ресурсов, обеспечивающих выживаемость человечества. Речь идет о горных регионах, об особо охраняемых природных территориях, о сельских ландшафтах, производящих продукты питания, хранящих лесные, почвенные и водные ресурсы, а также биологическое разнообразие. В особо тяжелых условиях оказываются континентальные северные и сибирские территории, которые в силу тяжелых климатических условий и пространственной удаленности всегда будут в условиях рынка экономически проигрывать приморским землям и регионам с более мягким климатом.

Возникает один из главных парадоксов современной техногенно-потребительской цивилизации: экономически процветают регионы-экологические паразиты, основные источники загрязнения природы и массовых эпидемий (крупные мегаполисы), а быстрее всего деградируют и пустеют сельские территории и горные регионы, наиболее ценные в биосферном, да и в культурном отношении.

В-шестых, налицо глубочайший **культурный и духовный кризис** современной цивилизации, который состоит в нарастающем противостоянии светского и религиозного типов мировоззрения, глобалистско-космополитической и националистической идеологий, в гигантских темпах совершенствования информационно-технической среды существования человека параллельно с его

все возрастающей духовной инфантильностью и идейной манипулируемостью.

Главная, на наш взгляд, причина духовного кризиса — это искажение базовых понятий и ценностей. Как уже было сказано, на разрушение классических дихотомий: добро — зло, истина — ложь, красота — безобразие была брошена «тяжелая артиллерия» в виде постмодернизма, где стирались границы между этими понятиями, а наука, культура, образование объявлялись «репрессивными механизмами». Одновременно был полностью подменен смысл социально-политических ценностей: **свободы, равенства, прав человека**. Подлинная свобода неразрывна с понятиями долга и ответственности. Не случайно выдающийся психолог В. Франкл писал: «Я люблю говорить, что статуя Свободы на восточном побережье США должна быть дополнена статуей Ответственности на западном побережье»¹. Более того, свобода подразумевает и знания, и умение мыслить (иначе как понять, что именно является должным?), и высокую нравственность. Но сегодня свобода подменена *субъективистским произволом*, то есть бездумным следованием эгоистичным и сиюминутным потребностям ограниченного «эго», — многие из которых даже не являются реальными, а сконструированы и внедрены массовой пропагандой.

Равенство из *равенства перед законом* превратилось в насильственное и абсурдное *уравнивание, нивелирование* людей по их качествам, способностям, даже природным данным. А вслед за этим — и в стремление стереть и запретить даже любые намеки на любые сущностные различия между людьми: все должны быть «равны» в смысле «одинаковы» (вплоть до запрета, как известно, употреблять слова «мама» «папа», заменяя их «родитель 1» и «родитель 2»). Подобного идейного насилия еще не было в истории.

Что касается прав человека, то здесь ситуация еще очевиднее, особенно на Западе. Одновременно с явным и

¹Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. С. 68.

скрытым упразднением основных человеческих прав (права на труд, на здоровую окружающую среду, на защиту семейных и национальных ценностей) — идет насаждение бессмысленных «прав» на всевозможное и абсурдное «самовыражение». Беспрепятственно можно выкрасить волосы в зеленый цвет, пойти на ЛГБТ-парад и устроить нелепый «перфоманс»; можно, будучи «афроамериканцем», откровенно попить права «белых». Но участвовать в борьбе за сохранение Арктики в составе, например, группы членов Гринпис, — это значит заслужить ярлык «экстремистов», которые помешали толстосумам безнаказанно расхищать еще оставшиеся на планете ресурсы.

Та же цель — создать общество управляемых «массовых людей» — стоит за тенденциями в современном образовании¹. Как известно, оно все более дифференцируется: качественное, фундаментальное и системное образование — для «элиты» и минимальный набор знаний в совокупности с нужными техническими навыками — для масс. При этом искажается **главный смысл образования: развитие знающей, мыслящей, творческой и нравственной личности**. Вместо этого целью современного образования открыто объявляется формирование потребителя-«винтика» в рыночно-государственной машине.

Наконец, идет массовое погружение человека, особенно детей и подростков, в «виртуальную реальность» интернета и формирование зависимости от нее, схожей с наркотической. При этом, как известно, не развиваются навыки ни межличностной коммуникации, ни вербально-логического мышления. И хотя на эти опасности уже обратили внимание медики и психологи, их голоса заглушаются фанфарами и лозунгами проповедников «цифровой цивилизации».

Этот перечень можно продолжать, а в каждой из проблем выявлять новые аспекты. Но мы ограничимся общим выводом: техногенно-потребительская цивилизация, несмотря на ее

¹Проблемам современного образования мы посвятим отдельную главу в следующем разделе книги.

отдельные несомненные технические достижения, совершенно закономерно движется к полному краху. Необходимо, на наш взгляд, повторим еще раз, **переход к новой, духовно-экологической цивилизации.**

§2. Сущность и линии становления новой цивилизации

Концепция духовно-экологической (или ноосферной) цивилизации давно развивается авторами данной монографии¹. Она получила свое оригинальное и интересное осмысление в ряде других отечественных работ, из которых нам наиболее близки идеи В.С. Степина², о чем мы писали выше.

Самой существенной чертой новой нарождающейся цивилизации, на наш взгляд, является смена базовых приоритетов: экономика, финансы и политика должны из *целей* цивилизационного развития превратиться в *средства* сохранения здоровья окружающей среды, развития науки, культуры и образования, а главное, — всестороннего совершенствования самого человека. Только эти приоритеты могут обеспечить как созидательную направленность научно-технического прогресса, так и разумную хозяйственную деятельность человека, не подрывающую экологические и социальные устои бытия. Более того, здоровая природа и процветающая культура единят народы поверх всех частных политических и экономических интересов, являясь абсолютными ценностями человеческого бытия. Рано или поздно именно эти ценности, мы уверены, лягут в основание как новой интеграции Большой Евразии, так и всего мира.

¹Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Духовно-экологическая цивилизация: устои и перспективы Барнаул: Изд-во АГАУ, 2010; Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. На путях к новой цивилизации (очерки духовно-экологического мировоззрения). Барнаул: Изд-во. АлтГТУ, 2014.

²См.: Степин В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2003; Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011.

Соответственно, мы стоим перед необходимостью радикально пересмотреть многие устоявшиеся представления и утвердить те взгляды и ценности, на которых будет постепенно формироваться эта новая цивилизация. Радикально нового здесь ничего нет. Идеи и ценности, о которых мы будем говорить, это «хорошо забытое старое», но, конечно, заново осмысленное с учетом пути, который прошло человечество. Исходя из этого, мы и очертим некоторые линии становления новой духовно-экологической (ноосферной) цивилизации. При этом мы далеки от мысли, что наш анализ является сколь-нибудь завершенным. То, что будет сказано ниже, следует рассматривать как материал для дальнейших конструктивных дискуссий.

Начнем с *культуры*. С нашей точки зрения следует четко зафиксировать наличие сферы *подлинной культуры* и разрушительной *анти-культуры*¹. Подлинная культура — та, что устремляет человека к бесконечному познанию истины, добра и красоты. Соответственно, она помогает сформировать в себе высшие устремления и выработать адекватные критерии оценки себя и окружающих. Антикультура — это имитация культуры, где культивируются самые примитивные физиологические потребности, а еще чаще искусственно созданные, удовлетворение которых несет прямой вред физическому и психическому здоровью человека, часто оборачивается личными жизненными трагедиями².

¹Например, большинство так называемых «молодежных субкультур» можно однозначно отнести к анти-культуре. Во-первых, они основаны, как правило, на психологически ложных мотивах: отгородиться от «мира взрослых» и в то же время привлечь к себе внимание; уйти от труда и борьбы реальной жизни в мир иллюзий; самоутвердиться мнимыми и часто опасными «подвигами». Конечно, трудно за это винить самих подростков. Как справедливо считают здравомыслящие психологи и социологи, эти ложные мотивы порождены нашим больным обществом.

²Например, ясно, что не может человек, здоровый духом и телом, любить низкочастотный гул, который сегодня льется из динамиков на массовых мероприятиях и из автомобилей. Вред от него не только доказан, но и просто очевиден (потребителя подобной «музыки» надо

Исследований, касающихся тяжелых психофизиологических последствий от «продуктов» масс-культуры, не счесть, но они игнорируются: ведь это сфера рынка, на этом зарабатывают деньги. Для рынка нужен массовый потребитель и как можно менее затратный товар, а производить и распространять примитивные продукты масс-культуры намного выгоднее.

Ну, а для того, чтобы они пользовались спросом, необходимо «снизить планку» духовного развития общества; утвердить идею о том, что между высокой культурой и масс-культурой нет никакой разницы, что это дело личного вкуса и что оценки здесь вообще недопустимы. Это известные манипулятивные приемы.

На самом деле тяготение к высокой культуре — это показатель не субъективного «вкуса», а нормального развития человеческой личности. И наоборот: если у человека нет этого тяготения, если он довольствуется низкопробной масс-культурой, то это означает неразвитость важнейших сторон его личности. Это, по сути, такая же патология, как отсутствие одного из органов тела. Но, в отличие от физического органа, духовную тягу можно и нужно пробудить, и это пробуждение составляет суть *просвещения* — буквально: внесения в душу света высокой культуры, под влиянием которого, как под лучами солнечного света, и начинают прорасти ростки нашей истинно человеческой природы. Это и есть жизненная задача любого человека, а следовательно, и общества в целом.

Всемерная, начиная со школьной скамьи, пропаганда образцов высокого научного и художественного творчества; самоуправляющиеся системы высшего образования и науки; защита культурных памятников и национальных святынь; нацеленность на диалог высоких культур, созданных разными народами; максимальное одухотворение и экологизация так называемой «культуры повседневности» — все это тесно

было специально возвращать). А какое отношение к противоположному полу формируется у посетителя порносайтов? Ну, а то, что компьютерные игры приводят к игровой зависимости, вылечиться от которой так же тяжело, как от наркомании, общеизвестно.

связанные между собой **линии культурного становления новой цивилизации.**

Далее скажем несколько слов об *экономике*. Повторим, что экономика не является самодостаточной и тем более приоритетной сферой человеческой деятельности. Как личность живет не для того, чтобы культивировать телесные потребности, а для того, чтобы познавать, творить и совершенствоваться, точно также и экономическая жизнь общества должна лишь создавать фундамент для высших форм культурного творчества — искусства, науки, философии, религии. Выдающийся русский философ и экономист С.Н. Булгаков в свое время верно заметил, что «хозяйство должно сохранять значение только средства для достойной жизни»¹. Если же экономика подчиняет себе другие сферы и начинает диктовать им свои правила, то они неизбежно деградируют.

Другим аргументом в пользу вторичной роли экономики является характер ее современных законов. Их нельзя считать «объективными» и «всеобщими» (как многим кажется), так как они родились относительно недавно, особенно нынешние правила мировой «финансовой игры», поощряющие расцвет спекулятивного капитала. Раньше их не было, хотя хозяйственную жизнь человек вел всегда. И, судя по их ложности и тупиковости, они перестанут действовать в будущем. Кроме того, отметим, что сам факт наличия каких-то закономерностей в том или ином явлении еще не говорит о том, что это явление позитивно и «оправдано». Существуют и закономерности функционирования патологических явлений и процессов — например, преступного мира или раковой опухоли. Но они противоречат *законам целого* и ставят под угрозу бытие этого целого. Сколь бы шокирующей ни показалась эта аналогия, но современная экономика все больше приобретает черты раковой опухоли на теле общества. Если сказанное обобщить в простых словах, то ситуация такова:

¹Булгаков С.Н. Свет Невечерний: созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. С.309.

— мы выбрасываем деньги на массу ненужных и некачественных вещей;

— при этом до предела обедняем свою жизнь в непрекращающейся погоне за новыми и «статусными» вещами и услугами. Результатом становится чувство внутренней пустоты, беспокойства, неудовлетворенности;

— вопреки рассуждениям о гуманизме, обрекаем на голодное существование огромную часть населения планеты и неуклонно ухудшаем окружающую среду;

— разрушаем свое здоровье и еще более — здоровье будущих поколений.

Эти выводы даже не нуждаются в детальном обосновании — они общеизвестны и подтверждены множеством исследований. О степени иррациональности современной экономики свидетельствуют, например, данные по потреблению продуктов питания. При колоссальном дефиците продовольствия в странах Азии, Африки и Латинской Америки — в развитых странах Запада съедается только 48% фруктов и овощей, а 52% выбрасывается; из выловленных морепродуктов только 50% потребляется, остальное пропадает. Несколько лучшая статистика по мясу. Там съедается 78%, а в пищевые отходы идет 22%; из зерновых потребляется 62%, а портится и выбраковывается 38%¹.

Итак, резюмируем. Экономика — это всего лишь инструмент, который призван обеспечивать: гармоничное воспроизводство самого человека как физически здорового, культурно просвещенного и духовно развитого существа; существование системы рациональных и бесконфликтных общественных отношений; устойчивое взаимодействие общества и природы, ресурсы которой принадлежат не только нам, но и последующим поколениям граждан Земли. Приоритетом материального производства должны стать качество, долговечность, экологичность и жизненная необходимость производимых товаров; а в плане

¹Убийственное разоблачение капитализма от Папы римского.
URL: http://www.human-crisis.com/2013/11/blog-post_7316.html

индивидуального потребления — принцип *разумного аскетизма*, отказа от безмерного и бездумного роста материальных потребностей.

Соответственно, именно качественные (а не количественные, особенно финансовые) показатели экономического развития должны играть роль главных индикаторов производства. Можно указать и на главный лозунг экономики новой цивилизации, восходящий еще к русским нестяжательским традициям: «Все, что лишнее — не мое!», когда помимо материальных производственных стимулов действуют стимулы нравственные, не позволяющие работать плохо и исключительно ради собственного обогащения, ибо известно, что не может быть по-настоящему счастливых богачей в нищем и разоренном обществе.

Об экономике, построенной на принципах нестяжательства, писал выдающийся отечественный правовед и философ Н.Н. Алексеев. В сложных природно-климатических и пространственных условиях российского хозяйствования, особенно в Сибири, *любое избыточное потребление со стороны политических и предпринимательских элит является нанесением прямого ущерба национальным интересам страны*. Огромное количество роскошных усадеб, элитного городского жилья, объектов личного и корпоративного элитарного увеселения — это бессмысленно овеществленный национальный капитал, особенно в условиях, когда у государства нет денег, чтобы оплатить операции тяжело больным детям или найти средства на крупные инфраструктурные проекты в той же Сибири. Здесь уместно вспомнить о великих российских предпринимателях-нестяжателях: Павле Третьякове, Михаиле Сидорове, Савве Мамонтове, Христофоре Леденцове. Их пример, особенно в эпоху очевидного кризиса потребительской идеологии, заставляет сочувственно относиться к общему социально-экономическому идеалу евразийцев, высказанному Н.Н. Алексеевым: «Нестяжательство... может быть соединено с величайшим вниманием к вещам, но не во имя корысти, а во имя заповеди

труда, любви к ближнему и к Божьему миру. Возможна система хозяйства, построенного на принципе нестяжательства»¹.

И, наконец, коснемся *политики*. Последние события в мире, особенно наступление крупного капитала и финансовой олигархии на гражданские права и социальные завоевания граждан, подорвали доверие к современным демократическим институтам. Вместо подлинной элиты общества в демократиях правит псевдоэлита, то есть наиболее беспринципные, амбициозные и агрессивные «лидеры». Кроме этого, подчеркнем еще раз, в условиях пандемии проявилась тенденция к превращению демократий в явные или скрытые тоталитарные системы со слежкой за своими гражданами, нарушением неприкосновенности частной жизни и гонениями на инакомыслящих. Не случайно еще Платон говорил о том, что демократия имеет тенденцию эволюционировать в скрытую или явную тиранию. Особенно соблазнительной сегодня для правящих антиэлит является как раз электронная тирания.

Но самое главное — в том, что никакие внешние демократические свободы не заменят свободы внутренней, которая невозможна без глубоких знаний и самостоятельного мышления. Интеллектуально ограниченный и «зацикленный» на материальном потреблении обыватель (идеальный представитель демократического электората) не сделает верного и свободного политического выбора. Он неизбежно станет жертвой внешней идеологической манипуляции или собственных предрассудков.

Что можно предложить в качестве альтернативы традиционным демократиям в условиях нарастающего глобального кризиса? Сразу скажем, что никакая модель, основанная на чисто внешних регулятивах, не приведет к успеху. В конечном итоге все решает культурный, нравственный, интеллектуальный уровень людей — как

¹Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: «Аграф», 1998. С. 281.

правителей, так и населения. Можно вспомнить целый ряд взлетов в истории человечества при разных политических режимах: «золотой век» Перикла; знаменитое правление индийского царя Ашоки, заложившего основы миролюбивой политики Индии; времена китайской династии Тан¹.

В то же время сегодня вряд ли можно было бы вернуться, скажем, к монархическому правлению. Поэтому, если все же говорить о форме, то ее можно было бы назвать вслед за евразийцами *«органической демократией»*. Главная задача здесь состоит в *качественном* отборе и постепенном продвижении вверх по ступеням государственной лестницы наиболее ответственных и работоспособных людей. Отчасти этот принцип продвижения руководящих кадров «снизу вверх и от периферии к центру» (по выражению М.А. Бакунина) был реализован в сибирском кооперативном движении² и в советский период отечественной истории. Но при этом необходим закрепленный в законодательстве *перманентный общественный контроль* за деятельностью людей, которымверяются бразды правления обществом, причем осуществляться он должен уже на уровне тех организаций и структур, которые выдвинули человека на государственную должность.

Кроме того, необходимо, как минимум, соблюдение следующих принципов. Во-первых, государственная власть на всех уровнях должна взаимодействовать с неправительственными организациями и профессиональными корпорациями, обеспечивая их участие в решении всех стратегических вопросов жизни страны. Во-вторых, необходима самая широкая опора всех звеньев государства на реальную (не коррумпированную) науку. Независимая

¹См. об этом подробнее в монографии: Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Скрижали метаистории: творцы и ступени духовно-экологической цивилизации. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2006.

²См. содержательный анализ уроков сибирской кооперации на рубеже XIX–XX веков в уже упоминавшейся монографии: Сыщенко А.Г., Сыщенко В.А. Золотые годы сибирской и алтайской кооперации, 1896–1919. Т.1. Барнаул: Изд-во «Алтапресс». 2003.

научная экспертиза стратегических государственных решений и технических проектов особенно важна в нынешних условиях, когда ошибки и просчеты власти слишком дорого стоят обществу. Преследование ученых за обоснованную критику государственных проектов должно караться в законодательном порядке.

Здесь уместно сделать небольшое отступление и остановиться на одном очень важном социально-психологическом законе, зримо обнаружившим свое действие в самое последнее время. Этот закон проявляется на уровне межличностных отношений, межкультурных и межгосударственных связей, а также, что особенно важно, на уровне взаимоотношений народа и государства. Он категорически запрещает навязывание отдельной личности, социальной группе или обществу в целом каких-то идей, ценностей и моделей поведения, которые не встречают у них внутреннего отклика и потому вызывают отторжение. Любопытно, что это сознательное или бессознательное неприятие того, что насильно навязано извне, даже не зависит от того, ложными или истинными, порочными или благими являются эти идеи или ценности. Результат будет один и тот же: активное нежелание людей этим внешним принудительным регулятивам следовать. Более того, здесь возникает стремление поступить вопреки тому, к чему тебя насильственно склоняют.

Этот феномен хорошо известен в педагогике: соблазн грубо принудить сына к благопристойному поведению или ответственному отношению к учебе сплошь и рядом дает результаты, противоположные ожидаемым. Сын начинает грубить родителям и учителям, демонстративно прогуливать уроки и, в конце концов, внутренне отстраняться от отца с матерью. Нечто подобное происходит, когда реальные достижения одной национальной культуры начинают насильственно насаждать на совсем иной культурно-национальной почве. Так было во времена классического европейского колониализма или при петровских реформах в России. Даже если это и дает в итоге положительный эффект,

когда политически и технологически отсталая страна, что называется, «цивилизуется», то в любом случае подобный процесс всегда сопровождается расколом общества, личностными трагедиями и ненавистью к власти со стороны огромных масс населения.

Насильственно творимое добро всегда порождает зло, причем мера этого зла очень часто перевешивает все благие результаты. Прав Э. Фромм, который писал, что «если человека лишить свободы, он станет либо покорным и безжизненным, либо неистовым и агрессивным»¹.

В художественной форме этот ценностно-психологический феномен «отторжения от насильственного добра» был проанализирован Ф.М. Достоевским в «Записках из подполья». Там главный герой, не вызывающий, правда, никакой симпатии, поднимает настоящий бунт против этики рационально-принудительного добра, прямо заявляя, что он намеренно, вопреки всяким рациональным аргументам и даже вопреки своему возможному счастью, будет совершать аморальные действия, лишь бы сохранить автономию личности и свободу ценностного самоопределения.

«Да осыпьте его всеми земными благами, — говорит устами своего персонажа Ф.М. Достоевский, — утопите в счастье совсем с головой, так, чтоб только пузырьки вскакивали на поверхности счастья, как на воде; дайте ему такое экономическое довольство, чтоб ему совсем уж больше ничего не оставалось делать, кроме как спать, кушать пряники и хлопотать о не прекращении всемирной истории, — так он вам и тут человек-то, и тут, из одной неблагодарности, из одного пасквиля мерзость сделает. Рискнет даже пряниками и нарочно пожелает самого пагубного вздора, самой неэкономической бессмыслицы, единственно для того, чтобы ко всему этому положительному благоразумию примешать свой пагубный фантастический элемент. Именно свои фантастические мечты, свою пошлейшую глупость пожелает удержать за собой, единственно для того, чтобы самому себе

¹Фромм Э. Психонализ и этика. М.: Республика, 1993. С. 288.

подтвердить (точно это так уж очень необходимо), что люди все еще люди, а не фортепьянные клавиши...»¹.

И уж тем более люди будут яро доказывать, что они не «фортепьянные клавиши», если их принудительно склоняют к действиям или образу мысли, которые кажутся им сомнительными, представляются основанными на лжи или вредоносном умысле. В этом случае возможно полное отчуждение широких слоев народа от власти и социальные потрясения, а также глубокий раскол внутри самого общества, ибо принявшие правила игры «покорные и безжизненные» будут со своей стороны требовать от государства принятия действенных мер против «неистовых и агрессивных», угрожающих их спокойному существованию.

Предвидя подобные угрозы и риски, рациональная государственная власть должна и действовать рационально.

Во-первых, ей необходимо самой убедиться, что ее требования, предъявляемые к обществу, являются истинными и объективно идущими людям во благо. Это, в свою очередь, подразумевает внимательный и всесторонний учет мнения научных экспертов, представляющих разные научные школы и занимающих в данном вопросе противоположные позиции. Лишь объективное взвешивание научно обоснованных альтернатив обеспечивает истинность принятого властного решения и, соответственно, положительный характер получаемых социальных результатов.

Во-вторых, если только дело не касается пограничных ситуаций (типа войн, мятежей, стихийных бедствий или повального мора), где надо действовать быстро и радикально, то перед принятием ответственных властных решений надо объективно выявить настроения широких слоев населения и общественных организаций. Если решение явно непопулярно, то надо трижды взвесить целесообразность властного принуждения, так как в результате, с одной стороны, как говорилось выше, возможно полное отчуждение наиболее

¹Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Ф.М. Достоевский. Соч. В 10 т. Т.4. М.: Гослитиздат, 1956. С.158.

пассионарной части общества от власти и ее агрессивное сопротивление непопулярным мерам, а с другой, — превращение оставшейся части в безликих и покорных обывателей, безропотно принимающих любой государственный произвол¹. Раскол общества на радикалов и социальных «адаптантов» всегда грозит хаосом и деградацией.

В-третьих, всегда и со всех сторон предпочтительнее государственное убеждение, а не принуждение; рациональные аргументы, а не пропагандистские заклинания; спокойная демонстрация проверенных фактов, а не их сокрытие и запугивание недовольных. В этом случае уважаются свобода и достоинство человека, и, следовательно, объективно уменьшается как число «неистовых и агрессивных», так и «покорных и безжизненных», что объективно идет во благо и государству, и обществу в целом.

В-четвертых, рациональность и твердость власти проявляется не в том, чтобы «продавливать» свои решения любой ценой, а в отказе от решений, фактически обнаруживших свою ошибочность. Ничто так не повышает авторитет государства в глазах разумных и ответственных граждан, как его публичное признание своих ошибок и воля к их исправлению; равно как ничто так не направляет свободную волю сознательных граждан к добру, миру и социальному созиданию.

В результате рациональных действий власти перестает работать разрушительный социально-психологический закон отторжения человека от насильственно навязываемого добра. И начинает действовать закон прямо противоположный — синархии государства и народа, когда воля первого является отчужденной волей второго, действующей в его объективных и долгосрочных интересах.

¹В случае деспотического, т.е. иррационального по своим целям и методам существования государства второй результат как раз является крайне желательным. Но в любом случае такой режим заканчивает историческим крахом, неизбежным развенчанием и осуждением правящих псевдоэлит.

Здесь может возникнуть закономерный вопрос: не является ли концепция духовно-экологической цивилизации в целом и идеал синархии государства и народа — чисто научной интеллигентской утопией?

Мы склонны ответить на этот вопрос отрицательно. Можно показать, что идеал нравственного, разумного и экологически ответственного мироустройства неоднократно сбывался в истории, пусть лишь частично и на короткие сроки. Мы уже упоминали выше периоды правления Перикла в Древней Греции, царя Ашоки в Индии, китайскую империю Тан. Эти исторические примеры можно и преумножить, указав, например, на первый период правления Ивана Грозного, когда он опирался на деятельность «Избранной рады». За этими общественными взлетами всегда стояли личности, выдающиеся по своим нравственным качествам, обладавшие высочайшим чувством со-причастности миру и ответственности за мир. Их энергия и самоотверженность заражала других людей и поворачивала руль истории.

Зримыми ростками новых цивилизационных отношений сегодня являются поворот ряда стран к так называемой «зеленой экономике»; стремление многих людей уехать из городской среды в сельскую местность для обретения более гармоничных условий существования; несомненный ренессанс традиций высокого искусства и литературы, особенно в России. Так, например, картины сибирских художников, сохранивших традиции высокого ремесла, сегодня массово раскупаются европейскими и китайскими меценатами. Наконец, не утихающая пандемия коронавируса ставит на повестку дня задачу нового единения человечества, так как очевидно, что в одиночку народы обречены умирать, но спастись и встать на путь процветания они могут только сообща.

Важным доказательством реалистичности духовно-экологического проекта служит также рост сознательности и социальной активности граждан, возникновение массовых общественных движений культурно-просветительской, педагогической и экологической направленности. Например,

очень активны сегодня объединения родителей, выступающих против планов тотальной цифровизации образования и «оптимизации» здравоохранения. Люди объединяются в борьбе за здоровый образ жизни и нравственные ценности, за здоровую среду обитания¹. Они не хотят слепо верить свои судьбы правящим «элитам», а требуют от них рациональных аргументов при принятии тех или иных властных решений, а также реальных шагов по улучшению их социально-экономического положения, оздоровлению образовательной, культурно-информационной и природной среды. Отрядным фактом является также массовое участие молодежи в добровольческом движении. Проведенный нами социологический опрос, речь о котором пойдет во втором разделе монографии, показал, что идея новой цивилизации в целом поддерживается молодыми людьми, несмотря на все сложные процессы, которые идут сегодня в молодежной среде.

Таким образом, альтернативы духовно-экологическому выбору у человечества нет, и это точка зрения уже очень большого числа ученых и философов. В качестве лишь одного примера сошлемся на юбилейный доклад Римского клуба², многие идеи которого оказались очень близки нашим.

Здесь возникает другой очень важный вопрос: каковы возможные механизмы перехода от техногенно-потребительской к духовно-экологической цивилизации?

Выше мы уже обосновывали тезис, что становление новых цивилизационных отношений имеет первоначальную локализацию и эмбриональный период созревания, и лишь

¹Можно, в частности, указать на получившие широкую известность в России общественные движения и организации: «Родители Москвы» и «Общее дело». URL: <https://родителимосквы.рф/>; <https://общее-дело.рф/>.

²Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. A Report to the Club of Rome by Ernst von Weizsäcker and Anders Wijkman, co-authors in cooperation with 34 more Members of the Club of Rome, prepared for the Club of Rome's 50th Anniversary in 2018. Emmendingen, Springer Science+Business Media LLC 2018.

впоследствии новые цивилизационные отношения начинают триумфальное шествие по всему миру. Мы также высказали тезис, что именно Сибирь обладает наилучшими предпосылками и испытывает наибольшую потребность в переходе к духовно-экологической стратегии развития. Обоснуем теперь более детально эти важнейшие для нас положения.

§3. Механизмы перехода к новым цивилизационным отношениям. Сибирь как локус цивилизационной трансформации

Еще раз подчеркнем, что при господствующих сегодня в мире финансово-экономических правилах игры Сибирь с ее суровым климатом и гигантскими континентальными пространствами оказывается в наименее выгодных условиях по сравнению с другими территориями. Издержки производства и транспортных перевозок, о чем мы уже писали, здесь всегда будут выше, чем в странах, имеющих выход к морям. Это существенно понижает конкурентоспособность сибирской продукции. В последнее время этот тезис довольно убедительно экономически обосновывается в работах Л.А. Безрукова¹. Для России и особенно Сибири характерен также низкий коэффициент биологической продуктивности почв. Если для России принять его за 100, то в Европе он будет равен 150, в США 187, а в Индонезии 523. Это означает, что при одних и тех же производственных затратах с 1 га пашни в США получают в среднем в 1,87 раз больше растительной продукции, чем в России, не говоря уж о биологической продуктивности территорий Сибири².

¹См. Безруков Л.А. Континентально-экономическая дихотомия в международном и региональном развитии. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2008.

²См. Лойко П.Ф. Земельный потенциал мира и России: пути глобализации и его использования в XXI веке. М.: Федеральный кадастровый центр «Земля», 2000.

Словом, в рамках рыночно-потребительской цивилизации Сибирь оказывается неконкурентоспособной и осуждена оставаться сырьевой колонией Европейской России и остального мира, когда ее ресурсы используются не для собственного, а для интенсивного развития других территорий. Прибыльность же производства при отсутствии государственных преференций может достигаться только за счет безжалостной эксплуатации природной среды, созданной ранее технической инфраструктуры и человеческого потенциала. Подобные факты всплыли, например, при недавно произошедшей экологической катастрофе в Норильске, когда накопившиеся отходы производства попали в местные реки.

Все это особо остро ставит перед сибиряками вопрос о необходимости принятия более справедливых мировых правил хозяйствования и экономических принципов взаимоотношений между странами и народами, где бы объективно учитывались природно-климатические и социальные условия жизнедеятельности. И это тем более справедливо, что Сибирь обладает, помимо сугубо сырьевых, еще и другими стратегическими ресурсами, необходимыми для выживания и процветания не только России, но и всего человечества.

Во-первых, это **гигантские сибирские пространства**. Еще выдающийся сибирский писатель Г.Д. Гребенщиков писал: «На десяти миллионах квадратных верст ее пространств могло бы поместиться десять добрых государств, каждое со своим особенным климатом, со своим особенным народом, со своим особенным бытом, языком и верою. Достаточно сказать, что в то время как на юге Сибири зреют яблоки и вишни — на севере якутских тундр бушуют снежные метели»¹. На огромный пространственный ресурс России и Сибири счел необходимым специально указать и В.И.

¹Г.Д. Гребенщиков и Г.Н. Потанин: диалог поколений (письма, статьи, воспоминания, рецензии). Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2008. С. 95

Вернадский: «Огромная сплошная территория, добытая кровью и страданиями нашей истории, должна нами охраняться как общечеловеческое достижение, делающее более доступным, более исполнимым наступление единой мировой организации человечества»¹.

Риск подтопления значительных приморских территорий, нарастающие масштабы и частота природных катастроф, угрозы возникновения новых пандемий, подобных коронавирусу, привлекают особое внимание к Сибири как обширному и геологически устойчивому пространству Северной Евразии, способному принять, обеспечить жильем и работой значительное число потенциальных мигрантов как из самой России, так и из других стран. Образно говоря, только Россия с Сибирью может выдержать новое переселение народов.

Особую роль в современном мире начинает играть пресная вода в связи с глобальным изменением климата². Так, богатейшие водные ресурсы Сибири позволяют развивать интенсивное сельское хозяйство, активно выходить на мировые рынки продовольствия, рассматривать возможность экспорта разумных объемов чистой питьевой воды в южные регионы планеты, уже сейчас начинающие испытывать острую проблему нехватки этого важнейшего жизненного продукта. Здесь, правда, необходимо избежать рыночных соблазнов и порочной технократической гигантомании типа строительства крупных ГЭС на сибирских реках, что уже обернулось серьезными экологическими проблемами; переброски части стока северных сибирских рек на юг Евразии, что, по счастью, реализовать не удалось³; или

¹Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2004. С.564.

²См.: Лихачева А.Б. Мутные воды Большой Евразии: возможное место России на рынке водоемкой продукции» // Вопросы географии. Сб.148. Россия в формирующейся Большой Евразии. М.: Издательский дом «Кодекс», 2019. С.343.

³В последнее время попытку реанимировать этот опасный экологический проект пыталась казахстанская сторона.

проекта строительства водопровода из Байкала в Китай, о котором сегодня много говорят¹. Рачительное использование сибирской воды в интересах не только нынешних, но и будущих поколений сибиряков — это важнейший элемент «зеленой экономики», о которой речь впереди.

Во-вторых, Сибирь — **важнейший мировой стабилизатор климата и глобальных биосферных процессов**, связывающий своими лесами и болотами огромное количество свободного углерода; сохраняющий значительные водные, лесные и почвенные ресурсы, биологическое разнообразие и большие ареалы девственной природы, без которых невозможна стабильность всей земной биосферы. Рациональная и устойчивая экономика обязательно должна учитывать, что девственная природа генерирует такое количество эколого-экономических и социальных услуг, что должна рассматриваться как оптимально работающая фабрика по воспроизводству жизни на Земле. Это достигается за счет защиты земель от паводков, штормов и засух; очистки вод; почвообразования; сохранения популяций биологических видов, традиционных хозяйственных укладов и культурных ландшафтов.

В-третьих, Сибирь — это **континентальный транспортный и культурный мост** не только между востоком и западом, но также севером и югом Большой Евразии. Через нее проходит знаменитый Транссиб, с которым связывают свои надежды на выход к европейским рынкам Япония и Корея. Транссиб в любом случае свяжется меридиональными транспортными коридорами с планируемой широтной магистралью в рамках китайского проекта «Один пояс — один путь». Нам уже доводилось писать о международных проектах прокладки меридиональных транспортных и энергетических коридоров по оси север — юг Большой Евразии, в частности, по линии

¹«Колодец Земли». За сколько купили дружбу с Поднебесной?
URL: <https://clio-historia.livejournal.com/1256920.html>

Алтай — Гималаи¹. Хотя их реализация в ближайшей перспективе маловероятна в связи со сложными отношениями между Индией и Китаем, Индией и Пакистаном, тем не менее, в перспективе они связали бы воедино три великих цивилизации Большой Евразии — Россию, Китай и Индию, а также Казахстан, Монголию и Пакистан. Это открыло бы новую страницу в экономической и политической интеграции Большой Евразии, а также создало бы благоприятные условия для столь актуального сегодня религиозно-культурного диалога между православно-христианским, конфуцианско-буддийским, исламским и индуистским мирами.

В-четвертых, сибирский регион обладает колоссальным **опытом продуктивного межкультурного диалога и синтеза, а также миротворческим потенциалом**. Так, после двух мировых войн XX века многие побывавшие в сибирском плену немцы и австрийцы, итальянцы и японцы уезжали на родину не врагами, а друзьями сибиряков, ибо видели их человеческое сострадание и материальную помощь. В свою очередь, сибиряки учились видеть во вчерашних врагах вполне адекватных людей, не по своей воле пришедших завоевывать Россию. Этот миротворческий потенциал Сибири — важнейшая предпосылка глобальной цивилизационной трансформации, где мир между странами и народами снова должен стать основополагающей ценностью, как это было в 60–80-е годы прошлого века.

Подводя итоги, можно констатировать, что сибирские жители в наибольшей степени заинтересованы в изменении глобальных правил «цивилизационной игры», в переходе от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии развития. Для этого, как мы видим, существуют и вполне объективные предпосылки.

С нашей точки зрения, это должно быть стратегически ориентированное развитие, нацеленное на бережное

¹Иванов А.В. Гупта П.М., Попков Ю.В., Фотиева И.В. Трансевразийские транспортные мегапроекты: проектные замыслы // Регион: экономика и социология. 2017. №4 (96). С.267–284.

использование уникального природного потенциала Сибири, его ресурсов; на сохранение заповедных территорий и биологического разнообразия. С производственно-экономической точки зрения ставка должна быть сделана на безотходную переработку природного сибирского сырья и выпуск продукции с высокой добавленной стоимостью; на развитие сибирского сельского хозяйства, ориентированного на производство «органического продовольствия»¹; на широкую территориально-производственную кооперацию сибирских территорий в согласии с известным евразийским принципом органического взаимного дополнения хозяйственных частей в рамках единого развивающегося целого.

С духовно-культурной точки зрения необходимо возрождение нравственных традиций русского нестяжательства, сибирского миротворчества и меценатства, государственная и региональная поддержка возрождающихся традиций кооперативной и артельной самоорганизации и взаимопомощи и, конечно, приоритетное развитие сибирской науки и образования с лидерскими инновационными центрами в университетских городах, прежде всего, в Томске и в Новосибирске.

Словом, речь должна идти о **прорывном «зеленом», кооперативном, научно-инновационном и нравственно ориентированном развитии Сибири**. В случае успеха сибирский мегарегион может стать осевым локусом общероссийской и мировой духовно-экологической цивилизационной трансформации.

Каковы же, на наш взгляд, должны быть ближайшие шаги «здоровой государственной политики», говоря языком В.И. Вернадского, в отношении Сибири?

¹См. о перспективах производства экологически чистой продукции сельского хозяйства в Сибири в коллективной монографии: Перспективы производства экологически чистой продукции на трансграничных территориях Большого Алтая. Барнаул: Азбука, 2016.

§4. Практические шаги по актуализации возможностей сибирского цивилизационного локуса

В настоящий момент во многих сибирских и российских научных центрах ведется довольно интенсивная работа по разработке программы развития Сибири в целом и ее отдельных регионов. При Томском государственном университете создан научно-исследовательский центр «Транссибирский научный путь: Сибирский институт будущего», где проводятся междисциплинарные исследования региона. Сибирь рассматривается в рамках этих исследований как пространство для реализации инновационных проектов в сфере медицины, рационального использования природных ресурсов, технологического развития, урбанистики, экономики и историко-культурного наследия. Культурно-антропологические проблемы развития Сибири рассматриваются учеными Красноярска. В коллективной монографии «Новое будущее Сибири: ожидания, вызовы, решения»¹ авторы подчеркивают значение культуры, которая способна насытить социальное пространство новыми смыслами, создать яркие образы новых героев и пассионариев. Качества сибирского характера (настойчивость, воля, упорство в достижении целей), закалившиеся в суровых условиях Сибири, «наряду с традиционной для жителей северных территорий мира высокой изобретательностью, креативностью открывают большие шансы жителям Сибири в новом глобальном мире»². Большая аналитическая и практическая работа по комплексному изучению и развитию Сибири проводится новосибирскими экономистами. В частности, ими предложена и реализуется программа создания Сибирского наукополиса —

¹Новое будущее Сибири: ожидания, вызовы, решения. Красноярск: СФУ: КПУ им. В.П. Астафьева, 2014.

²Москвич Ю.Н. Экспертное интервью «Сибирь как достойная Родина» // Новое будущее Сибири: ожидания, вызовы, решения. Красноярск: СФУ: КПУ им. В.П. Астафьева, 2014. С.92.

стратегического научно-инновационного центра на Востоке страны. Его главная задача состоит в обеспечении устойчивого взаимодействия бизнеса, науки, общественности и власти. К сожалению, всем этим перспективным подходам недостает глобального цивилизационного видения, преобладают стандартные индустриально-ресурсные подходы и модели.

Пожалуй, наиболее системно продуманная программа развития Сибири была недавно предложена группой разработчиков под руководством д.э.н. А.Н. Клепча. В ней есть понимание особой роли сибирского пространства для существования России, необходимости сохранения традиционных ландшафтов Сибири, а также важности вопросов культуры и образования. Эта программа получила символическое название «Русский ковчег» и уже достаточно широко представлена в информационном пространстве страны¹.

В русле последних тревожных тенденций, которые происходят в мире, особенно в связи с напряженными взаимоотношениями с Европой и НАТО, представляется совершенно необходимым резко усилить восточный, и, соответственно, сибирский вектор российской политики.

Во-первых, назрел вопрос о принятии **комплексной государственной программы развития Сибири** наподобие программы, принятой в отношении Дальнего Востока. Но в этой программе, на наш взгляд, необходимо четко зафиксировать именно эколого-экономические и духовно-культурные приоритеты развития Сибири. Развитие должно быть в первую очередь «зеленым» и культурным, то есть, говоря языком постнеклассической науки, *челoveкоразмерным*, а не сводиться к чисто количественным экономическим и производственным показателям при всей их значимости. Помимо рыночной эффективности тех или иных территорий, необходимо учитывать их вклад в военную,

¹Субботин А. Ковчег надежды. В Сибири опробуют модель развития страны. URL: <https://www.poisknews.ru/skript/kovcheg-nadezhdy-v-sibiri-oprobuyut-model-razvitiya-strany/>

ресурсную, экологическую, продовольственную и культурную безопасность страны. Эти параметры чаще всего невозможно прямо выразить в денежном эквиваленте, но именно они наиболее ценны в современных условиях. Сибирский регион все эти виды безопасности обеспечивает едва ли не в большей степени, чем регионы Европейской России.

Особую роль, учитывая ее геополитическое положение и миротворческий потенциал, Сибирь призвана сыграть не только в переходе всей страны к духовно-экологической стратегии развития, но и в новой интеграции Большой Евразии. Без сильной и динамично развивающейся Сибири невозможно, в частности, выстроить равноправное международное сотрудничество с Китаем. Новая интеграция Большой Евразии немыслима также без опоры на сибирские традиции мирного и продуктивного культурного диалога между странами и народами.

Во-вторых, учитывая стратегическое значение Сибири и ее ресурсов, необходимо **изыскать серьезные государственные средства на ее развитие**. Экстремальный характер сибирской жизни и хозяйствования исключает опору исключительно на частный капитал. Последний при нынешних правилах рыночно-финансовой игры всегда найдет более благоприятные территории в России и за рубежом для получения быстрой и легкой прибыли от вложений. Здесь нельзя не согласиться с мнением В.Ю. Малова, что «для условий Сибири и всего севера России предпочтительны крупные комплексные проекты с решающим голосом государственных структур, которые имеют потенциальную возможность делать долговременные вложения и не гнаться за немедленным коммерческим эффектом. Здесь также нежелательна конкуренция между регионами, особенно когда от нее выигрывает третья сторона»¹. Отсюда ясно, что при

¹Малов В.Ю. Сибирь: место для жизни или только мост между Азией и Европой? // Вопросы географии. Сб.148. Россия в формирующейся Большой Евразии. М.: Издательский дом «Кодекс», 2019. С.279.

разработке Программы развития Сибири принцип кооперации и взаимной дополнителности экономик и ресурсов сибирских регионов должен быть, безусловно, предпочтен принципу конкуренции.

К сожалению, во многом архаичным, т.е. экстенсивным и ресурсно-сырьевым, выглядит проект развития Сибири, выдвинутый летом 2021 года министром обороны С.К. Шойгу, предложившим построить в Сибири 3–5 научно-промышленных центров с населением в 300–400 тыс. человек для развития так называемого Ангаро-Енисейского региона¹. Тут неясно, кто будет заселять эти города в условиях, когда нарастает отток сибирского населения в европейскую часть страны. К тому же в Сибири и так хватает крупных научно-промышленных центров (Красноярск, Новосибирск, Томск, Омск, Барнаул), развитие которых остро нуждается в значительных и долгосрочных государственных инвестициях. Наконец, для по-настоящему системного развития Сибири нужно вкладывать средства не только в крупные, но и в ее малые города, а также в общую инфраструктуру и сельские территории. Хочется верить, что правительство при принятии будущей Программы развития Сибири будет все же опираться на научные разработки сибирских ученых и сумеет избежать авторитарных и непродуманных решений, издержки которых могут быть исключительно высокими.

В-третьих, по-настоящему системная государственная программа развития Сибири должна быть подкреплена: а) отдельной строкой в бюджете; б) конкретным лицом — членом правительства (лучше на уровне зам. председателя), который должен отвечать за ее реализацию; в) разработкой соответствующей законодательной базы; г) экспертно-консультативной поддержкой сибирских научно-исследовательских центров, ведущие специалисты которых должны принять самое непосредственное участие как в разработке программы, так и в последующем принятии

¹Лазарева Е. Первый новый город от Шойгу построят на границе двух регионов. URL: <https://ura.news/articles/1036282834>

важнейших управленческих решений; д) тщательно продуманной информационной политикой, включая главные каналы телевидения. Сегодня о Сибири практически никто не говорит, россияне о ней крайне мало знают, а для иностранцев она до сих пор остается страной холода, мрака и каторги.

В-четвертых, приоритетной текущей задачей развития Сибири является противодействие оттоку ее населения в европейскую часть страны. Это требует, прежде всего, проведения эффективной **социальной, молодежной и научно-образовательной политики**¹. В этом плане крайне важно обеспечить льготным ипотечным кредитом молодых специалистов, живущих в Сибири или переезжающих туда на работу из европейской части страны. Следует предусмотреть возможность досрочного погашения кредита для молодых семей через 7–10 лет их непрерывной работы в Сибири или в случае рождении второго ребенка в семье. Ипотечный кредит для сибиряков должен быть прямым и государственным, а не спекулятивно-банковским.

Необходимо приоритетное внимание, в согласии с заветом В.И. Вернадского, уделить сибирской науке и системе высшего образования, о чем мы еще ниже будем говорить. Пора отказаться от пресловутого ЕГЭ, из-за которого наиболее талантливые ученики сибирских школ массово отъезжают в Москву и в Санкт-Петербург. Система вступительных экзаменов с выбором одного (максимум 2–3) вузов позволила бы сохранить интеллектуальный потенциал Сибири. Важно также *приоритетное финансирование* сибирских вузов и научных центров, открытие диссертационных советов и новых лабораторий, создание особых условий для работы молодых специалистов, переезжающих для работы в Сибирь. Здесь надо на новом уровне реализовать традиции новосибирского Академгородка. Исторический опыт показывает, что когда ученым доверяется самим разработать проект и для его

¹Более подробно этот вопрос будет рассмотрен во втором разделе монографии.

реализации выделяется достойное государственное финансирование, то результат неизменно оказывается оптимальным. Если же вопросы развития науки и образования отдаются на откуп чиновникам или олигархам, как в случае с РОСНАНО или фонда «Сколково», то результат оказывается плачевным.

В-пятых, Сибирь, особенно ее юго-западный регион с элитными черноземами, призвана стать важным **фактором обеспечения продовольственной безопасности страны и мировым центром производства экологически чистого продовольствия**, учитывая все возрастающий спрос на подобную продукцию, особенно в соседнем с Сибирью Китае. Можно сказать, что необходима *вторая целина*, но с долгосрочными программами сохранения лесов и плодородия почв, восстановления лесополос, мощными государственными вложениями в инфраструктуру села и в сибирскую аграрную науку. Совершенно недопустима ситуация, когда за период с 2002 по 2012 год исчезло 176 сельских поселений в Сибири, а господдержка 1 га сельхозугодий была в 23 раза ниже, чем в США и в 109 раз ниже, чем в ЕС¹. Ситуация за прошедшие годы улучшилась, но по-прежнему далека не только от идеала, но и от приемлемой нормы.

Помимо важности увеличения государственных инвестиций, необходима система налоговых льгот для частного капитала (местного, российского и иностранного), готового вкладывать средства в сибирское село. Возможно, в Сибири будет полезно опереться на китайский опыт, когда сельхозпроизводители полностью освобождены от государственных налогов, как в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая, а государство само строит комфортабельное жилье на селе для потенциальных

¹Щетинина И.В., Балашов А.П. Проблемы продовольственной безопасности страны: место Сибири в их решении // Регион: экономика и социология. 2014. №4(84). С.123.

арендаторов и передает его в собственность крестьянам в случае пяти лет успешного хозяйствования.

Отдельная тема — возвращение на село дипломированных специалистов-аграриев. Принимаемые ныне меры явно недостаточны. Помимо финансовой и инфраструктурной сторон, здесь необходимо кардинальное изменение социальной, культурной и информационной политики в отношении села. Сельский труд, наряду с трудом врача, ученого и педагога, обязан быть наиболее престижным и хорошо оплачиваемым в государстве. Труд же сибирского крестьянина, хозяйствующего в особо суровых климатических условиях, должен быть вдвойне почетен и находиться под особой опекой государства.

В-шестых, модернизация такого сурового края, как Сибирь, никогда не может быть осуществлена на чисто экономических и рыночных основаниях, так как должна быть стратегически ориентирована не столько на получение прибыли и экономический рост, сколько на сохранение и воспроизводство: а) самого человека как не только телесного, но культурного и духовного существа; б) здоровой окружающей природной среды; в) гармоничных социальных отношений. Сибирская экономика должна превратиться в рачительное хозяйство, а «рыночный человек» — в «хозяйствующего человека», как говорили русские философы хозяйства С.Н. Булгаков и П.Н. Савицкий.

Особого внимания заслуживает, подчеркнем еще раз, опыт сибирской кооперации конца XIX — начала XX веков, которая позволила сибирскому товаропроизводителю завоевать мировой рынок по производству масла, а в годы Первой мировой войны кормить воюющую русскую армию. Кооперативы стали также школой воспитания социально активных и ответственных граждан, которые в Юго-Западной Сибири в условиях гражданской войны сумели обеспечить товарооборот между городом и деревней, наладить

эффективное местное самоуправление¹. Есть положительный опыт кооперации в Сибири и сегодня.

Важной чертой экономики нового типа должно стать также развитие спонсорства и меценатства, поддержка бизнесом различных общественных фондов и инициатив, то есть того, что называется «третьим сектором». Напомним, что дореволюционная сибирская промышленная и торговая элита платила надбавку к стипендии студентам сибирских вузов. Выше мы также писали о важности проведения принципа нестяжательства в экономической жизни, когда личные интересы отходят на второй план по сравнению с общественными интересами. Соответственно, модернизация нового типа возможна, если наряду с государственной поддержкой и коммерческой мотивацией будет **мотивация нравственная**, если хозяйствующие субъекты начнут конкурировать не только полученными доходами и объемами продаж, но и уровнем вклада в социальное развитие сибирских территорий — в виде благотворительности, поддержки научных исследований и культурных начинаний, сохранения окружающей среды. Это, конечно, потребует соответствующей информационной политики и активизации усилий общественности, сегодня, к сожалению, существенно ограниченной российским государством.

В целом, можно говорить о Сибири как о потенциально осевом цивилизационном регионе России и мира в плане становления новых духовно-экологических цивилизационных отношений, снимающих тупиковые крайности капитализма и социализма.

В-седьмых, Сибирь, учитывая ее цивилизационную роль, призвана стать одним из важнейших государственно-политических центров страны. В этой связи наряду с Москвой и Петербургом необходимо, на наш взгляд, учредить **третью столицу России на востоке** в одном из крупных сибирских

¹См. подробнее в упомянутой выше монографии: Сыщенко А.Г., Сыщенко В.А. Золотые годы сибирской и алтайской кооперации, 1896–1919. Т.1.Барнаул: Изд-во А.Р.Т., 2003.

городов, типа Новосибирска или Красноярска. Это четко зафиксировало бы евразийский статус России и долгосрочность восточного вектора ее политики. Возможно, было бы полезно перевести в эту новую столицу на первых порах хотя бы Совет Федерации. Этот орган в таком случае мог бы стать главным законодательным и научным центром по развитию Азиатской России¹.

Оценивая в целом потенциал Сибири и механизмы его актуализации, следует ясно понимать, что ее территория не является гомогенной. В нее входят существенно различные по своему природному, экономическому, социокультурному, геополитическому и этническому потенциалу регионы, где одно из ключевых мест занимает Алтай, являющийся своеобразным геополитическим «окном» Сибири в Центральную и Юго-Восточную Азию. Об Алтае как важнейшем сибирском и евразийском регионе речь пойдет в следующей главе.

¹Более подробно о судьбе столиц в истории России см. в статье одного из авторов: Иванов А.В. Судьба трех столиц: взгляд из Сибири // Иванов А.В. Новый опыт метафизики всеединства. Барнаул: Пять плюс, 2017.

ГЛАВА 4. Алтай как важный центр миротворчества и диалога цивилизаций¹

§1. Кризис современного миротворчества

То, что государство должно быть сильным и уметь защищать себя от внешних угроз, — тезис довольно банальный. В нынешних условиях наличие мощной армии и развитого военно-промышленного комплекса является обязательным для защиты суверенитета страны, особенно такой ресурсно богатой и пространственно обширной, какой является Россия с Сибирью и Дальним Востоком. «Хочешь мира — готовься к войне» — этот старый геополитический принцип сохраняет все свое значение и донныне. К сожалению, забывают другой принцип, менее известный, но не менее значимый: «Если хочешь жить в мире, то за него надо активно бороться». Без единства двух этих диалектических противоположностей прочного мира не будет нигде и никогда.

Сегодня, к сожалению, мы являемся свидетелями глобального забвения второго, миротворческого принципа и, как результат, неуклонного «сползания» мировой цивилизации к новой холодной войне, когда усиливается политическая конфронтация между Востоком и Западом, богатым Севером и бедным Югом, когда резко обострились противоречия между религиозными конфессиями и этнокультурными общностями. Региональные военные конфликты полыхают на Ближнем Востоке и в северной Африке, тлеют на Украине и в Гималаях, на Корейском полуострове и в Латинской Америке. Это сопровождается нарастанием агрессивной риторики у государственных лидеров различных стран, увеличением военных бюджетов и ростом военных секторов мировой экономики. Нелишне

¹Материалы главы первоначально опубликованы в международном электронном журнале: Иванов А.В., Шишин М.Ю. Алтай как регион миротворчества: исторический опыт и современная роль // Grand Altai Research&Education. 2020. №1. С.5–14.

напомнить, что экономика, работающая на войну, — это всегда бессмысленная трата огромных природных ресурсов и человеческой энергии, источник инфляции и загрязнения окружающей среды.

При этом нарастают две крайне опасных тенденции, которые не были столь явными еще 20–30 лет тому назад. Во-первых, от военных конфликтов различного масштаба больше всего страдает мирное население. Именно войны заставляют тысячи людей сниматься с насиженных мест и становиться беженцами. Переселение масс людей — это трагедия не только для них самих, но и для тех стран и регионов земли, куда беженцы вынуждены перемещаться. Наплыв мигрантов из Африки и Азии в Европу в последние годы — это фактор дестабилизации жизни в одном из самых дотеле процветающих регионов Земли.

Во-вторых, налицо усиление информационных войн в медиапространстве, причем их агрессивность и нацеленность на манипуляцию сознанием все возрастают. Это проявляется в поэтизации собственных армий и их союзников и в демонизации реальных и потенциальных стран-противников, причем не только армий и политических режимов, но, что самое опасное, их самобытных культур и религиозных традиций.

Еще более опасно, что откровенная ложь политиков и журналистов стала почти обычным делом, едва ли не атрибутом этих сфер публичной деятельности. Более того, специалисты по PR-технологиям как раз больше всего и ценятся за умение эффективно манипулировать общественным сознанием, выдавать белое за черное и наоборот. В гуманитарный язык даже вошло весьма показательное и типично постмодернистское словосочетание «*эпоха постправды*», как бы оправдывающее массовое распространение целенаправленной и агрессивной лжи. Но история неопровержимо свидетельствует: там, где нет места правде, там также нет места ни добру, ни красоте, а, значит, неизбежно повсеместное прорастание безобразия, зла и, в конечном счете, нравственное разложение общества. Если

порочно насильственное навязывание подлинного или мнимого добра, то еще более порочно потакание и непротивление злу. Порочные крайности здесь, как и везде, сходятся и подпитывают друг друга.

Свой вклад в нарастание агрессивности и бессердечия вносит также индустрия компьютерных игр, где чуть ли не каждая вторая игра связана с убийством и насилием и на уровне подсознания обезчеловечивает картину мира, в которой живет современный человек. Людей словно искусственно приучают к насилию, делают нравственно неприемлемое — вполне приемлемым, а подлинно благородное и достойное, наоборот, представляют смешным и старомодным. Налицо также разгул мирового псевдопатриотизма, когда величие страны связывается не с развитием культуры, науки и образования, не с ростом человеческого потенциала, а исключительно с мощью государства, его военной силой и способностью к насильственному доминированию на международной арене.

При этом поражает удивительно низкая эффективность деятельности политиков и межгосударственных институтов, включая нынешнюю ООН, по предотвращению вооруженных конфликтов. Показательно также, что при их разрешении все чаще используются те же военные средства¹. Словом, человеческая цивилизация стала намного более безблагодатной и хрупкой, нежели она была во времена открытого противостояния капиталистической и социалистической мировых систем.

В этих условиях полезно обратиться к опыту прошлого. Именно в 50–70-е годы минувшего века, во времена противостояния двух общественно-политических систем, борьба за разрядку международной напряженности достигла едва ли не пика своей интенсивности. Достаточно вспомнить

¹См.: Шепова Н. Я. Миротворчество как способ предотвращения и урегулирования современных вооруженных конфликтов // Отечественные записки. 2005. №5(26). URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/5/mirotvorchestvo-kak-sposob-predotvrashcheniya-i-uregulirovaniya-sovremennyh-vooruzhennyh-konfliktov>

возникновение и расцвет Пагоушского движения ученых, борющихся за мир; общественных движений «Врачи без границ» и «Матери за мир»; политического Движения неприсоединения; принятие различных международных документов, способствующих разрядке международной напряженности, таких как знаменитый Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года. Все это серьезно ограничивало разгул милитаристской риторики и практики. Тогда миротворчество явно преобладало над философией войны, стремление к открытости — над желанием дезинформировать оппонента, идеалы ненасилия и сотрудничества были влиятельнее идеалов политического и военного доминирования. Важно также напомнить, что именно инициирование и поддержка Советским Союзом глобальных миротворческих инициатив способствовали росту авторитета нашей страны во всем мире. Не будет преувеличением сказать, что социалистический лагерь во главе с СССР воплощал тогда силы мира, созидания и свободы, особенно для колониальных стран.

Мир в 50–70-е годы прошлого века вплоть до крушения СССР был намного безопаснее, чем сегодня, и у него была вполне ясная и реальная перспектива встать на путь общемирового диалога и постепенного конвергентного дрейфа капитализма и социализма в сторону миролюбивой по своему существу и единой человеческой цивилизации с приматом духовных и экологических ценностей.

К сожалению, этот позитивный сценарий оказался нереализованным в 80–90-е годы прошлого века во многом из-за предательства национальных интересов политической верхушкой тогдашнего СССР во главе с Горбачевым и Ельциным.

§2. Исторический опыт миротворчества на Алтае

В условиях нынешнего явного дефицита глобальных миротворческих инициатив и нарастания международной

напряженности особое значение приобретает региональный опыт миротворчества и сотрудничества народов, диалога их национальных культур. Особенно ценно, когда современный миротворческий региональный опыт имеет многовековые исторические корни и давние культурные традиции. В этом большая роль отводится народной или общественной дипломатии, значение которой уже признано на официальном уровне и получило теоретическое осмысление¹. Так, министр иностранных дел России С.В. Лавров заявил: «В современном гуманитарном измерении внешняя политика и **общественная дипломатия** являются весомыми факторами международной жизни. Концепция внешней политики РФ подчеркивает роль **народной дипломатии** как важного средства налаживания межцивилизационного диалога, достижения согласия и взаимопонимания между народами. Это является приоритетной задачей для нас»².

Одной из территорий многовекового «мирного врастания» друг в друга различных народов и культур является горный регион так называемого «Большого Алтая», который включает в себя русский, монгольский, казахстанский и китайский Алтай. Выше мы уже писали об огромном миротворческом потенциале Сибири, но именно Алтай выступал ключевой сибирской территорией миротворчества. Здесь с древнейших времен сосуществуют кочевые и оседлые, охотничьи и земледельческие племена, индоевропейские, монгольские и тюркские народы. Здесь до сих пор мирно соседствуют христианские, мусульманские и буддийские храмы, а также сохраняются древние языческие культы и верования; до сих пор жив культурный феномен

¹См.: Мухаметов Р.С. Специфика общественной дипломатии как инструмента внешней политики государства // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2014. № 2 (128). С. 84–90; Шершнёв И.Л. Общественная дипломатия России в формировании справедливого миропорядка: гуманитарное измерение // Знание. Понимание. Умение. 2011. №2. С. 300–308.

²Лавров рассказал о народной дипломатии. URL: <https://www.kp.kg/online/news/796798/>.

сказительства, уходящий корнями в глубочайшую евразийскую древность.

Память об Алтае как о покинутом их предками земном рае хранят венгры и корейцы, турки и японцы и даже тайцы. Понятно, что прошлое не следует идеализировать, и на Алтае было немало войн и конфликтов во все века его существования. Однако само сохранившееся этническое, культурное и религиозное многообразие Большого Алтая, мирное современное сосуществование и сотрудничество алтайских народов — лучшее эмпирическое доказательство его важнейшего миротворческого статуса на пространствах Большой Евразии.

Алтай в этом плане зримо контрастирует с другим важнейшим горным узлом Евразии, отличающимся столь же богатой этнокультурной и религиозной палитрой. Это знаменитое торгово-паломническое «средокрестие» Центральной Азии, где сходятся горные системы Гиндукуша, Гималаев, Каракорума и Памира; соседствуют такие государства, как Индия, Пакистан, Афганистан и Китай, а рядом лежат Непал и Таджикистан. Здесь проходили древнейшие пути народов с востока на запад и с запада на восток Большой Евразии, пролегла южная ветка Великого шелкового пути. Когда-то этот регион с Северной Индией во главе являлся важнейшим центром миротворчества и диалога культур¹, однако сегодня он превратился в очаг военных конфликтов, в рассадник международного терроризма и наркотрафика. Конфликт между Индией и Китаем существует как раз в районе Ладакха, высокогорного региона, лежащего на пересечении традиционных гималайских торговых и паломнических путей. Именно через Ладакх проходил один из древнейших торговых и паломнических коридоров, связывавших север и юг Евразии, Сибирь и Индию, Алтай и Гималаи.

¹См.: Алтай и Гималаи как ключевые культурно-биосферные регионы Евразии /под ред. А.В. Иванова и И.В. Фотиевой. Барнаул: РИО Алтайского ГАУ, 2017.

В отличие от этого конфликтного региона, Алтай продолжает свою миротворческую миссию, которую он выполнял в течение многих столетий. Важнейшим фактором его проявления и усиления стал приход сюда в XVII веке сначала русских торговцев и переселенцев, а потом и российской государственности. Ими был привнесен на Алтай не просто свойственный всей русской культуре дух миротворчества и интенсивного культурного диалога с другими народами, но именно дух культурного синтеза, нацеленности на обогащение собственного образа жизни и мирозерцания материальными и культурными достижениями других культур.

Так, русские, придя на Алтай, признали природными святынями реку Катунь и гору Белуху, которые обожествляло местное коренное население. В Катунь, как в подобии священной Иордани, староверы крестили детей. Русские переняли многие алтайские навыки ведения хозяйства в сложных горных условиях. Алтайцы, в свою очередь, учились у русских опыту земледелия, заимствовали бытовые навыки, технические приспособления и знания. Через русских и деятельность Алтайской духовной миссии коренное население получило письменность и литературу на национальном языке.

Огромное позитивное влияние русской культуры на Алтае испытали также казахи и монголы, причем региональными очагами миротворчества часто выступали оборонительные сооружения типа Кольвано-Кузнецкой линии, которые парадоксальным образом не столько размежевывали, сколько объединяли народы, ибо пограничные городки, остроги и форпосты превращались в центры интенсивной торговли и культурного обмена, о чем мы писали выше.

Русский миротворческий фронт на Алтае зримо отличался от многовекового ханьского фронта в Синьцзяне, нацеленного не на диалог и мирное сосуществование культур, а на насильственное приведение к покорности не-ханьских народов Синьцзяна (уйгуров, казахов, алтайцев, тувинцев, узбеков, киргизов и таджиков). К сожалению, отголоски вековой вражды тюркско-мусульманских народов Синьцзяна

и ханьцев существенно осложняют современную этноконфессиональную и политическую ситуацию в Синьцзяне. И государственным насилием эту вражду не потушить, разве что уничтожить целый народ, как тех же уйгуров.

Отсюда вытекает, быть может, важнейшая миротворческая миссия, которую исполнили русские, придя на Алтай: они сумели не только выстроить относительно мирные взаимоотношения с двумя мощными государствами в регионе Южной Сибири — Джунгарией и Цинским Китаем, но, самое главное, обеспечить выживаемость малочисленных этносов этого уникального пограничного цивилизационного региона Большой Евразии.

Конечно, исторические взаимоотношения народов не следует идеализировать. К сожалению, в них преобладает, образно говоря, «*кровавая история*», связанная с завоеваниями, агрессией, уничтожением сокровищ культуры и унижением других народов. Но тем более важной и значимой предстает другая линия человеческой истории — «*духовная история*» созидательных государственных деяний, эпох мира и духовного расцвета, культурного диалога народов, когда побеждают совесть и религиозная терпимость, расцветают науки и искусства. Эти эпохи чаще всего бывают краткими. Они связаны с творчеством одиноких гениев, таких как уже упоминавшиеся нами индийские императоры Ашока и Акбар, или небольших духовных братств, типа узкого круга единомышленников, которые группировались вокруг Перикла в золотой век Афин, вокруг Карла Великого во времена Каролингского возрождения или во времена «избранной рады» молодого Ивана Грозного. Однако такие эпохи оставляют неизгладимые светоносные следы в памяти потомков, вызывают желание ознакомиться поближе с их идеями и творениями, а главное, творчески воспроизвести их в новых исторических условиях. Созидательные эпохи, великие личности и духовные братства образуют своеобразные исторические *эстафеты духа*, помогают отыскать в истории преемственность, порядок и гуманистический смысл, скрытый от поверхностного

исторического взора, словно замороженного магией «кровавой истории».

Есть своя линия «духовной истории» и на Алтае. Его народы хранят память о великом монгольском подвижнике, миротворце и просветителе XVII века Зая Пандите Намхайджамцо, памятник которому был недавно установлен перед Ховдским университетом в Западной Монголии. Он создал западно-монгольское письмо, был крупным буддийским философом и учителем, внес большой вклад в примирение различных монгольских племен и кланов.

Именно в регионе Рудного Алтая пересеклись жизненные пути двух гениев национальных культур — Ф.М. Достоевского и Ч.Ч. Валиханова, чья дружба внесла большой вклад во взаимное познание и укрепление культурных связей между русским и казахским народами.

Алтай навеки связал узами дружбы и сотворчества великого русского ученого и путешественника, основоположника движения сибирского областничества Г.Н. Потанина, великого алтайского художника и общественного деятеля Г.И. Чорос-Гуркина, а также видного сибирского писателя и деятеля русского зарубежья Г.Д. Гребенщикова. В их общении и творчестве идейно кристаллизовалась, обрела художественное, а частично и практическое (к сожалению, очень краткое и трагическое!)¹ воплощение одна из важнейших идей сибирского областничества: **Россия станет крепкой и мирной, будет успешно выполнять свои исконные евразийские миротворческие функции, когда будет представлять собой единство разных народов, а важнейшие для ее процветания сибирские регионы будут обладать культурной свободой, административной и хозяйственной автономией.**

Этот завет как никогда актуален сегодня: без процветающей Сибири и ее отдельных регионов не может

¹Если вспомнить общественно-политическую деятельность Г.И. Чорос-Гуркина в революционные годы.

быть никакой успешной российской восточной политики и никакой созидательной евразийской интеграции, о чем речь шла в предыдущих главах. С другой стороны, именно Сибирь и Алтай призваны сыграть важную роль в интеграции Большой Евразии. И эта интеграция должна стать важным элементом в победе «духовной истории» человечества над его «кровавой историей».

§3. Алтай как современная «миротворческая скрепа» Евразии: идеи и проекты

О срединном евразийском положении Алтая сказано и написано достаточно много. Здесь действительно пересекались торгово-паломнические пути, ведущие с востока на запад и с севера на юг Евразии. Тут проходила самая северная ветка Великого шелкового пути, и издревле существовал торговый путь Алтай — Гималаи. Здесь ныне сходятся границы четырех крупных государств Большой Евразии: России, Китая, Монголии и Казахстана. Алтай оказывается в орбите китайского *широтного* транспортного проекта «Один пояс — один путь», а российскими и индийскими учеными озвучен стратегический евразийский транспортно-энергетический проект *меридионального* соединения Казахстана, Монголии, Китая, Индии и Пакистана, о чем мы говорили выше. Если бы эти проекты реализовались, — естественно, обходя уникальные биосферные территории, такие как плоскогорье Укок в Республике Алтай, — то тогда Алтай мог бы превратиться не только в уникальный транспортно-торговый, но и важнейший миротворческий узел, объединяющий ключевые страны Большой Евразии совместными созидательными проектами. В их основу вполне могут быть положены экологические и культурные императивы сохранения природного и этнокультурного разнообразия, развития совместных научных исследований и создания интернациональных инновационно-технических центров. Здесь может быть сделана ставка на

развитие «зеленой экономики», производство экологически чистого продовольствия и развития различных видов международного туризма.

Фактически Алтай может стать ядром и символом **духовно-экологического (ноосферного) содружества стран Большой Евразии**, миротворческого и объединительного по самому своему существу. Первый шаг в этом направлении был сделан в 2014 году на первом Международном Алтайском Форуме «Соразвитие общества, природы и человека в контексте диалога цивилизаций», где была принята «Алтайская хартия»¹, в которой такая цель и была анонсирована. К сожалению, далеко не все из задуманного на том глобальном Форуме, в работе которого приняло участие более сотни политиков, ученых и общественных деятелей из разных стран, удалось к настоящему времени практически реализовать.

Однако локальный прообраз подобного многостороннего международного сотрудничества и миротворчества был заложен деятельностью Международного координационного совета (МКС) «Наш общий дом — Алтай», объединяющего органы государственной власти и научной общественности Алтайского края и Республики Алтай (Россия), Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая, Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан, Баян-Ульгийского и Ховдского аймаков Западной Монголии. Он действует с 2002-го года. Показательно, что именно в области экологического, научного, образовательного и культурного сотрудничества на Алтае в последние годы были достигнуты наибольшие успехи².

О деятельности МКС «Наш общий дом Алтай» и успешных проектах, осуществленных под его эгидой,

¹Международный Форум «Соразвитие общества, природы и человека в контексте диалога цивилизаций» прошел на Алтае. URL: <http://www.icmoscow.ru/news/1137/>

²См.: Алтай трансграничный: пути международной интеграции и устойчивого развития. М.: Ин-т устойчивого развития Общественной палаты Российской Федерации, 2013.

написано много, и нам бы не хотелось повторяться¹. Можно упомянуть активное сотрудничество университетов Большого Алтая, объединенных электронным журналом «Наука и образование Большого Алтая»; координацию природоохранной деятельности четырех стран, граничащих на Алтае, в частности, в области создания и развития системы особо охраняемых природных территорий. Напомним, что в 1998 году часть территорий российского Алтая была включена в Список Всемирного природного наследия ЮНЕСКО в номинации «Золотые горы Алтая». Сегодня ведется работа по международному расширению данной номинации через включение в этот список монгольского национального парка «Таван-Богд», а также китайского национального парка «Канас». Раз в два года на одной из территорий Большого Алтая проводятся так называемые «игры на открытом воздухе», в которые включены как современные виды спорта, типа рафтинга и скалолазания, так и традиционные, типа борьбы, поднятия тяжестей и стрельбы из лука.

К сожалению, в последние годы, особенно в условиях пандемии, деятельность МКС «Наш общий дом — Алтай» приобрела несколько бюрократизированный и формальный характер, перестала в достаточной мере подпитываться инициативами, идущими снизу, от ученых и представителей культуры. Существенно сузилось также влияние общественных организаций на государственную власть и возможность развивать международное сотрудничество на уровне народной дипломатии, хотя, как отмечалось выше, именно контакты между простыми людьми и иницируемые ими проекты являются важнейшим фактором регионального и глобального миротворчества.

¹См.: Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация / Под ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск: Нонпарель, 2010. С. 372–384; Ротанова И.Н., Иванов А.В., Журавлева С.М., Ефремов Г.А. Большой Алтай: биосферно-культурная уникальность как потенциал межгосударственного сотрудничества // Развитие территорий. 2016. № 1(4). С. 93–106.

Хочется надеяться, что международное сотрудничество на Алтае обретет новое дыхание, в него придут молодые люди с новыми идеями и проектами. Пока такую преемственность между поколениями в деятельности МКС осуществляет Международная летняя Школа студентов и молодых ученых Большого Алтая, действующая с 2002-го года. Тема миротворчества является в ней одной из ведущих.

Говоря о миротворческом потенциале Алтая, необходимо коснуться очень важной темы. На разных этапах его истории всегда возникали миротворческие лозунги, идеи и проекты, объединявшие и вдохновлявшие людей, т.е. Алтай не просто примирял людей в настоящем, но устремлял их к общему лучшему будущему. В какой-то мере современные алтайские миротворческие инициативы, о которых речь шла выше, являются частичным воплощением и развитием именно таких объединяющих идей и проектов прошлого.

Так, исторически первой миротворческой идеей на Алтае, которая и привела сюда многих людей из Европейской России, стала идея *Беловодья*. Эту легендарную землю добра, человеческого братства и справедливости искали на самом Алтае, и отсюда же уходили на ее поиски в Центральную Азию и к далеким Гималаям старообрядцы, беглые крестьяне и казаки. Беловодье до сих пор остается одним из важных общевразийских миротворческих символов Алтая, призывающих людей к единению во имя общего лучшего будущего. Пусть Беловодье считают красивой легендой, но, как говорил Н.К. Рерих, в любой легенде всегда живет частица истинных знаний.

Поскольку речь зашла о великой семье Рерихов, пребыванию которых на Алтае посвящена отдельная книга, в написании которой участвовали авторы данной монографии¹, то важно вспомнить выдвинули ими идею строительства на Алтае, в Уймонской долине, *города Звенигорода*. В этом

¹Шишин М.Ю., Иванов А.В., Фотиева И.В. Николай Рерих: открытие Алтая. Барнаул: М-во культуры Алт. края, Алт. краев.универс. науч. б-ка им. В.Я. Шишкова, 2019.

международном городе знаний должны были бы заниматься совместными изысканиями и техническими разработками специалисты различных областей научного знания из разных, прежде всего, азиатских стран. Вместе с ними должны были бы жить и совместно трудиться художники, писатели, политики, религиозные деятели разных конфессий и народные умельцы, воплощая идею синтеза различных (рациональных и внерациональных) видов знания и культурных достижений разных народов. Самим Рерихам основать Звенигород на Алтае не удалось в силу сложности исторического времени, в котором им суждено было жить и творить. Но идея алтайского Звенигорода частично была реализована ими в деятельности института Урусвати в далеких Гималаях. Пагоушское движение ученых, объединившихся в борьбе за мир во второй половине XX века, также, несомненно, перекликается с идеями Звенигорода. Созданный сегодня на базе Алтайского государственного политехнического университета Институт комплексных исследований Большого Алтая также в какой-то мере старается реализовать эту рериховскую программу синтетического изучения Большого Алтая.

Наконец, следует указать на проект *Кедрогорада*, который был первоначально предложен в конце 50-х — начале 60-х годов XX века в Ленинграде студентами Лесотехнической академии для охраны и комплексного использования биологических ресурсов кедровых лесов Алтая. На основе этих идей был создан лесхоз в алтайском селе Чоя, а потом Горная лесная опытная механизированная станция в поселке Иогач на Телецком озере, куда поехали работать многие молодые специалисты-энтузиасты из различных городов России. Ими была доказана возможность комплексного использования биологических ресурсов кедровой тайги, где сочетаются грамотные рубки и лесопосадки, сбор даров леса и их переработка. Замысел молодежного города Кедрогорада был одной из идейных и практических альтернатив планам строительства Катунской ГЭС на Алтае и превращения его в объект беспощадной сырьевой эксплуатации. К сожалению, проект создания Кедрогорада остался до конца не

реализованным, но совершенно актуальной и значимой является его ключевая идея: человечество не сможет выжить, если не научится гармонично вписывать в природные циклы, ритмы и законы свою хозяйственную деятельность. Проект «Кедроград» оказался своеобразным провозвестником того, что сегодня называют «зеленой экономикой», без перехода к которой не может быть устойчивого развития ни России, ни Сибири, ни Алтая.

«Мир и гармония в отношениях с природой — необходимое условие гармонии и мира в отношениях между людьми и народами, а без мира между людьми и народами мы никогда не сохраним земную биосферу и культурное наследие человечества для себя и для наших потомков» — так, пожалуй, можно выразить основную идею алтайского миротворчества.

Завершая настоящий раздел монографии, важно обратить внимание на ряд сугубо практических политических и социокультурных вопросов, которые возникают в связи с осмыслением возможности выполнения Сибирью ее цивилизационной миссии:

- каково нынешнее состояние сибирского социума, и есть ли у него достаточный субъектный, социо- и этнокультурный потенциал для актуализации обоснованного выше объективного цивилизационного потенциала?

- кто может выступить в роли реального актора цивилизационных трансформаций в Сибири, и насколько ценности новой цивилизации разделяются сибиряками, особенно молодым поколением?

- каково нынешнее состояние сибирского села, и на какие традиции сибирского сельского мира можно опереться при переходе к духовно-экологической стратегии развития на федеральном и региональном уровнях?

- в каком состоянии находится система сибирского высшего образования в условиях непрекращающихся разрушительных реформ, и какими видятся перспективы его поступательного развития?

- можно ли в традициях и в современном состоянии сибирского искусства и сибирского просветительства обнаружить ресурс для духовно-экологического обновления общества?

- какой личный вклад в развитие Сибири могут внести ученые-гуманитарии и преподаватели сибирских вузов, учитывая, что личностный фактор в историческом процессе играет очень важную роль?

На эти и некоторые другие вопросы мы постараемся дать свой ответ во втором разделе монографии.

РАЗДЕЛ II. СИБИРСКИЙ СОЦИУМ: ПРОБЛЕМЫ, ПРЕДПОСЫЛКИ И ФАКТОРЫ ПЕРЕХОДА К НОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ГЛАВА 5. Сибирский социум в этносоциальной динамике

Прежде чем приступить к анализу проблемы сибирского социума, важно остановиться на некоторых общих теоретико-методологических вопросах как значимых предпосылках адекватного понимания сути и содержания обозначенной темы.

§ 1. Взаимообусловленность этносоциального и цивилизационного развития

Проблема соотношения этноса и цивилизации, этносоциальных и цивилизационных процессов, этносоциального и цивилизационного развития актуализировалась в современном мире в связи с известными феноменами «взрыва этничности» и «столкновения цивилизаций». Ранее вместе с Е.А. Тюгашевым мы специально анализировали данный вопрос, обосновав идею о **взаимообусловленности этносоциального и цивилизационного развития**¹. Отдельные составляющие предложенного видения проблемы были рассмотрены на примере евразийства². Далее обозначим общие, наиболее значимые

¹Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Этносоциальные процессы в цивилизационном развитии // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 3; Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири / под ред. Попкова Ю.В. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. С. 22–32.

²Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Евразийство как социокультурный тип // Гуманитарные науки в Сибири. 2003. № 3; Иванов А.В., Попков Ю.В., Тюгашев Е.А., Шишин М.Ю. Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты. Барнаул: Издательство «Азбука», 2007.

положения, касающиеся этой темы, опираясь, прежде всего, на эти работы.

Как было показано в первой главе предыдущего раздела, особенности отдельной цивилизации определяются составом и своеобразием культуры входящих в нее народов (этносов). В свое время Н.Я. Данилевский обосновывал идею о том, что цивилизация, основу которой составляет особый культурно-исторический тип, тем «разнообразнее и богаче, чем разнообразнее, независимее составные элементы, т. е. народности, входящие в образование типа»¹. Такое разнообразие состава он считал одним из условий полноты жизни и развития цивилизаций. «Хотя разнообразие это, — дополняет автор — не может быть, конечно, искусственно создаваемо там, где нет для него этнографической основы, оно, без сомнения, необходимо для правильного развития культурно-исторического типа там, где он имеет по природе своей этот сложный характер»². Таким образом, Н.Я. Данилевский признавал необходимую «этнографическую сложность» культурно-исторического типа, наличие множества этносов, входящих в его состав. Это внутреннее разнообразие он считал столь же закономерным, как и проявляющееся во всемирно-историческом процессе внешнее разнообразие локальных цивилизаций.

В данной связи важным представляется вопрос о соотношении, с одной стороны, цивилизационного развития, с другой стороны, этносоциального развития, этносоциальных процессов. Обычно данные феномены в научных дискуссиях рассматриваются как относительно самостоятельные, независимые друг от друга, поэтому их связь не воспринимается как существенная.

На наш взгляд, более предпочтительной является иная позиция — когда цивилизационное развитие и этносоциальное развитие рассматриваются как взаимообусловленные

¹Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. М.: Мысль, 1991. С. 101.

²Там же. С. 101-102.

процессы. **Цивилизация, будучи самым крупным социокультурным образованием, внутренне неоднородна. Дифференцирующим базисом этой неоднородности выступает как раз ее этническое (и этнокультурное) разнообразие, а этносоциальный синтез входящих в цивилизацию народов и их культур является основой ее своеобразия и устойчивости.**

Становление этнических общностей, их устойчивость и особенности определяются природно-ландшафтными предпосылками (разные естественные условия формируют различающиеся этнические культуры). В свою очередь, их сходство и развитие обеспечивается благодаря социальным взаимодействиям (взаимодействиям с себе подобными), то есть внешним (межэтническим) взаимодействиям, в результате которых и формируется этническая социальность как основа цивилизации.

Стоит напомнить, что в науке существуют два основных представления о цивилизации — диахроническое (временное измерение) и синхроническое (пространственное измерение). С точки зрения диахронического подхода, цивилизация понимается как определенная стадия общественного развития; соответственно, исторический прогресс воспринимается как смена во времени общих типов цивилизационного существования. Синхронический подход предполагает рассмотрение цивилизаций как сосуществование различных социокультурных типов в пространственной перспективе. На наш взгляд, каждый из обозначенных подходов нельзя абсолютизировать. Поэтому, как мы уже отмечали в первом разделе работы, более продуктивным является синхронически-диахронический подход, предполагающий пространственно-временное измерение цивилизационного развития. Оно, в частности, позволяет зафиксировать существование локальной цивилизации во времени, то есть учитывать процесс ее генезиса, расцвета и возможного упадка.

В данном контексте и с учетом зафиксированной этнокультурной составляющей существование моноэтнической цивилизации (даже протоцивилизации), по сути, немислимо —

ни теоретически, ни практически. Во-первых, понимание цивилизации как стадийного состояния общественного развития, характеризующегося ее превосходством над «варварской периферией» по тем или иным параметрам социальности, предполагает сосуществование и ассимиляцию этой периферии, которая является, как правило, полиэтничной. Во-вторых, локальная цивилизация всегда сосуществует и взаимодействует с варварской периферией, ассимиляция которой неизбежно обогащает собственную этническую основу цивилизации.

Эмпирически устанавливаемый факт внутреннего этнического и этнокультурного разнообразия локальных цивилизаций является дополнительным основанием для заключения о необходимости концептуального разделения *этноса* и *цивилизации* как социокультурных общностей разного порядка. В силу этого этносоциальные и цивилизационные процессы, имея качественную специфику, подчиняются собственным закономерностям. Одновременно можно говорить о субординированности рассматриваемых процессов, поскольку этносы составляют основу цивилизации, а их взаимодействие определяет ее внутреннюю дифференциацию и социокультурную динамику.

Входящие в состав цивилизации народы можно рассматривать в качестве ее этнического субстрата, ее материала как метасистемы. Субстрат формируется в ходе становления системы и может изменяться в процессе ее развития. Этнический субстрат своими свойствами детерминирует развитие цивилизации, а последняя в ходе этносоциального отбора определяет текущие условия воспроизводства этничности (которую мы, в отличие от представителей конструктивизма, далеко не сводим к идентичности, понимая гораздо шире) и цивилизационные перспективы этногенеза. В результате динамика составляющих цивилизацию этносов ограничивается и обеспечивается системными факторами. Этносы в своем существовании становятся в большей степени зависимыми, нежели независимыми от существования в составе

цивилизации. Соответственно, их коммуникации с другими этносами данной цивилизации становятся системно более важными, чем с этносами, не входящими в состав данной цивилизации. Движение цивилизации трансформирует ее этнический субстрат, замыкая его воспроизводство границами данной системы (метасистемы).

Цивилизационная детерминация статики и динамики этнического субстрата позволяет позиционировать отдельные этносы не только в качестве субстрата по отношению к метасистеме. В пространственно-временном континууме цивилизации этносы позиционированы по отношению друг к другу. Производство и воспроизводство этносов в составе цивилизации есть циклический, периодически повторяющийся процесс, в круговороте которого отдельные этносы агрегируются и дезагрегируются, возвышаются и нисходят, перемещаются в пределах ойкумены цивилизации вследствие миграций, войн, депортаций и пр.

Целостность цивилизации можно определить как **формирующееся в процессе взаимодействия рефлексивное, системно-генетическое единство входящих в цивилизацию этносоциальных субъектов** — этнически маркированных социальных образований в качестве носителей активности (народов, этнических групп, диаспор, этнофоров и т.п.). Одной из существенно значимых характеристик этого единства является взаимозависимое существование данных субъектов как друг с другом, так и с конкретным ландшафтом, то есть на определенной территории, в рамках природно данного пространства и сформировавшегося в ходе социальных взаимодействий этнокультурного пространства.

Важной характеристикой взаимосвязи этноса и цивилизации в предложенном варианте ее понимания является положение о том, что конституирующий цивилизацию этносоциальный синтез завершается путем локализации и выделения в цивилизации такого ее этноса, который выступает всеобщим, универсальным для данной цивилизации, этносом-посредником, выражающим ее

фундаментальные ценности и являющимся квинтэссенцией и мерой цивилизационного развития¹.

В качестве иллюстрации данного положения приведем снова размышления Н.Я. Данилевского. Анализируя развитие Европы как системы романо-германской цивилизации, самым полным ее выражением он считал Францию: «Такое значение Франции весьма понятно. Французский народ представляет собою полнейшее слияние обоих этнографических элементов, образующих европейский культурно-исторический тип, — есть результат их взаимного проникновения. Следовательно, все, что волнует Францию, все, что идет из нее, имеет по необходимости отголосок, как нечто свое, родное, и в германском, и в романском мире, между тем как эти миры с трудом действуют непосредственно друг на друга, как слишком разнородные, а все ими выработанное передают через посредство Франции; и только во французской переработке становится добытое ими общеевропейским»².

Подобно этому можно говорить о ведущей роли греков в империи Александра Македонского и в Византии, русских — в России, англичан — в англосаксонском мире, ханьцев — в Китае, ариев — в Индии. Применительно к евразийской цивилизации, пожалуй, верным является утверждение В.В. Кожина о том, что эта цивилизация в собственном смысле есть там, где есть русские³. Благодаря наличию их социокультурных ориентиров и сформировавшихся практик другие евразийские народы проявляют свою метацивилизационную евразийскую идентичность, а не замыкаются в своих этнических связях и представлениях.

¹См. об этом более подробно: Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Этносоциальные процессы в цивилизационном развитии // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 3; Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири / под ред. Попкова Ю.В. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. С. 29–32.

²Данилевский Н.Я. Указ.соч. С. 241.

³Кожин В.В. О русском национальном сознании. М.: Алгоритм, 2002. С.233.

Следовательно, не только социальные связи и зависимости обеспечивают единство этносов в рамках цивилизации, но и доминирующее влияние социокультурных особенностей ведущего консолидирующего этноса. Он обеспечивает это единство с помощью языка, норм общения, культурных достижений и т.д.

Представление об этнической (и этнокультурной) неоднородности цивилизации является конкретизацией цивилизационного подхода. Оно позволяет перейти от внешнего сопоставления отдельных цивилизаций к анализу их внутренней структуры с точки зрения состава и взаимодействия конституирующих своеобразие цивилизации этносоциальных субъектов.

Актуальное состояние, динамика и результат взаимодействия этносоциальных субъектов составляют содержания этносоциальных процессов, выступающих основой этносоциального развития как данных субъектов, так и цивилизации в целом. Именно **этносоциальные процессы, пронизывающие все сферы общества, определяют социокультурную динамику цивилизации.**

Таким образом, можно заключить, что если этносы составляют субстрат цивилизации, то этносоциальные процессы выступают важнейшим фактором цивилизационного развития. При этом надо иметь в виду, что этносоциальные процессы не только детерминируют социодинамику локальной цивилизации, но и могут оказывать влияние на глобальные цивилизационные сдвиги в их диахроническом измерении. Так, именно греческая динамичная и агональная (т.е. нацеленная на борьбу и соревнование) этнокультура определила многие черты западной цивилизации в целом (рационализм, ориентация на политическое господство, колониализм и др.), а русская этнокультура — формирование евразийской цивилизации и ее стратегические духовно-экологические ценности (соборность, софийность, братское отношение во взаимоотношениях с другими народами и др.). Итогом является отчетливый этнокультурный вектор и этносоциальный фактор в

цивилизационном развитии, рассматриваемом как в синхроническом, так и диахроническом его измерениях.

§2. Роль миграций в социокультурной динамике¹

Характерной особенностью современного мирового развития является не только определяемое глобализацией нарастание унифицирующей тенденции, но и действие тенденции прямо противоположной — усиление полиэтничности и этнокультурной сложности на разных уровнях организации общества. Прежде всего, это обусловлено воздействием миграционных процессов, приобретающих все более масштабный характер. Почти трехкратное за последние 50 лет увеличение в мире миграционных потоков позволяет исследователям говорить о более высоких темпах роста числа международных мигрантов, чем численности населения². Не случайно среди названий, которыми нарекают XX век, существует его определение как эпохи миграций³. Но эпохой миграций может стать и XXI век, если учесть интенсивность современных и предполагаемых будущих миграционных процессов. Так, А.Н. Чумаков говорит о грядущей масштабной миграционной волне, сравнивая ее с планетарным демографическим цунами, и прогнозирует новое Великое переселение народов⁴. Соответственно возрастает роль миграционных процессов в

¹Основу данного и следующего параграфов составляют материалы статьи: Попков Ю.В. Миграционные процессы как социокультурная детерминанта трансформации межэтнических сообществ (на примере Сибири) // Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16. № 2. С. 129–141.

²Рязанцев С.А. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. М.: Формула права, 2007. С. 8.

³Castles S., Miller M. J. The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World (4th edition). Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2009.

⁴Чумаков А.Н. Грядущая демографическая лавина: на пороге великого переселения народов // Век глобализации. 2017. № 2. С. 4.

экономическом, демографическом, политическом и социокультурном развитии общества.

Переживаемая ныне пандемия коронавируса COVID-19, обернувшаяся главным текущим глобальным вызовом и реальной угрозой для всего человечества, нанесла удар и по миграционным процессам. Они стали менее интенсивными, однако не перестали играть важную роль в развитии общества. Поэтому предлагаемый анализ не перестал быть актуальным.

Миграция принадлежит к числу тех явлений, которые привлекают пристальное внимание ученых разных социогуманитарных дисциплин — историков, экономистов, демографов, социологов, политологов, этнографов и др. Этой теме посвящен огромный массив публикаций по широкому кругу конкретных вопросов, включая направления, виды, причины, функции и последствия миграции. Феномен миграции — комплексное и многостороннее явление, поэтому к его оценке нельзя подходить упрощенно. Достаточно точную диагностику современной ситуации в данной области дает И.В. Ивахнюк: «Объяснять миграцию лишь динамикой демографических и экономических факторов было бы явным упрощением. Опыт показывает, что в странах с примерно одинаковыми темпами демографического роста и уровнем экономического развития происходят подчас совершенно различные миграционные процессы. Масштабы и направления миграции определяются взаимодействием множества переменных, таких как местоположение страны, ее место в системе мирового хозяйства, распределение доходов, безработица, развитие системы образования, характер политического режима, уровень безопасности жизни, экологическое (не)благополучие, наличие исторических, политических и культурных связей с другими государствами, иммиграционная политика и т. д. Взятые вместе, эти факторы формируют склонность и возможности людей к миграции»¹.

¹Ивахнюк И.В. Развитие миграционной теории в условиях глобализации // Век глобализации. 2015. № 1. С. 49.

В то же время применительно к настоящему моменту можно констатировать наличие в данной области двух доминирующих исследовательских направлений — экономического и политического (геополитического). В первом случае миграционные процессы оцениваются в качестве одного из важных условий экономического роста стран (территорий) приема, и в данном отношении можно говорить о миграции как экономической детерминанте развития. Во втором случае речь идет об исследовании политических и геополитических последствий миграции. Это направление является сейчас, пожалуй, самым актуальным. Наиболее очевидно и остро оно проявляется в Западной Европе в связи с массовым наплывом сюда беженцев, легальных и нелегальных мигрантов из стран Ближнего Востока, Северной Африки и Юго-Восточной Азии. «Миграционный кризис — у Европейского Союза нет решения», «Миграционный кризис в Европе обернется катастрофой» — таковы распространенные оценки сложившейся ситуации. Иммигранты воспринимаются как угроза национальной безопасности многих стран региона. В данном отношении можно говорить о миграционных процессах как политической (геополитической) детерминанте развития.

Менее популярным для исследователей является вопрос о влиянии миграции на социокультурную динамику, причем здесь наиболее обсуждаемой является проблема адаптации и интеграции мигрантов в принимающее сообщество. Практически еще не получившим достойной научной оценки является вопрос существенного воздействия миграции на этносоциальные процессы и трансформацию локальных и региональных социумов, которые одновременно можно рассматривать в качестве межэтнических сообществ. Как было отмечено ранее, мы используем понятие межэтнического, а не полиэтнического сообщества, поскольку первое из них, с нашей точки зрения, характеризует не только дифференциацию этого сообщества по этническому признаку, но и определенный уровень его интеграции как результат межэтнических взаимодействий.

Зафиксируем несколько значимых положений концептуального плана.

Во-первых, объектом миграционной, а также национальной (этнонациональной) политики следует считать не только мигрантов, межэтнические отношения и конфликты, как это обычно делается, но и лежащие в их основе этносоциальные процессы. В свою очередь, в качестве элементарного эмпирического объекта в исследовании и регулировании этих процессов целесообразно рассматривать не отдельные обособленные явления или социальные группы, а межэтническое сообщество как некоторое целостное образование, имеющее свои закономерности формирования и развития, во многом определяемые миграционными процессами¹.

Во-вторых, известно, что активная миграционная подвижность населения, благодаря которой обеспечивается взаимодействие разных народов, свойственна не только современной, но также прежним эпохам. Она затрагивала различные регионы мира — Европу, Средиземноморье, Ближний Восток, Африку, Среднюю Азию, Кавказ и др. Миграция является не просто значимым фактором, но социокультурной детерминантой развития многих обществ и конкретных социумов. Под ее влиянием возникали и рушились отдельные населенные пункты, государства, империи, цивилизации, возникали новые народы и уходили в историческое прошлое ранее существовавшие. В результате внутренних и внешних миграционных процессов формируется интернационализация (понимаемая как рефлексивное межэтническое взаимодействие), которая выступает закономерностью всемирно-исторического процесса на всех его этапах и законом развития всех исторических форм национальных (этнических) общностей. Современные достижения в исследовании миграции дают основания говорить о существовании «сложных и меняющихся во

¹Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Феномен города как межэтнического сообщества // ЭКО. 2017. № 10. С. 7–19.

времени связей между миграцией населения и развитием общества, что позволило отказаться от таких банальных, но укрепившихся в сознании идей, как “миграция порождается бедностью”»¹.

В-третьих, именно под влиянием миграции, действия основных ее функций, касающихся перераспределения, селекции и повышения подвижности людей², происходит изменение структуры населения разных регионов, усиливаются взаимодействия представителей разных этнических групп, осуществляется этнокультурный обмен (знаниями, опытом, навыками, традициями и т. п.). На этой основе формируется и в процессе дальнейшего развития трансформируется сообщество людей, проживающих на одной территории. Миграция и этносоциальное развитие — взаимосвязанные категории. Мало того, **миграционные процессы выступают в качестве социокультурной детерминанты формирования и трансформации конкретного социума, а также цивилизаций, мегацивилизаций и всего человечества в целом.**

§3. Миграционные процессы как социокультурная детерминанта этносоциальной динамики сибирского социума

Как было показано ранее, этносоциальная динамика характеризует изменчивое состояние цивилизации. С нашей точки зрения, аналогичную динамику имеет не только цивилизация в целом, но и ее отдельные существенно значимые локусы, которые можно определить как локальные социумы. Одним из таких локусов применительно к России является Сибирь.

¹Ивахнюк И.В. Развитие миграционной теории в условиях глобализации. С. 49.

²Рыбаковский Л.Л. Функции и последствия миграционных процессов // Социологические исследования. 2017. № 10. С. 58.

Тема сибирского социума не принадлежит к числу активно обсуждаемых. Существующие публикации, напрямую касающиеся именно сибирского социума, концентрируют внимание в основном на различных проблемах в рамках исторических исследований¹.

В то же время в 2017-м году в Тюменском государственном университете начал издаваться специальный научный журнал «Siberian Socium / Сибирский социум»², вся проблематика которого посвящена рассматриваемой теме.

Далее остановимся на конкретном анализе роли миграционных процессов в этносоциальной динамике Сибири.

Применительно к далекой истории Сибири по рассматриваемой теме наиболее авторитетными являются выводы академика А.П. Окладникова, основанные на обобщении большого массива археологических и исторических данных. Так, он говорит о формировании под влиянием миграций разнообразных связей древних культур многочисленных местных племен с такими большими

¹См.: Кротт И.И. Сибирский социум в конце XIX — начале XX в.: социальные основания и мотивация развития этнического предпринимательства // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 1 (9). С. 110–117; Андреева Е.А. К вопросу о феномене землячества в сибирском городском социуме конца XIX — начала XX в.: «сибиряки» и «наезжие» — «свои» и «чужие» // Вестник Югорского государственного университета. 2011. № 1 (20). С. 11–18; Оглезнева Г.В. Сибирский социум в представлении духовенства Восточной Сибири (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2012. № 2–1. С. 189–193; Матханова Н.П. Между имперской столицей и сибирским социумом: проблема региональной самоидентификации деятелей администрации XIX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2017. Т. 21. С. 44–50; Ерохина Е.А., Люцидарская А.А., Березиков Н.А. Административное регулирование и самоорганизация как факторы стабилизации сибирского социума в XVII в.: этносоциальный аспект // Идеи и идеалы. 2017. Т. 2. № 2 (32). С. 44–59.

²См. сайт данного журнала: <https://siberian-socium.utmn.ru/>.

этнокультурными образованиями, как финно-угры, тунгусы, палеоазиаты, а также тюрки и монголы¹.

Наличие миграционной подвижности, постоянных и длительных контактов народов Сибири на всей обширной территории их традиционного расселения характерно и для всего последующего периода. Они проявляются во взаимном обмене пищей, орудиями труда, технологическими способами промысла, предметами быта. Вместе с тем имеет место заимствование теми или иными группами народов не только элементов материальной культуры, но и целых хозяйственных комплексов — отдельных видов присваивающего и полупроизводящего хозяйства (оленоводство) со всей совокупностью сопутствующих им вещественных компонентов — орудий труда, транспортных средств, одежды, жилища и т. п. Эта возможность реализуется в результате совместного проживания и непосредственных контактов представителей разных этнических групп.

Присоединение Сибири к России в XVI в. стимулировало интенсивную иммиграцию в данный регион русского населения, обусловило появление здесь многочисленных крепостей (острогов), ясачных зимовий, других населенных пунктов. В результате уже в конце XVII в. русское население Сибири по численности преобладало над коренным². После отмены крепостного права основную массу переселенцев в Сибирь составляли крестьяне. Как свидетельствуют источники, только с 1861-го по 1917 г. из Центральной России их переселилось сюда более 3 млн. человек³.

Можно выделить несколько главных факторов, определивших большие миграционные потоки в Сибирь

¹Окладников А.П. Этногенез и культуригенез // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока: тез.докл. всесоюз. конф. [Новосибирск], 18–21 дек. 1973 г. Новосибирск, 1973. С. 5–11.

²История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. / Гл. ред. А.П. Окладников. Л.: Наука, 1968. Т. 2. С. 56.

³Бойко В.И., Окладников А.П. Проблемы периодизации миграций // Методологические проблемы современной науки / сост. А.Т. Москаленко. М.: Политиздат, 1979. С. 168.

разных групп русского населения: а) геополитический (присоединение данной территории к России), что вызвало приток сюда военных и административных работников; б) экономический (поиск хозяйственных выгод и прибылей), стимулирующий переселение сюда представителей купечества и промышленников; в) политический (отмена крепостного права), имевший следствием миграцию сюда больших масс крестьянства.

Взаимодействие с русскими сыграло существенную роль в развитии коренных народов Сибири. В частности, они заимствовали у русских металлические изделия, служившие важным условием совершенствования промысловой деятельности. Этому способствовало и установление регулярных торговых отношений, приведших к значительному увеличению производства прибавочного продукта, предназначенного для обмена. Благодаря товарному обмену многие народы постепенно втягивались в систему складывающегося всероссийского рынка.

Распространение у народов Сибири под влиянием совместного проживания или соседства с русским населением животноводства и земледелия явилось благоприятным условием для уменьшения зависимости их жизнедеятельности от природных условий. Освоение производящего хозяйства компенсировало периодический недостаток продуктов питания, способствуя, в частности, снижению уровня смертности среди аборигенного населения.

В целом, можно говорить о **существенном и комплексном влиянии на жизнь коренных народов Сибири со стороны русского населения и русской культуры**, понимаемой в самом широком смысле, начиная от русского языка и заканчивая бытовой культурой. Хорошо известно, например, что многие сибирские народы благодаря приходу русских получили свою письменность, литературу и национальную интеллигенцию, причем наиболее масштабным (хотя и не всегда позитивным!) это влияние было именно в советский период.

В Сибири на протяжении веков рядом друг с другом жили народы, находящиеся на самых разных ступенях исторического развития. Еще со времен Российской империи была сформулирована концепция национальной политики в регионе, суть которой состояла в том, чтобы не сильно вмешиваться в образ жизни местного населения. При наличии элементов административного и экономического принуждения признавалась внутренняя автономия и местное самоуправление¹. Власть в большинстве случаев действовала по **принципу «интеграция без ассимиляции»**, который в настоящее время является востребованной и желаемой, но часто недостижимой формулой общежития. В результате отсутствовала почва для устойчивых массовых конфликтов на национальной почве, хотя известно, что периодически такие конфликты в истории все же случались.

Наибольшей интенсивностью миграционные процессы в Сибири отличались в советский период. Это касается прежде всего активного промышленного освоения данной территории, связанного с добычей природных ресурсов. Экономический фактор миграции является основным для этого периода, а доминирующей группой переселенцев становятся рабочие и специалисты.

Важно отметить, что сюда переезжали люди разных национальностей из многих регионов СССР. В целом, современный облик Сибири — как социально-экономический, так и этнокультурный — во многом продукт миграционных процессов. В частности, под их влиянием Сибирь стала гораздо более многонациональной (многоэтнической), чем большинство других регионов России. В результате миграционные процессы трансформировали региональные сибирские сообщества. Мало сказать, что они стали межэтническими. Практически повсеместно русские стали преобладающей этнической группой. Известно, что во всех

¹Каппелер А. Россия — многонациональная империя: возникновение, история, распад. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 17–18.

субъектах федерации Сибири, кроме Тувы, к концу советского периода доля русских доминировала в общей структуре населения. При этом этносоциальная ситуация здесь как в прошлом, так и в настоящее время отличается относительной стабильностью и отсутствием открытых межнациональных конфликтов.

Опыт взаимодействия населяющих Сибирь народов с мигрантами оттачивался веками и постепенно. В итоге выработались механизмы самоорганизации и саморегуляции формирующихся и трансформирующихся межэтнических сообществ, которые до сих пор срабатывают. Часто они компенсируют существующие недоработки государственной политики в данной области. Это подтверждает высказанный выше тезис о том, что именно **Сибирь можно считать эталонной территорией, где сложилось евразийское братство народов.**

Важной особенностью сибирского этнокультурного массива в целом и многих региональных и локальных межэтнических сообществ является то, что отмечавшееся ранее доминирование русского населения сохранилось вплоть до настоящего времени. Так, согласно официальным данным, в начале XX в. доля русских в Сибири в целом составляла 75% всего населения, а последние переписи (1989, 2002 и 2010 гг.) фиксируют ее неизменность на уровне 84%.

В то же время в отдельных регионах Сибири доля русского населения в общей численности населения за последние три десятилетия изменялась. Увеличение численности русских имеет место, например, в таких субъектах федерации, как Алтайский край (с 1979 по 2010 гг. доля русских увеличилась здесь с 89,6% до 93,9%¹), Омская область (с 80,3% до 85,8%), совсем незначительно увеличилась их доля в Республике Хакасия (с 79,4% до 81,7%), в Ямало-Ненецком автономном округе (с 59,0% до 61,7 %). Вместе с тем в этот период доля русского населения устойчиво

¹Здесь и далее цифры приводятся от количества указавших свою национальность во время переписей населения.

снижалась в большинстве национальных образований: в республиках Алтай (с 63,2% до 56,6%), Бурятия (с 72,0% до 66,1%), Тыва (с 32,0% до 16,3%), Саха (Якутия) (с 50,4% до 37,8%), в Ханты-Мансийском автономном округе (с 74,3% до 68,1%).

Тем самым в отдельных случаях можно зафиксировать процесс территориального сжатия русского населения, что обусловлено, главным образом, миграционными процессами. Причем, здесь действуют две основные тенденции. Первая характеризует уменьшение доли русских в депрессивных и экономически неблагополучных регионах, что происходит в основном за счет выезда (эмиграции) русских отсюда. Наиболее яркий пример — Республика Тыва, где в настоящее время (точнее говоря, по итогам переписи 2010 г.) доля русских составляет всего 16,3% (около 50 тыс. чел.), в то время как в 1989 г. их было 32,0% (около 100 тыс. чел.). В экономически благополучных регионах уменьшение доли русских является результатом более активной иммиграции сюда представителей других этнических групп, прежде всего, из республик Кавказа и Средней Азии. Так, в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре с 1989 по 2010 гг. доля русских сократилась с 66,3% до 63,6%, зато доля азербайджанцев увеличилась с 1% до 1,7%, представителей каждого этноса кумыков и лезгин — с 0,24% до 0,9%, армян — с 0,19% до 0,4%, узбеков — с 0,16% до 0,7%, таджиков — с 0,05% до 0,64%, киргизов — с 0,05% до 0,3%. Причем, следует учесть, что это официальные данные переписей населения, то есть зафиксированы только те, кто имеет российское гражданство, но численность проживающих здесь представителей народов Кавказа и Средней Азии в реальности больше.

Территориальное сжатие русского массива сопровождается увеличением численности многих коренных народов Сибири. Так, с 1989 по 2010 гг. численность якутов (в границах России) увеличилось с 380,2 тыс. человек до 478,1 тыс., бурят — с 417,4 до 461,4 тыс., тувинцев — с 206,2 до 263,9 тыс., ненцев — с 34,2 до 44,6 тыс.,

эвенков — с 29,9 до 38,4 тыс., хантов — с 22,3 до 30,9 тыс., манси — с 8,3 до 12,3 тыс.

Но и среди некоторых коренных народов имеет место сокращение численности. Это касается хакасов и ряда малочисленных народов Сибири — ительменов, камчадалов, кереков, нанайцев, нганасан, удэгейцев, чуванцев, энцев и др.

Для большинства представителей коренных народов Сибири характерно компактное расселение в местах их традиционного проживания, в пределах своих национально-территориальных образований. При этом доля представителей титульных народов в составе населения соответствующих республик в последнее время заметно растет (в 2010 г. доля бурят увеличилась по сравнению с 1989 г. с 24% до 30%, алтайцев — с 31% до 33%, якутов — с 33% до 49%, тувинцев — с 64% до 81%, доля хакасов, при том, что она является в целом небольшой, выросла с 11% до 12%).

Данное обстоятельство облегчает возможности этнической мобилизации этих народов и является важным политическим фактором этносоциального развития современной Сибири. В то же время можно говорить о тенденции «титулизации» населения республик, которая свойственна многим национальным республикам других регионов России, в частности, Северо-Кавказского и Южного федеральных округов.

Важно обратить внимание на еще одну важную тенденцию, а именно: **возрастание доли тюркского и сокращение славянского этнодемографического компонентов в общей численности населения Сибири.** Так, проведенный нами анализ данных последних переписей населения (начиная с 1989 г.), касающихся динамики этнической структуры республик и автономных округов Южной Сибири и Республики Саха (Якутия), показал следующие характерные изменения:

– снижение общей численности и доли представителей славянских народов,

- рост численности представителей тюркских народов,
- увеличение численности и доли всех титульных этносов в соответствующих национальных образованиях,
- заметное увеличение численности представителей тюркских народов, имеющих собственные государства за пределами России (например, численность азербайджанцев увеличилась более чем в 3,5 раза).

Если доля славян во всех данных регионах на протяжении 1970–1980 гг. стабильно удерживалась на уровне 64–65%, а тюрков — 32–33%, то в последнее время их доли были равны соответственно 60% и 40%. Таким образом, за этот период число славян уменьшилось, а тюрков увеличилось примерно на 7%. Это говорит об изменении качественных характеристик этнодемографического потенциала Сибири, что должно учитываться в текущей и перспективной управленческой практике на общесибирском и конкретном региональном уровнях.

Главная причина четко выраженной тенденции сокращения русского населения в Сибири — безответственная политика федерального центра. Если освоение данного региона в разные исторические эпохи было в значительной степени народной инициативой, которая затем активно и целенаправленно поддерживалась Москвой, то сегодня отток населения из Сибири — следствие именно близорукой федеральной политики, в том числе связанной как раз с ограничением гражданских инициатив, идущих снизу.

Существует острая общественная необходимость в **особой общегосударственной, в том числе миграционной, политике в отношении Сибири**, для которой потеря людей равноценна региональной, а с учетом роли Сибири в судьбе России — и общенациональной катастрофе. Предпринимаемые в настоящее время определенные меры государства по развитию Сибири, Дальнего Востока и Арктики являются, во-первых, фрагментарными, во-вторых, явно недостаточными.

§ 4. Проблемы этносоциального развития народов Сибири в постсоветский период¹

В предыдущем параграфе речь шла в большинстве случаев о формальном измерении этносоциальной динамики Сибири, главным образом — об изменении этнической структуры всей Сибири и отдельных ее регионов под влиянием миграционных процессов. В то же время надо иметь в виду, что, помимо миграции, на этносоциальные процессы влияют многие другие факторы: общие мировые тенденции, экономическая и национальная политика государства, особенности регионального этнокультурного массива, исторический опыт совместного проживания представителей разных народов на данной территории и т.п. Все они по-разному действуют в разные периоды.

Особое место в истории не только России, но и Сибири занимает постсоветский период, прежде всего, 1990-е годы. Самыми мощными по силе своего воздействия на существующую ситуацию в этот период оказались политические и экономические факторы. Стимулируемые после развала СССР процессами вестернизации, радикальные либеральные реформы проводились без учета цивилизационной специфики России и региональных

¹Наиболее полное представление о проблемах этносоциального развития народов Сибири содержится в опубликованных под редакцией автора 10-томном тематическом сборнике «Этносоциальные процессы в Сибири» и коллективной монографии «Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири». Обобщенный материал по данной теме содержится также в ряде статей. См.: Попков Ю.В., Тюгашев Е.А., Костюк В.Г. Современные этносоциальные процессы у народов Евразии: теория, методология, практика // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник: Выпуск 7 / отв. ред. Ю.В. Попков. Новосибирск: Сибирское Научное Издательство, 2006. С. 12–31; Попков Ю. В. Этносоциальные процессы в Сибири: актуальные вопросы теории и практики // Новые исследования Тувы. 2016. № 2. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/92>. Именно эти публикации будут использоваться в качестве основы текста данного параграфа.

этнокультурных особенностей. Это привело к катастрофическим экономическим и социальным последствиям, разгулу этноцентризма и национализма, породив не виданные ранее проблемы во всех сферах и на всех уровнях внутри- и межэтнических взаимодействий.

Обратим внимание на современные доминирующие тенденции этносоциального развития, так или иначе проявляющиеся в Сибири, в отдельных ее регионах и у конкретных народов.

Для демографических процессов во многих регионах характерными стали депопуляция населения, его естественная убыль, особенно среди русских. Существенно снизились качество и уровень жизни вследствие обнищания населения, высокого уровня заболеваемости, алкоголизации, психических расстройств и др. Ухудшились показатели общего здоровья населения. Возник кризис семьи, выросло число разводов, повысился уровень внебрачной рождаемости, увеличилось количество неполных семей и незарегистрированных браков. Трансформировались базисные семейные ценности: при сохранении высокой значимости наличия собственных детей ослабевает стремление иметь мужа (жену), состоять в зарегистрированном браке¹.

В экономической сфере на фоне постепенного формирования рыночных структур и роста предпринимательской активности населения, расширения внешнеэкономических связей со странами ближнего и дальнего зарубежья произошла деградация производственной инфраструктуры многих индустриальных, прежде всего высокотехнологичных, сельскохозяйственных и традиционных отраслей. Резко сократилось количество рабочих мест, увеличилось число безработных. Существенно снизился удельный вес работников квалифицированного

¹См. об этом подробнее: Гончарова Г.С., Савельев Л.Я. Семейно-брачные отношения у народов Сибири: проблемы, тенденции, перспективы / Отв. ред. Ю.В. Попков. Новосибирск: Изд-во «Нонпарель», 2004.

труда в материальном производстве. При этом произошел рост числа работников сферы управления и органов правопорядка. Занятость значительной части местного населения сузилась, по преимуществу, до сферы традиционной хозяйственной деятельности — сбора дикоросов и заготовки сырья, охоты, рыболовства, скотоводства, часто в рамках натурального хозяйства.

При неразвитых рыночной инфраструктуре и транспортной сети преобладающая часть сельского населения поставлена в условия самовыживания и натурального обмена. В то же время основная доля капитала сконцентрировалась в руках небольшой группы людей, произошла его криминализация. Тотальная приватизация привела к фрагментации экономических связей, росту экономической обособленности отдельных народов, этнических групп и семей.

В социальных процессах доминирующей стала тенденция усиливающейся стратификации, фрагментации и замкнутости отдельных социальных групп и индивидов. Одним из следствий затяжного экономического кризиса стало масштабное снижение не только степени занятости, но и денежных доходов, уровня и качества жизни большинства населения. В отдельных регионах Сибири у 2/3 жителей денежные доходы упали до уровня, не позволяющего оплачивать необходимые услуги и удовлетворять базовые потребности в приобретении продуктов питания, промышленных товаров. Массовым иллюзорным способом ухода от жизненных трудностей стал алкоголизм, который превратился в одну из наиболее острых социальных проблем в этот период.

В этнокультурных процессах наряду с ростом у представителей разных народов этнического самосознания, усилением внимания населения к родным языкам, культуре, истории и традиционным верованиям получили распространение проявления национализма и сепаратизма, этнофобий и этноцентризма, этнического нигилизма и нетерпимости.

Говоря о политических процессах, следует отметить, что характерные для первых лет реформ политическая активность, оживление национально-демократических движений, рост доверия к новой власти и определенный социальный оптимизм в отношении будущего своих народов сменились в конце XX — начале XXI вв. глубоким разочарованием большинства населения в политике властей: усилилась политическая пассивность или агрессивность, во властных структурах произошло возрождение трайбализма и элементов авторитаризма. В отдельных регионах широкое распространение получило болезненное для постсоветского периода общественно-политическое явление — клановость во власти как отражение тенденции архаизации общественной жизни¹.

Конечно, не везде и не во всех сферах ситуация по преимуществу негативная. В ряде регионов во второй половине 1990-х гг. оживились традиционные отрасли хозяйства коренных народов (это наиболее ярко проявилось на Ямале, где, в частности, возросла, в отличие других регионов, численность домашних оленей), увеличились отчисления в местные бюджеты и расходы на социальную сферу, сохранение и развитие языков, традиционной культуры, искусства коренных народов. В сфере образования серьезное внимание стали уделять изучению этнической культуры и этнопедагогике. В большей степени это характерно для благополучных в экономическом отношении регионов. К ним принадлежат, как правило, те, основой специализации которых является добывающая промышленность, связанная с освоением месторождений нефти, газа и редких металлов. Прежде всего, это Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий автономные округа, Республика Саха (Якутия).

В то же время существуют примеры совсем иного плана. Для иллюстрации положения в экономической сфере приведем динамику производства основных видов

¹Ламажаа Ч.К. Клановость в политике регионов России. Тувинские правители. СПб.: Алетейя, 2010.

промышленной продукции в Республике Тыва за 1990-е годы (табл. 1). Эту динамику можно оценить как катастрофическую: почти по всем видам продукции показатели 2000 г. не превышают 5% от уровня 1990 г., а по некоторым принципиально важным для населения они не составляют и 1%.

Таблица 1

Производство важнейших видов промышленной продукции в Республике Тыва¹

Виды продукции	1990 г.	2000 г.	2000 г. в % к 1990 г.
Каменный уголь, тыс. т	1068	523	49
Асбест сортовой, тыс. т	135	2,2	1,6
Кирпич, млн шт.	45,3	1,2	2,6
Пиломатериалы, тыс. м ³	156,4	8,9	5,7
Трикотажные изделия	45,5	0,1	0,2
Обувь кожанная, тыс. пар	68	0,1	0,15
Мясо и субпродукты, тыс. т	10,1	0,5	5,0
Цельномолочная продукция, тыс. т	28,1	2,0	0,7
Колбасные изделия, т	2146	31	1,4

О негативных тенденциях свидетельствуют не только цифры статистики, но и результаты наших социологических исследований. Так, в 1999–2001 гг. в республиках Тыва, Хакасия, Бурятия, Алтай и в Эвенкийском автономном округе сотрудниками сектора этносоциальных исследований Института философии и права СО РАН под руководством автора вместе с коллегами из этих регионов был проведен опрос, задача которого состояла в выявлении мнения экспертов о состоянии и тенденциях этносоциального развития народов в 1990-е годы. Использовались четыре

¹Тыва за 80 лет: Юбилейный статистический сборник. Кызыл, 2001. С. 49.

группы показателей — социально-экономические (квалификация работающих, жилищные условия, состояние сельскохозяйственного/традиционного производства, занятость населения, денежные доходы), социально-демографические (уверенность в будущем, правонарушения, преступления, здоровье населения, пьянство, наркотизация), социально-политические (состояние межнациональных отношений, участие в управлении государством и в местном самоуправлении, отношение к федеральным и местным властям), социально-культурные (этническое самосознание, тяга к традиционным верованиям, развитие духовной культуры, знание национального языка, преподавание национального языка в школе, уровень общего и профессионального образования)¹.

Почти по всем параметрам первых трех групп показателей эксперты дали крайне негативную оценку, и лишь большинство показателей развития духовной культуры оценивались положительно. В целом, мнение экспертов достаточно адекватно отражало противоречивость происходящего, в частности, разнонаправленность динамики материальных (социально-экономических, социально-демографических, социально-политических) и духовных составляющих этносоциальных процессов — соответственно, деградацию первых и оживление вторых. Данное обстоятельство создает дополнительную негативную нагрузку на состояние внутреннего потенциала обследованных титульных народов. Не случайно исследование зафиксировало высокую степень озабоченности населения относительно перспектив своего развития: многие считали, что будущее их народов находится под угрозой (исключение составили буряты).

Под влиянием проводимой в 1990-е годы государственной экономической и национальной политики в регионах Сибири

¹Всего опрошено 780 чел., в основном, представителей политической и гуманитарной элиты, руководителей различных организаций. 80% всех экспертов — из титульных народов обследованных регионов.

проявились многие негативные тенденции этносоциального развития. Наиболее проблемными из них являются:

- ренатурализация хозяйства как тенденция формирования экономики примитивного выживания в качестве основы существования больших масс населения;

- деградация села, массовое и неконтролируемое перемещение наиболее энергичной и способной части сельского населения в крупные населенные пункты, усиление моноэтничности села;

- концентрация отдельных групп городского населения по этническому признаку;

- углубление внутренней дифференциации отдельных народов на основе родо-племенных структур;

- обострение внутренних противоречий, усиление борьбы за власть, активизация клановости;

- рост социальной дифференциации и разделения труда по этническому признаку;

- усиление социальных дистанций между представителями титульных и иных этнических групп по признакам представительства в органах власти, доступа к образованию и другим социальным благам.

Важно обратить внимание на то, что сразу после суверенизации отдельных регионов Сибири в форме республик не только в повседневной управленческой практике, но и в законодательстве многих из них отразилась четкая ориентация не на равноправие народов, а на безусловный приоритет интересов титульных этносов.

Противоречивость тенденции «титуализации» проиллюстрируем на примере Тувы, где она является наиболее выраженной. Об этом красноречиво говорят отмеченные цифры, отражающие абсолютное доминирование тувинцев в общей численности населения. Можно привести и другие данные. Как отмечает В.С. Кан, если перепись 2002-го года зафиксировала в республике представителей 112 национальностей, то в 2010 г. — только 87. Тувинцы составляют 99 % жителей в 11 из 17 районов республики, где почти все они не знают русского языка и говорят только на

тувинском. Это создает основу для этнической замкнутости, а незнание русского языка существенно ограничивает для многих тувинцев возможности социальной мобильности и карьерного роста. Автор делает вывод: активный отток русских из Тувы, продолжающийся до сих пор, «не только отражает остроту социально-экономических проблем, но и усугубляет их»¹.

Данной тенденции способствовали политико-правовые решения начала 1990-х годов, когда в законодательстве Республики Тыва четко фиксировался приоритет прав тувинцев как титульного этноса. Это обстоятельство, наряду со сложной социально-экономической ситуацией, послужило фактором латентной напряженности в отношениях между представителями двух основных этнических групп — тувинцами и русскими. В настоящее время законодательство и практические решения в области региональной национальной политики ориентируются на правовую защиту и всестороннее содействие в республике развитию этнокультурного многообразия, прежде всего, поддержку русскоязычного населения и русского языка².

Изменение этнической структуры Сибири определяется не только внутрирегиональными, но и внешними миграционными перемещениями, основной поток которых после распада СССР идет из регионов Кавказа и Средней Азии. Активные миграционные процессы в постсоветский период оказали существенное влияние на этносоциальную ситуацию в регионах Сибири. Произошел рост уровня полиэтничности не только в масштабах всего макрорегиона, но и на локальном уровне. В последнем случае это касается тех территорий и конкретных населенных пунктов, которые являются привлекательными для мигрантов. Изменилась

¹Кан В.С. Основные тенденции этносоциального развития Тувы // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник / Отв. ред. Ю.В. Попков. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. Вып. 10. С. 131–132.

²Тарбастаева И.С. Правовое поле этнонациональной политики в Республике Тыва (1991 — наст.вр.) // Новые исследования Тувы. 2016. № 2. С. 116–140.

привычная этническая структура, усилилась тенденция к расселению и концентрации людей в сфере занятости по этническому признаку. Усложнились межэтнические контакты, усилилась напряженность в межэтнических сообществах. Как показывают результаты наших исследований в разных регионах Сибири, именно с мигрантами местные жители связывают в последнее десятилетие имеющие место факты межэтнической напряженности.

Так, сравнительный анализ результатов проведенных в 2013–2014 гг. под общим руководством автора массовых и экспертных опросов (организатор массового опроса — Е.А. Ерохина) по вопросам этносоциального развития и национальной политики в отдельных регионах Сибири¹ выявил ряд важных особенностей и тенденций (здесь и далее наши выводы касаются именно этого временного периода):

1) разную степень остроты межнациональных отношений в регионах;

2) неблагоприятную динамику этих отношений в оценках массового и экспертного сознания,

3) миграционные процессы как один из главных факторов напряженности;

4) более низкий уровень благополучия в социальном самочувствии местного населения, прежде всего, русских, по сравнению с приезжими;

5) преимущественно недоброжелательное отношение принимающего сообщества к мигрантам;

6) признание большинством опрошенных необходимости мер по ограничению притока мигрантов в их регионах.

Исследование подтвердило также зависимость миграционного притока и межэтнической напряженности от уровня экономического развития конкретного региона и его

¹Исследование проходило в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре, Новосибирской области и Республике Алтай. В ходе массового опроса респондентами выступили более 2 тыс. чел. О подробной характеристике данного исследования см.: Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири. С. 3–7.

социальной привлекательности. В условиях свободной (стихийной) территориальной мобильности чем выше общий уровень благосостояния в регионе и его социальная привлекательность, тем сильнее миграционный приток и выше уровень межэтнической напряженности, обусловленной перераспределением социальных ресурсов и вытекающими отсюда ухудшением этносоциального самочувствия местного населения и восприятием мигрантов в качестве угрозы своему социальному благополучию.

В нашем случае самым беспокойным в сфере межэтнических отношений оказался наиболее развитый в социально-экономическом отношении регион — Ханты-Мансийский автономный округ — Югра. Именно здесь в большей мере проявляются все обозначенные выше проблемные зоны. Например, свыше 60% опрошенных негативно оценивают динамику межнациональных отношений в округе в последнее время, и 43% прогнозируют рост напряженности в будущем. Относительно высоко оценивается и уровень конфликтности этих отношений, особенно в самом крупном населенном пункте округа — городе Сургуте. А среди причин межэтнической напряженности основной признается приток мигрантов.

Новосибирская область отличается чуть меньшей степенью социального напряжения. В отличие от них, в Республике Алтай иная ситуация. 60% опрошенных считают, что межэтнические отношения в регионе стабильные и за последние 2–3 года не изменились. Многие говорят о низком уровне конфликтности этих отношений, а приток внешних мигрантов не рассматривается в качестве значимой причины межэтнической напряженности. Здесь гораздо более весомой проблемой считается внутренняя миграция из села в город, точнее говоря, в Горно-Алтайск как единственный город в республике, а также борьба различных клановых групп местного населения за престижные места в органах власти. Русские респонденты выражают озабоченность непропорционально высоким представительством алтайцев в республиканских структурах управления (согласно данным последней переписи, русских в республике 57% от общей

численности населения, алтайцев — 34%, но в органах власти последние, по экспертным оценкам, составляют примерно 60%). Важным фактором межэтнической напряженности являются выборы в различные органы власти, во время подготовки к которым многие претенденты в ходе своей предвыборной кампании пытаются разыгрывать «этническую карту».

Обострение межнациональных отношений не всегда связано с интенсивным притоком мигрантов в данный регион по причине его социально-экономического благополучия. Пример Тувы показывает обратную зависимость — рост напряженности в депрессивном регионе, не являющемся привлекательным для мигрантов. Однако и в данном случае напряженность напрямую касается миграционных процессов, но уже противоположной направленности — активного оттока русских из республики. Стимулируемые этим оттоком «титулизация» тувинцев и понижение статуса русских негативно влияют на их социальное самочувствие, вызывая разного рода недовольства и неудовлетворенность.

Таким образом, можно сделать вывод, что **интенсивные миграционные процессы, будь то приток или отток населения, негативно влияют на состояние отношений в межэтническом сообществе**, поскольку механизмы адаптации людей к новой, особенно быстро меняющейся этносоциальной ситуации, не могут перестраиваться мгновенно.

Далее обратим внимание на некоторые результаты специального экспертного опроса, ежегодно проводимого автором с 2011 г. среди государственных и муниципальных служащих из разных субъектов федерации Сибирского федерального округа, представляющих структуры управления, отвечающие за национальную политику, межнациональные отношения, связи с общественными организациями¹.

¹Опрос проводился автором во время чтения лекций на курсах повышения квалификации по вопросам национальной политики, которые организованы Сибирским институтом управления Российской академией народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск). Всего опрошено более 120 чел.

В целом, можно говорить о постепенном уменьшении за этот период количества критических оценок разных аспектов этносоциальной ситуации и актуальных проблем национальной политики в Сибирском федеральном округе. Если в 2011–2013 гг. многие респонденты склонялись к негативному восприятию динамики соответствующих процессов, то уже опрос 2015 г. давал основание для вывода о некоторой стабилизации этносоциальной ситуации в отдельных регионах Сибири, как она представляется данной группе экспертов. Например, в оценке динамики межэтнических отношений за последние 2–3 года 46% опрошенных отмечают их стабильность, неизменность, 25% — их улучшение и только 14% — ухудшение. Среди опрошенных в 2016 г. только 4% фиксируют ухудшение ситуации. В то же время многие проблемы продолжают оставаться актуальными. Отметим наиболее значимые из них.

По оценке экспертов, главные изменения в этносоциальной ситуации в их регионах касаются увеличения доли мигрантов и концентрации людей по этническому принципу на работе, в отдельных отраслях. В 2016 г. более половины из них отметили улучшение межэтнических отношений. Среди основных причин, которые вызывают напряженность в отношениях между людьми разных национальностей, называются значительное увеличение доли мигрантов, уменьшение социальной защищенности населения и несовершенство национальной политики. Единицы экспертов фиксируют, в целом, положительное отношение населения к мигрантам в своем регионе. Наиболее важные причины негативного отношения местных жителей к мигрантам связываются с изменением привычной этнической структуры под влиянием миграционных процессов и с нежеланием (или неумением) этнических мигрантов адаптироваться к местным условиям. В вопросе о том, в каких сферах и по какому поводу могут возникать проблемы и конфликты на национальной почве, эксперты выделяют главным образом повседневную бытовую жизнь, молодежную среду, места компактного проживания мигрантов и разборки

этнических криминальных групп, борьбу за власть во время подготовки к выборам.

Экспертные оценки этносоциальной ситуации в регионах Сибири в конце 2010-х годов в целом можно рассматривать как относительно благополучные. Но надо иметь в виду, что это благополучие в значительной степени связано не столько с позитивным изменением положения дел в рассматриваемой сфере, сколько с переключением внимания и самого населения, и экспертов с межнациональных отношений на решение актуализировавшихся текущих социальных проблем. Гораздо более важными стали для большинства населения вопросы, обострившиеся после принятия пенсионной реформы, усиления налогового бремени и реального снижения уровня жизни.

Может сложиться впечатление, что приведенные в данном разделе негативные цифры статистики и зафиксированные тенденции современного этносоциального развития Сибири приходят в противоречие с проектом новой духовно-экологической цивилизации и ролью сибирского региона в ее становлении, о чем шла речь в первом разделе монографии. Но это не так. Акцентируя внимание на острых проблемах, мы исходили из следующих главных постулатов.

Во-первых, любой проект жизнеспособен, если идеальные цели беспристрастно сопоставляются с эмпирической реальностью. В противном случае проект превращается в утопию. С данных позиций негативные процессы и факторы развития имеют обратную и глубоко позитивную сторону: наличие проблем и неразрешенных противоречий требует мобилизации социального субъекта, заставляет его искать решение этих проблем, стимулирует инициативу и социальное творчество. Если бы проблемы Сибири, как и России в целом, не были остры и даже угрожающи, то не было бы и потребности в переходе к цивилизации нового типа.

Во-вторых, отмеченные выше трудности и негативные тенденции в развитии сибирского региона говорят не столько об их объективном характере и фатальности, сколько о субъективных ошибках федеральной и региональной ветвей

власти, которые оказались неспособны адекватно ответить на вызовы времени, осознать и практически использовать уникальный сибирский миротворческий, цивилизационный и этносоциальный потенциал. Его познание и актуализация — вот задача сегодняшнего дня.

В-третьих, когда ясно сформулированы консолидирующие общество цели, проанализированы возможные акторы и средства их достижения, тогда прогрессивные изменения, как показывает исторический опыт, могут быть исключительно быстрыми и динамичными.

Подводя итоги настоящей главы, акцентируем некоторые концептуально значимые положения, связанные с Сибирью и необходимостью перехода к новой цивилизации.

По нашему убеждению, без учета современных тенденций этносоциального развития и миграционных процессов в Сибири невозможно анализировать ее будущее и будущее России. Их точная диагностика — залог грамотной и успешной политики по реализации стратегических целей благополучного развития страны и региона. Важным представляется поиск таких консолидирующих идей и ценностей, которые позволяли бы не только местному населению, но и мигрантам активно участвовать в социальном творчестве, основанном на экологических и духовных императивах.

В настоящее время очевидно, что пропагандируемые и активно внедряемые европейские ценности (толерантность, культ разного рода меньшинств, философия личного успеха и т.п.) не способны успешно справиться с задачей адаптации и интеграции представителей других цивилизаций в жизнь Европы. Западный мир, во-первых, оказался не в состоянии предложить привлекательный для многих образ будущего и, во-вторых, не смог представить консолидирующих духовных ценностей. В результате реальностью оказались даже не «мирное сосуществование» представителей разных народов и культур по известному принципу «салата», а их скрытая и явная вражда. Немаловажное значение имеет также своеобразие существующей здесь «почвы» — ограниченность

естественных (ресурсных и пространственно-ландшафтных) предпосылок развития европейского социума в ситуации, когда в результате активных миграционных процессов людей здесь становится все больше, а жизненное пространство становится все более тесным. Отсюда срabатывает «принцип автобуса» — чем теснее живут, тем больше друг друга не любят.

В этом плане Сибирь обладает практически неограниченными ресурсами для сглаживания подобных конфликтов в виде широты географического пространства и разнообразия локальных ландшафтов. Здесь не только каждый коренной народ, но и иммигрантские сообщества могут найти подходящие для них геокультурные ниши. Так, в Алтайском крае многие мигранты из Украины выбрали для проживания и освоения степные зоны, а, например, мордва — лесные территории.

В Сибири, как части России и ее общего культурного ландшафта, существуют не только природные, но также духовные основания консолидации, проверенные историческим опытом совместного проживания людей в экстремальных условиях. Достаточно упомянуть сформировавшиеся в русской культуре принципы всемирной отзывчивости и соборного единения людей, где *«все вместе, но каждый не теряет неповторимых черт лица»*. Соответствующий опыт в концентрированном виде отражен даже в русском языке, где слово «другой» происходит от слова «друг», а, значит, «другой» — потенциальный член твоей общины.

Наконец, идея новой цивилизации — это проект, в котором могут и должны участвовать представители разных этносов и социальных групп. В Сибири всем найдется место для федоровского «общего дела». Главное — чтобы это дело было определено и чтобы оно, действительно, было общим.

ГЛАВА 6. Духовно-экологический ценностный потенциал населения Сибири

Ставя в данной главе своей целью анализ ценностного потенциала населения Сибири, мы предполагаем решить две основные задачи: во-первых, дать характеристику состояния массового сознания в постсоветский период с точки зрения базовых ценностей, во-вторых, выявить наличие духовно-экологического ценностного потенциала у молодых людей, то есть у той группы населения, которой предстоит выступить главным субъектом будущих цивилизационных преобразований. Важная особенность предлагаемого анализа состоит в том, что при решении обозначенных задач мы не ограничимся общими рассуждениями, а будем опираться на результаты массовых социологических опросов, проводившихся под руководством автора в течение длительного времени в разных регионах Сибири, а также в Восточном Казахстане и в Западной Монголии. И хотя некоторые наши социологические исследования проведены более десяти лет назад, тем не менее, они сохраняют свое значение, так как подтверждаются и экспертными опросами, и работами других социологов.

§1. Устойчивость евразийских ценностей в условиях испытания либерально-рыночными реформами

Произошедшая после распада СССР кардинальная трансформация общественной жизни в России осуществлялась по стандартам западной цивилизации, которая, как было показано ранее, является по своей природе техногенно-потребительской. Эту трансформацию можно оценить как попытку вестернизации страны, относящейся к евразийской мегацивилизации, где исходно доминирует иная система ценностей и иной, чем у народов западной мегацивилизации, менталитет.

Радикальные либерально-рыночные преобразования оказали существенное влияние не только на материальное и социальное положение населения, но и на состояние общественного сознания, систему его ценностных ориентаций. Под их мощным прессом сложилась ситуация, когда у человека часто отсутствовал свободный выбор ценностных предпочтений и моделей поведения и он был вынужден подчиняться жестким законам «дикого рынка». В то же время инициированный властями безжалостный удар по прежним устоям и нормам жизни людей не смог окончательно их разрушить. В результате сформировался феномен полиментальности, включающий в себя в качестве составных компонентов просоциалистическую, индивидуалистическую, религиозную, криминальную ментальность, а также так называемую псевдоментальность. Последнюю, получившую наибольшее распространение среди молодежи, характеризует мозаичный, эклектичный ценностный хаос как результат воздействия неоднозначных по своим последствиям экономических, политических реформ, а также фронтального влияния массовой культуры. Но даже и в этих противоречивых условиях **срабатывали механизмы воспроизводства евразийского социокультурного потенциала, сохранения базовых коллективистских ценностей у основной массы населения.**

Наши исследования этносоциальных процессов в Сибири, о которых говорилось в предыдущей главе, включали, в том числе, изучение состояния ценностного сознания людей. И они подтвердили обозначенный выше вывод, а также выявили крайне негативную оценку социальных последствий либерально-рыночных трансформаций со стороны как всего населения, так и экспертного сообщества. Результаты этих исследований опубликованы в многочисленных работах¹.

¹См.: Попков Ю.В., Костюк В.Г., Тугужекова В.Н. Этносы Сибири в условиях современных реформ: социологическая экспертиза. Новосибирск: Нонпарель, 2003; Попков Ю.В. Противоречия этносоциального развития народов Сибири в условиях глобализации и рыночных трансформаций // Россия и современный мир: проблемы

Далее остановимся на их обобщающих результатах применительно к обсуждаемой теме ценностного потенциала населения. С учетом особой роли Большого Алтая в евразийском социокультурном пространстве акцент будет сделан именно на данном регионе и близлежащих территориях.

Предварительно обратим внимание на то, почему ценности берутся в качестве важного предмета наших исследований.

Мы исходим из обоснованного в предыдущей главе представления о том, что конкретный состав этносоциальных субъектов, характер их взаимодействия со средой и между собой определяют «лицо» цивилизации, ее особый социокультурный тип со специфической системой ценностей, культурных смыслов и значений. Такое представление соответствует существующей исследовательской традиции выделять цивилизации по некоторым устойчивым, константным характеристикам, неизменным на всем протяжении локального цивилизационного процесса. На это в свое время обращал внимание П.А. Сорокин: «Каждая из больших культурных систем и суперсистем зиждется на какой-то основной предпосылке, получившей выражение в

политического развития. М. (Б.и.), 2006. Ч. 1. С. 180–189; Попков Ю.В. Этносоциальные последствия современных рыночных реформ в республиках Южной Сибири // Социальные взаимодействия в транзитивном обществе. Вып. 9. Новосибирск: НГАЭиУ, 2007. С. 28–38; Попков Ю.В. Этносы Сибири и рыночные реформы // Этносы развивающейся России: проблемы и перспективы. Абакан: Изд-во ХГУ, 2007. С. 163–170; Попков Ю.В. Базисные ценности народов евразийской цивилизации в условиях глобализации // Новые исследования Тувы. 2009. № 1–2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/653/1028>; Попков Ю.В. Ценностное сознание народов Сибири и сопредельных территорий: испытание глобализацией и рыночными реформами // Актуальная статистика Сибири. 2009. № 3. С. 75–96; Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация / под. ред. Попкова Ю.В. Новосибирск: Nonparel, 2010; Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири / под. ред. Попкова Ю.В. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015.

философском принципе, прасимволе или конечной ценности, который цивилизация порождает, развивает и реализует на протяжении своего жизненного пути во всех своих основных компонентах или подсистемах»¹.

Для изучения базисных ценностей у народов Сибири сотрудниками сектора этносоциальных исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук под руководством автора и совместно с коллегами из других сибирских регионов были проведены исследования по разработанной оригинальной методике выявления западно-восточных цивилизационных дихотомий ценностных предпочтений, которые определены исходя из широко распространенных представлений о ценностях, доминирующих на Западе и на Востоке.

К числу восточных ценностей относятся традиционализм, приоритет духовного над материальным, приверженность к сельскому образу жизни, коллективизм, значимость коллективной собственности, государственного патернализма и общественного порядка, приоритет морали над правом, привычка к скромности, уважение к родовым этническим корням и к природе. К западным ценностям принадлежат ценности либерализма, рыночной экономики, где гарантом выживания являются индивидуализм, частная собственность, прагматическая рациональность, личная деловитость, доминирование материальных ценностей, права, а прогресс ассоциируется с модернизацией и покорением природы.

Во время социологических исследований респондентам предлагалось выбрать один из двух противоположно сформулированных ответов на вопросы, касающихся базисных ценностей. Тем самым достигался эффект выявления содержания глубинных структур ценностного сознания, лежащего в основе цивилизационного менталитета и социокультурных особенностей Востока и Запада.

¹Сорокин П.А. Общие принципы цивилизационной теории и ее критика // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия. Сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасов. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 48.

В будущем, конечно, хотелось бы вычлениить и социологически операционализировать именно евразийскую систему цивилизационных ценностей, которая, включая в себя ценности и Запада, и Востока, должна иметь и некоторое ценностное своеобразие. Так, можно говорить, что у евразийских этносов особую роль играет ценность дружбы и братских отношений между людьми и народами, а не просто ценность коллективной (гражданской, этнической или религиозной) (Восток) или индивидуальной идентичности (Запад). Нравственные основания власти у евразийских народов имеют приоритет по отношению и к западным формально-демократическим институтам, и к восточному культу сильного централизованного государства. Если главной целью жизни восточного человека является его вклад в процветание и могущество государства, а на Западе — достижение личного успеха и благополучия, то у евразийских народов целью индивидуальной жизни, быть может, в наиболее зримой форме выраженной у русских, — является личное совершенствование, неотрывное от труда на общее благо. Однако более обстоятельное осмысление этого ценностного своеобразия евразийской мегацивилизации и его социологическая верификация — это одна из тех научных задач, которые только еще предстоит решить отечественной социально-политической мысли.

Что касается методики ценностных дихотомий, то по ней в 2000-х годах были проведены массовые социологические опросы взрослого населения и молодежи в разных регионах Сибири — республиках Тыва, Хакасия, Алтай, Алтайский край, а также в сопредельных регионах Большого Алтая — Западной Монголии и Восточном Казахстане — Восточно-Казахстанской области (ВКО)¹.

Далее будут приведены данные, касающиеся ценностных цивилизационных предпочтений. Сначала дадим общую

¹Описание параметров исследования, выборки и конкретных организаторов опросов в регионах см.: Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация / под ред. Попкова Ю.В. Новосибирск: Nonпарель, 2010. С. 212–213.

характеристику ответов по каждой из выделенных дихотомий по тем регионам, где опрашивались и взрослое население, и молодежь. При этом сделаем акцент не на различиях, а на сходстве оценок у разных этнических групп как проявлении некоторого единства ценностного цивилизационного ядра.

В целом респонденты отдают приоритет коллективистским началам жизни над индивидуалистическими. Это проявляется в **предпочтениях коллективной собственности над частной, чувства коллективизма и взаимопомощи как фактора развития своего народа над индивидуализмом и личной деловитостью.** Как показали результаты исследования, коллективистски ориентированные респонденты в каждой из выделенных этнических групп составляют от 58 % до 82% опрошенных, хотя некоторые респонденты не смогли дать четко определенного ответа в рамках выделенных дихотомий (табл. 1).

Таблица 1.

Цивилизационные дихотомии ценностных предпочтений у народов Южной Сибири и Восточного Казахстана, %

Дихотомии предпочтений	Ал- тайцы	Казахи Рес- публи- ки Алтай	Ту- вин- цы	Ха- касы	Рус- ские Юж- ной Си- бири	Ка- захи (ВКО)	Рус- ские (ВКО)
<i>Для прогресса моего народа следует прежде всего развивать:</i>							
1) коллективную собственность	62	82	72	64	63	58	63
2) частную собственность	37	18	27	30	35	42	37
<i>Нашему народу сейчас больше всего нужно</i>							

1) чувство взаимопомощи, коллективизма	75	82	79	73	72	66	71
2) чувство свободы личности, личной деловитости, индивидуализма	25	18	20	21	26	34	29
<i>Для страны важнее всего:</i>							
1) расширение личных свобод граждан	21	27	30	19	17	41	33
2) обеспечение общего порядка	76	71	68	75	81	59	67
<i>В жизни важнее всего</i>							
1) постоянство, устойчивость	71	69	46	73	55	66	84
2) перемены, новизна	27	29	54	23	42	34	16
<i>Оценка роли государства в жизни людей</i>							
1) рабочие места и условия жизни людей должно обеспечить государство, а человек должен хорошо трудиться	59	53	75	63	55	55	61
2) работу и условия жизни человек должен обеспечить себе сам, а государство	40	46	25	33	44	45	39

его защиту законами и справедливыми налогами							
Оценка роли предпринимателей в жизни своего народа							
1) занятия предпринимательством, бизнесом формируют людей, заботящихся об интересах народа и сплывающих его	28	36	46	29	41	57	44
2) занятия предпринимательством, бизнесом формируют людей, заботящихся только о своих интересах и разъединяющих народ	70	63	54	65	58	43	56

Как следует из таблицы, имеет также место заметное доминирование в общественном сознании представителей всех обследуемых этнических групп ориентации на обеспечение общего порядка по сравнению с ориентацией на расширение личных свобод граждан (первые составляют от 67% до 81%), приоритета в жизни людей элементов постоянства и устойчивости (от 46% до 84%) по сравнению с переменами и новизной.

Важно также отметить, что население в большинстве своем не приемлет модели развития, направленной на внедрение

свободного рынка, продолжая возлагать на государство надежды на обеспечение занятости и создание достойных условий существования (53–75 %), а не просто принятие тех или иных законов и установление справедливых налогов.

Кроме того, наблюдается негативное отношение населения к предпринимателям и бизнесменам, которые, на взгляд большинства опрошенных, действуют в своих собственных корыстных интересах и реально выступают фактором разъединения своих народов (в ответах на данный вопрос исключение составляют лишь казахи Казахстана, среди которых преобладает позитивная оценка их роли).

Не случайно свыше половины опрошенных во всех группах отдают приоритет государственному регулированию экономики над стихийной «рыночной» свободой, являются сторонниками более активного развития государственной и коллективной форм собственности при усилении роли некоррупцированного государства в регулировании рынка в интересах всего общества. Гораздо меньше людей высказываются за «чисто рыночный» вариант развития страны, а от 13% до 21% респондентов считают, что для успешного развития страны необходимо вернуться к плановой экономике.

Таким образом, западные либеральные ценности в настоящее время имеют определенное распространение у народов Сибири и Казахстана, и это неизбежно в ситуации их жесткого насаждения путем проведения соответствующей государственной политики. Среди русских и казахов Казахстана они представлены в несколько большей степени, чем среди титульных народов Южной Сибири. Кроме того, молодежь сориентирована на эти ценности в целом сильнее, чем старшее поколение. Они также более популярны в среде городского населения, чем сельского. Однако самое важное состоит в том, что **западные ценности ни для одного из обследуемых народов не являются преобладающими.** Причем, такая ситуация имеет место по каждой из выделенных ценностных дихотомий.

Очень высокой является ориентация респондентов на то, что можно назвать полнотой этничности, так или иначе связанной с традиционализмом, традиционными ценностями. От 70% до 92% представителей разных этнических групп считают, что в современных условиях каждый человек должен осознавать свою национальную (этническую) принадлежность и одновременно знать язык и культуру своего народа. Эту группу можно условно назвать традиционалистами. Гораздо меньшая доля опрошенных (от 3% до 15% в разных этнических группах) полагает, что важно осознавать свою национальную принадлежность, а знать язык, культуру народа не обязательно. Немного и тех, кто отстаивает позицию, что сейчас не имеет особого значения осознание человеком своей национальной принадлежности, знание своего языка и культуры. Условно их можно назвать космополитами.

Особый интерес представляет анализ оценок людей, характеризующих не отдельно взятые базисные ценности, а определенную их целостность, системность. В соответствии с таким подходом было выявлено, что последовательных выразителей либерально-рыночных ценностей еще меньше, чем при ответе на отдельные конкретные вопросы. Лишь от 0,0% до 1,8%. всех опрошенных в разных этнических группах являются сторонниками сразу всех значимых западных ориентаций в рамках выделенных нами дихотомий, а именно, стоят одновременно за частную собственность, свободный рынок и конкуренцию, личную деловитость, индивидуализм, за ограничение функций государства принятием справедливых законов и являются космополитами. Гораздо больше среди респондентов (23–33%) последовательно ориентирующихся одновременно на коллективизм и коллективную собственность, патернализм в отношениях с государством, традиционализм (в вопросах этнической идентичности, языка и культуры) и стабильность как основу жизни (рис. 1). Большинство остальных являются носителями своеобразного сочетания традиционных и современных западных ценностей с преобладанием первых из них.

Таким образом, если даже принять достаточно простой взгляд, что евразийство характеризуется своеобразным сочетанием элементов культуры Востока и Запада¹, то логичен вывод: **абсолютное большинство респондентов из числа евразийских народов западных ценностей не придерживаются и, соответственно, к западному культурно-географическому миру не принадлежит.**

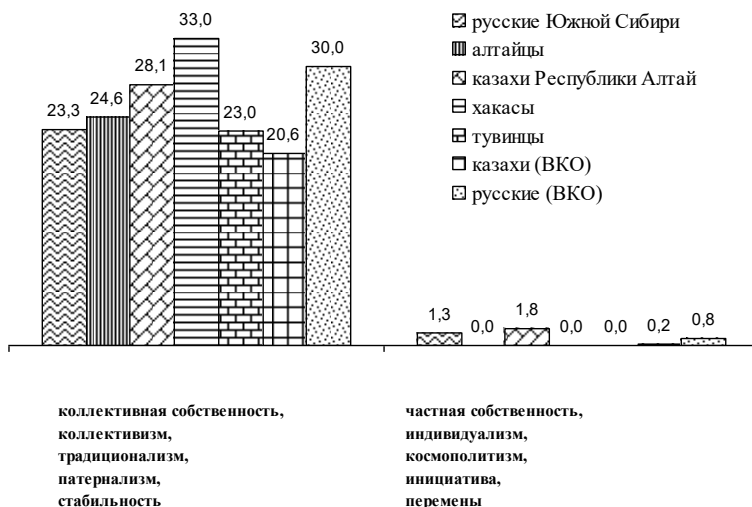

Рис. 1. Цивилизационные дихотомии предпочтений у народов Южной Сибири и Восточно-Казахстанской области (интегральная характеристика базисных предпочтений), %

Результаты массовых опросов других известных профессиональных социологов на рассматриваемую тему созвучны нашим выводам. Так, в выполненном под руководством директора Института социологии РАН М.К. Горшкова исследовании «Российская идентичность в

¹Что является достаточно сильной идеализацией, которая, правда, оказывается весьма полезной для проведения валидных социологических исследований, связанных с ценностным самоопределением личности и отдельных этносоциальных групп.

социологическом измерении» констатируется: «Ценностно-смысловое ядро российского менталитета продолжает демонстрировать удивительную устойчивость и непохожесть. Даже в условиях системной трансформации российского общества практически все аспекты и проблемы современного мира — демократия и рыночная экономика, свобода и социальная ответственность, отношения между личностью, обществом и государством получают в России специфическое звучание и окраску. А это говорит о том, что и под воздействием глубоких экономических и социально-политических преобразований общенациональный менталитет россиян представляет собой если не константу, то, во всяком случае, величину достаточно независимую, которую нельзя изменить по заказу, но можно и нужно использовать через государственный политический курс и политическую волю»¹. Согласно результатам этого исследования, доля последовательных сторонников традиционалистской ориентации в России более чем в два раза превышает долю последовательных носителей типа ментальности, основанной на идеях личной ответственности, инициативы, индивидуальной свободы (соответственно 47% и 20%). Как видим, эти данные несколько расходятся с нашими результатами (прежде всего, по причине использования не совсем сопоставимых конкретных методик), однако общие выводы очень близки.

Специально следует обратить внимание на то, что наше исследование опровергло существующую в литературе точку зрения о широком распространении либеральных ценностей среди молодежи. Молодежь называют первым «рыночным» поколением россиян. Казалось бы, в процессе социализации она должна была усвоить базисные ценности рыночной экономики, выстраиваемой по западному образцу. На этом настаивает, например, директор Института этнологии и антропологии РАН В.А. Тишков. Так, выступая несколько лет

¹Российская идентичность в социологическом измерении: Аналитический доклад. М., 2007. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_Ident_itog.html.

назад на семинаре в Институте археологии и этнографии СО РАН, он прямо заявлял, что либеральные ценности в России в настоящее время победили. Однако согласно результатам нашего исследования это не так. Последовательных либералов в возрастной группе 16–30 лет практически нет, зато последовательных коллективистов (коммунитаристов) — от 12% до 20% в разных этнических группах. Это, конечно, меньше, чем по всему массиву опрошенных, но разница не является существенной (рис. 2). Высокий уровень сохранения традиционных ценностных ориентаций у молодежи подтверждают также наши исследования в других регионах.

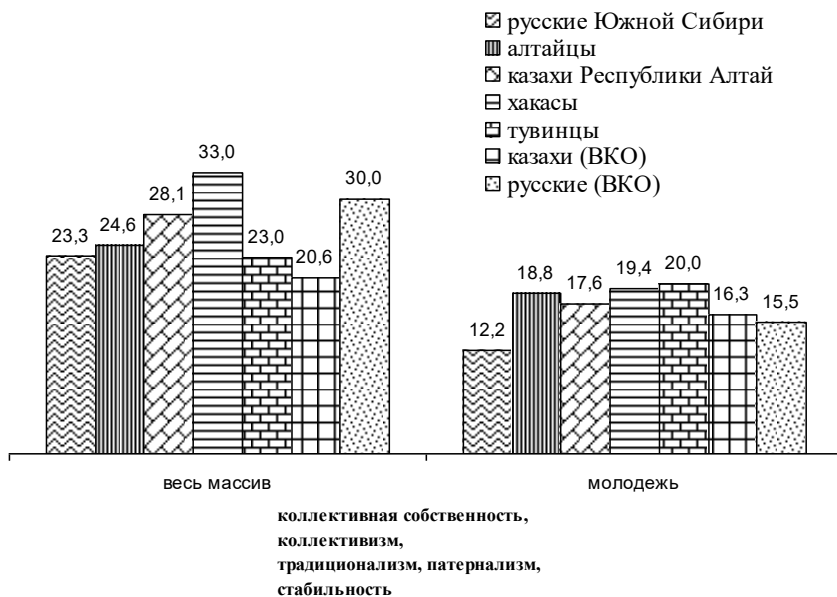

Рис. 2. Интегральная характеристика "азиатской" ориентации базисных ценностей у народов Южной Сибири и Восточно-Казахстанской области, %

Аналогичные выводы относительно ценностей молодежи делают сотрудники Института социологии РАН. Так, М.К. Горшков, обобщая данные многочисленных конкретно-социологических исследований, отмечает: «Патернализм по

отношению к государству, характерный для нашего общества во все эпохи задолго до советских времен, никуда не делся. Экономические катаклизмы 1990-х, конечно, очень сильно ориентировали молодое поколение, выросшее в условиях рынка, на самообеспечение и самореализацию. Но даже в нем лишь треть является носителем индивидуалистического модернистского сознания, характерного для стран Запада. А две трети, судя по целому ряду показателей в ходе опросов, воспроизводят черты матерей и отцов, дедушек и бабушек... Насколько же сильны в нас традиционные основы, если даже в рыночных условиях, “приближенных к лабораторным”, подавляющее большинство молодежи воспроизводит черты советского и досоветского общества!»¹.

В одной из своих свежих публикаций — объемной монографии, изданной по итогам многолетних исследований в разных регионах России, М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги также делают вывод о значимости в среде молодежи традиционных ценностей: «Однако большинство все-таки осознают актуальность традиционных ценностей для общества»².

Высокий уровень сохранения традиционных, т.е. явно не западных, ценностных ориентаций у молодежи подтверждает наше специальное исследование, сфокусированное целиком на данную возрастную группу (перечень цивилизационных дихотомий в данном случае был расширен). Это исследование проводилось в Алтайском крае, в Западной Монголии и (для сравнения) в Республике Саха (Якутии), где опрашивались якуты, русские и представители коренных малочисленных народов Севера (КМНС). Соответствующие данные отражены в табл. 2. Сюда же включены результаты опроса студенческой и рабочей молодежи Восточно-Казахстанской области.

¹Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России. Авт.-сост. Е.П. Добрынина; под общ. ред. М.К. Горшкова. М.: ИИК «Российская газета», 2007. С. 16.

²Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. С. 178.

Таблица 2

**Цивилизационные дихотомии ценностных предпочтений
молодежи Монголии, Казахстана, Алтайского края,
Республики Саха (Якутия), %**

<i>Предпочтения</i>	Якуты	КМНС	Русские (Якутия)	Монголы	Казахи (ВКО)	Русские (ВКО)	Русские (Алтайский край)
<i>Что важнее — коллективная или частная собственность?</i>							
Для успешного развития моего народа следует развивать, прежде всего, коллективную собственность	56,6	59,6	51,3	58,9	55,1	49,5	39,6
Для успешного развития моего народа следует развивать, прежде всего, частную собственность	42,2	40,4	46,7	41,1	44,9	50,5	60,0
<i>Что нужнее — коллективизм или индивидуализм?</i>							
Нашему народу сейчас нужно больше всего взаимопомощи, коллективизма	72,3	80,8	70,4	94,5	58,5	61,9	67,1
Нашему народу сейчас нужно больше всего чувство индивидуализм	26,5	19,2	26,8	5,2	41,5	38,1	31,8

а, личной деловитости, свободы личности							
<i>Какова роль государства в жизни людей?</i>							
Рабочие места и условия жизни должно обеспечить государство, а человек должен хорошо трудиться	45,2	38,5	59,8	34,5	50,3	47,4	51,4
Человек должен сам обеспечить себе работу и условия жизни, а государство — его защиту законами и справедливыми налогами	53,6	59,6	38,7	64,9	49,7	52,6	47,9
<i>Что важнее — личная свобода или общий порядок?</i>							
Для страны важнее всего расширение личных свобод граждан	33,8	32,7	41,0	24,8	41,5	37,1	24,3
Для страны важнее всего обеспечение общего порядка	65,0	67,3	55,8	74,8	58,5	62,9	74,3
<i>Что важнее в жизни — стабильность или перемены?</i>							
В жизни важнее всего	60,9	57,7	67,8	48,3	59,9	82,5	52,1

стабильность, устойчивость							
В жизни важнее всего перемены, новизна	37,5	42,3	29,9	51,7	40,1	17,5	46,1
<i>Что важнее — интересы личности или общества?</i>							
Личные интересы человека должны быть важнее интересов его народа (этноса)	35,9	38,5	56,4	19,6	38,1	44,3	37,1
Интересы народа (этноса) должны быть важнее личных интересов человека	62,4	55,8	40,5	80,2	61,9	55,7	60,4
<i>Что важнее — сотрудничество или соперничество?</i>							
В жизни важнее всего борьба, соперничество	21,1	13,5	16,5	21,4	35,4	23,7	20,7
В жизни важнее всего единство, сотрудничество	78,3	84,6	80,9	78,3	64,6	76,3	77,9

В целом для молодежи, как и для взрослого населения, большое значение имеют **ценности коллективизма и коллективной собственности, общего порядка и стабильности, а также приоритет общественных интересов и ориентация на сотрудничество.** Важно отметить высокий уровень близости оценок молодежи из разных этнических групп по всем выделенным вопросам, хотя определенная разница,

конечно же, присутствует. Такая близость обнаруживается также при сопоставлении цивилизационных дихотомий предпочтений, рассматриваемых с точки зрения их интегральной характеристики (рис. 3).

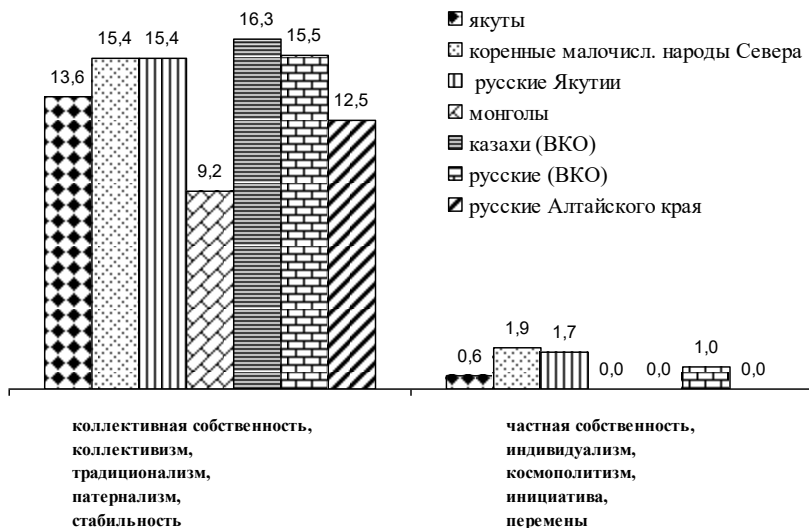

Рис. 3. Цивилизационные дихотомии ценностных предпочтений у молодежи народов Республики Саха (Якутия) и Большого Алтая (интегральная характеристика базисных ценностей), %

Приведенные факты свидетельствуют о неприятии политики либерально-рыночных трансформаций со стороны основной массы населения. В то же время результаты проведенного исследования позволяют сделать и более фундаментальный вывод о том, что **западные ценности (а это, в первую очередь, ценности техногенно-потребительской цивилизации!) являются непригодными для жителей России.** Их целенаправленное насаждение, проводимое всеми официальными институтами во главе с государством как наиболее сильным из них, выгодно определенным группам (выгодоприобретателям), но неприемлемо для большинства населения. Поэтому можно говорить о том, что существует общественный запрос на

кардинальное изменение целостной стратегии развития страны. Как образно писал в свое время В. Костиков, необходимо переосмысление экономического курса и перезагрузка политической системы, подчеркивая, что «идеологи, проложившие фальшивый курс, должны уступить место мозгам, способным проложить новый курс»¹.

Добавим, что кроме «мозгов» нужны еще добрая воля и реальная заинтересованность властей в таких изменениях, причем, не только на словах, но и на деле, в реальной практике. Важно также учесть, что в данном случае речь идет, по сути, о необходимости не просто экономических и политических изменений, а кардинальных преобразований цивилизационного характера. Настойчивые попытки властей внедрить в России западный цивилизационный порядок можно оценить как ложный курс для нашей страны, для ее настоящего и будущего. Как верно заключает А.В. Иванов, «ложные формы коллективной идентификации могут приводить к национальным и даже мировым катастрофам» (см. Приложение 2 нашей монографии).

§ 2. Ценности молодежи Сибири в духовно-экологическом измерении²

Решение обозначенной в начале данной главы второй ее задачи предполагает фокусировку анализа непосредственно на духовно-экологических ценностях населения Сибири. Для этого будут использованы результаты специального исследования, проведенного среди студенческой молодежи крупнейших городов Сибири в сентябре 2020-го года под

¹Костиков В. Компот для народа: Во времена кризиса людей лучше не злить // Аргументы и факты. 2009. № 10. С. 7.

²Основой данного параграфа является материал статьи: Иванов А.В., Попков Ю.В. Духовно-экологическая цивилизационная перспектива: ценностный потенциал молодежи в сибирском контексте // *Siberian Socium*. 2021. Т. 5. № 1 (15). С.8–19.

руководством А.В. Иванова при участии автора¹.

Если на философском уровне проблема цивилизационного будущего России в абстрактном виде поставлена и сейчас активно обсуждается², то на социологическом уровне именно в заданном контексте никем, насколько нам известно, не исследовалась. Поэтому опрос, по сути, был разведывательным, отличался общей постановкой вопросов, большинство из которых были закрытыми, то есть студентам предлагался для выбора перечень возможных ответов.

Теоретико-методологической основой данного

¹В качестве целевой группы для массового опроса были выбраны студенты 2–3 курсов очной формы обучения ведущих сельскохозяйственных вузов Восточной и Западной Сибири — из Новосибирска, Барнаула, Омска, Красноярска, Иркутска. Акцент именно на аграрных вузах давал возможность учесть мнение молодежи из таких ее групп, которые в значительной степени отличаются друг от друга по исходному образу жизни и социокультурному потенциалу, поскольку в них в большей степени, по сравнению с другими вузами, представлена и городская, и сельская молодежь. С учетом введенных в условиях пандемии коронавируса ограничений опрос проходил в онлайн-режиме. Выборочная совокупность составила 585 студентов, из них 47% — мужчины, 53% — женщины; 42% респондентов до поступления в вуз жили в селе, 56% — в городе (2% не ответили на этот вопрос). Преобладающая часть всех опрошенных (501 чел.) являются русскими. Второй по численности этнической группой оказались тувинцы — студенты, которые обучаются в сибирских вузах, — 22 чел., остальные — немногочисленные представители многих других народов. Выборка целенаправленная, методом отбора являлся «сплошной массив» (опрашивались все, кто присутствовал на занятиях). Инструментарий и содержательные вопросы социологического исследования разработаны А.В. Ивановым и Ю.В. Попковым.

²См. недавно опубликованные обобщающие работы по этому вопросу: Резник Ю.М. Раздел 1. Образы цивилизационного будущего России: отдельные проекты и возможности их интеграции // Вопросы социальной теории: Научный альманах. Том XII. 2020. Россия как цивилизация будущего / под ред. Ю.М. Резника. М.: Издательство Независимого института гражданского общества, 2020. С. 17–120; Тюгашев Е.А. Где находится России и куда она движется? // Личность. Культура. Общество. 2020. Т. XXII. Вып. 3–4. № 107–108. С. 251–261.

исследования является комплекс евразийских идей и обоснованные ранее представления о необходимости глобальной цивилизационной трансформации от доминирующей ныне техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии развития. В рамках этой перспективы Сибирь рассматривается как приоритетное направление всей российской государственной политики. Новизна эмпирического исследования состоит в его целевой установке на выявление ценностных ориентиров молодежи как потенциального субъекта обозначенных перспективных цивилизационных трансформаций.

Содержательное ядро исследования составили результаты ответов на серию общих и конкретных вопросов в русле обозначенной проблемной ситуации: Каков вектор востребованных цивилизационных трансформаций? Какая модель цивилизационного устройства может составлять альтернативу ныне доминирующей модели? Каково место Сибири в перспективном цивилизационном проекте? Есть ли для этого пассионарный запас у сибирской молодежи? Насколько значима для нее сибирская идентичность в общей системе идентичностей? Каков ее социокультурный потенциал? Связывают ли молодые люди с Сибирью свое личное будущее? Принимают ли идею нового цивилизационного устройства, базирующегося на актуальных для современности принципах, и готовы ли внести свой вклад в его утверждение?

Переходя к обсуждению результатов массового опроса, остановимся прежде всего на проблемах идентичности и социокультурного потенциала сибирского студенчества.

Абсолютное большинство респондентов (79%) считают себя сибиряками, и лишь каждый десятый однозначно не относит себя к ним. При этом для 41% опрошенных сибиряк — это просто житель Сибири, а 58% из них отстаивают точку зрения, что это такой ее житель, который обладает особыми качествами, 75% признают наличие сибирского характера. Следовательно, сибирская

идентичность является значимой для преобладающего числа молодых людей.

Правда, ответы на прямой вопрос о степени важности сибирской идентичности в ряду других видов идентичности дают не столь высокие показатели, как отмеченные выше, — всего 48%. Впрочем, общесибирская идентичность оказывается сопоставимой с общенациональной, российской (52%), этнической (54%) и региональной (55%) идентичностями. Примечательно, что наибольшие показатели имеет глобальная идентичность: важность ощущать себя гражданином мира отмечают 63% студентов. Как представляется, данный факт можно объяснить прежде всего включенностью современных студентов в Глобальную информационную сеть, что имеет для них высокую ценность. Другим объяснением может служить влияние на сознание молодежи существовавшей с начала постсоветского периода официальной установки федеральных властей на интеграцию российского общества в «прогрессивную» мировую цивилизацию, что подкреплялось ориентацией государственной политики на формирование «человека мира».

Исследование показало наличие серьезного социокультурного потенциала молодежи, выраженного в оценках высокой значимости для нее этнических культур своего и других народов. Многие считают важным для себя и своих детей знать культуру своего народа (о роли традиционных культур и этнокультурного разнообразия в современных условиях, а также о концептуальных проблемах государственной политики по его поддержанию см. Приложение 3). В то же время на практическое соблюдение традиций ориентируется лишь половина респондентов. Еще меньшей популярностью пользуется исполнение религиозных обычаев (36%). На этом фоне достаточно высоко ценится ориентация на уважение традиций и обычаев других народов (78%). Таким образом, можно констатировать **установку молодежи на благожелательное отношение к другим народам и их культуре**, что является одной из базовых идей классиков евразийства. В связи с этим представляется

закономерным, что этноцентристская установка на жизнь среди людей только своей национальностью не пользуется популярностью у абсолютного большинства опрошенных.

Высокий уровень коллективистских социокультурных ориентаций обнаруживается при ответе на комплекс вопросов, касающихся жизненно важных ценностей. Приоритетным для молодых людей является **кластер традиционных ценностей** — здоровья, семьи, дружеских отношений с соседями, друзьями, коллегами, а также хорошего образования, достойной профессии и престижной специальности, экологически благоприятной природной среды (от 80% до 90% респондентов считают для себя важным каждый из выделенных показателей).

Признание значимости традиционных ценностей является существенным показателем потенциала молодежи как возможного субъекта перспективных цивилизационных трансформаций. О наличии такого потенциала свидетельствует и тот факт, что факторами беспокойства в жизни студентов, оказывающими влияние на их социальное самочувствие, являются не только острая текущая ситуация эпидемии коронавируса и перспективы их личной жизни, но и социально значимые проблемы, касающиеся будущего России и Сибири. В числе наиболее актуальных направлений современной государственной политики страны студенты отмечают необходимость обеспечения законности и порядка, социальной справедливости, свободы и благосостояния народа (каждое из этих направлений отметили от 53% до 57% опрошенных). В реальной политике, по мнению респондентов, этим вопросам государство уделяет предельно малое внимание по сравнению, например, с укреплением обороноспособности, которое отмечено ими как безусловно доминирующее направление реальной публичной политики.

Ядро социологического исследования в свете заданной темы составлял блок вопросов о перспективах и моделях глобального мирового развития, месте и роли в этом процессе России и Сибири, а также возможностей участия молодых

людей в формировании более гуманного и справедливого общественного устройства.

Студентам был задан прямой вопрос об отношении к существующей в настоящее время техногенно-потребительской цивилизации, основополагающими признаками которой являются индивидуализм, социальная и экономическая конкуренция, групповой и национальный эгоизм, чрезмерная эксплуатация природы, установка на ее безусловное покорение. 56% опрошенных однозначно признают наличие кризиса данного типа цивилизации, лишь 9% из них не поддерживают такую оценку, а каждый третий затруднился с ответом.

Закономерным являлся вопрос об отношении студентов к иной модели социального устройства — возможной альтернативной духовно-экологической цивилизации, основанной на принципах сохранения окружающей среды, примата культуры, науки и образования над политикой и экономикой, на идеях сотрудничества и взаимопомощи между людьми, культурами и народами. 67% опрошенных высказались за необходимость движения по пути к такой цивилизации. Лишь 7% не видят в этом нужды, а каждый четвертый не имеет четкой позиции в этом вопросе.

В развитии данной темы студентам был задан еще один вопрос — о возможности перехода к духовно-экологической цивилизации, при этом предлагался более дифференцированный вариант предполагаемых ответов. Самым распространенным оказался ответ «возможно, но не скоро» (46%). Видимо, в этом ответе просматривается реальная оценка существующих трудностей на этом пути. Уверенный положительный ответ «вполне возможно» дали 23% респондентов, лишь 8% из них считают это невозможным. Но самое главное, на наш взгляд, состоит в том, что всего 3% опрошенных не видят необходимости в переходе общества к духовно-экологической модели цивилизационного устройства.

Следующий вопрос «Что лично Вы могли бы сделать для перехода человечества к более гуманному и справедливому

обществу?» был нацелен на переориентацию сознания студентов от абстрактного видения рассматриваемой проблемы к ответственному ее рассмотрению под углом зрения возможного личного участия в ее решении.

Как показали результаты опроса, большую поддержку имеют варианты ответов относительно абстрактного характера: воспитывать своих детей как экологически ответственных, социально активных и культурно просвещенных граждан своей страны (58%) и честно исполнять свои профессиональные обязанности (50%). А вот что касается возможных конкретных инициатив, то они поддержаны в гораздо меньшей степени. У многих, видимо, отсутствует желание заниматься, казалось бы, самым возможным и доступным делом — участвовать в природоохранных мероприятиях и экологическом просвещении населения (29%), лично бороться за сохранение культурного наследия своей страны, региона, города, села (26%).

Таким образом, можно сделать вывод о существующем в студенческой среде **серьезном разрыве высокой оценки значимости и необходимости строительства более гуманного и справедливого общества, основанного на духовно-экологической доминанте, и реальной готовности что-либо лично сделать для этого на практике.** Как представляется, здесь проявляются недостатки учебно-содержательной и воспитательной составляющей современной системы образования, не способствующей формированию соответствующих ориентаций у молодежи.

Может ли Сибирь, если отталкиваться от знаменитой фразы М.В. Ломоносова, что «Россия Сибирью прирастать будет», стать регионом-лидером перехода нашей страны к духовно-экологической стратегии развития? Видимо, такая постановка вопроса не часто встречается в нашем обществе, в том числе, в среде молодежи, поскольку треть опрошенных затруднились с ответом на него, а еще 12% из них дали отрицательный ответ. Тем не менее, чуть более половины респондентов полагают, что Сибирь может взять на себя такую миссию.

Какие стратегические ресурсы Сибири могут рассматриваться как важные предпосылки ее превращения в авангардный регион при переходе к духовно-экологической цивилизации?

Лидером в ответах на этот вопрос является выделение существующих в Сибири объемных запасов возобновляемых природных ресурсов. На втором и третьем местах находятся оценка выгодного географического положения и наличия обширных континентальных пространств. Важно отметить, что часть студентов подчеркивают значимость «сибирского характера», а также исторический опыт мирного сосуществования и взаимообогащения различных культур и народов.

Меньше других ценится в данном отношении энергия и энтузиазм сибирской молодежи и значительный научно-образовательный потенциал — то, что в советское время рассматривалось в качестве знаменитых сибирских брендов. Здесь можно обратить внимание на проблемы, которые касаются общей компетентности и активности молодежи, а также отмеченные выше недостатки современной российской государственной политики. Не случайно на данный вопрос анкеты каждый четвертый из студентов не смог ничего ответить.

Более высокой является оценка отдельных качеств сибиряков как важной предпосылки перехода к новой духовно-экологической цивилизации. Лидирующими здесь выступают, по мнению студентов, чувство и практика взаимопомощи и взаимовыручки (59%), что можно оценить как проявление свойственных значительному числу молодых людей коллективистских (коммунитаристских) ценностных ориентаций. С несколько меньшими процентными показателями воспринимаются также вера в собственные силы (53%), терпение (49%) и мужество сибиряков (46%).

В оценке существующих объективных (природных и «рукотворных»), а также субъективных особенностей сибирской жизни, которые могут помешать потенциальному

духовно-экологическому лидерству Сибири, студенты отмечают в качестве доминирующего препятствующего фактора нынешнюю, не вполне отвечающую реальным запросам, политику федерального центра в его отношении к нуждам населения сибирского макрорегиона.

Связывают ли опрошенные студенты свою дальнейшую судьбу с Сибирью? Оказалось, что лишь 41% респондентов уверенно позитивно отвечают на этот вопрос, 15% не видят для себя такой перспективы и 38% пока не могут сказать что-то определенное. Очевидно, что эту ситуацию нельзя оценить как благоприятную для будущего Сибири.

Что же потенциально удерживает молодых людей в Сибири и что их здесь не устраивает?

Определяющими скрепами с Сибирью являются для многих студентов существующие дружеские и родственные отношения, благоприятная природная среда и душевные люди, а также осознаваемая ценность ощущения малой родины. Это как раз те доминанты, которые входят в базовую ценностную основу духовно-экологической цивилизации. В то же время, как следует из ответов, студенты в массе своей рассматривают Сибирь как регион с меньшими конкурентными возможностями по сравнению с городами Европейской России и за границей с точки зрения комфортности бытовых условий, профессионального, социального и личностного роста. В конечном итоге это также в значительной степени связано с недостатками проводимой в отношении Сибири государственной политики.

В вопросе об актуальных и неудовлетворенных запросах молодых людей на первом месте оказалась потребность в обеспечении необходимых рабочих мест, включая определенные гарантии трудоустройства после окончания вузов. Понятно, что это общая для России проблема, решение которой невозможно без системного подхода и кардинальных управленческих решений. В качестве значимых студенты отмечают также обеспечение разного рода преференций, позволяющих закреплять молодежь в Сибири. Из дополнительных соображений, высказанных респондентами,

следует отметить предложение о необходимости изменения бюджетной политики государства с учетом интересов оптимального развития сибирского региона.

К числу фундаментальных вопросов, решение которых на уровне центральной власти способно активизировать созидательный потенциал сибирской молодежи и блокировать существующие негативные тенденции, 63% опрошенных студентов отнесли необходимость увеличить государственное финансирование экономических, инфраструктурных, социальных, культурных и экологических проектов в Сибири, направленных на обеспечение занятости, экономического роста, экологического и социального благополучия местного населения.

Результаты проведенного исследования не дают оснований для однозначного ответа на исходно поставленные вопросы. С одной стороны, социокультурный потенциал молодежи, выраженный в системе ее ценностных ориентаций и представлениях о перспективах развития, в значительной степени соответствует основополагающим принципам духовно-экологической стратегии цивилизационных изменений. При этом многие студенты являются носителями выраженной сибирской идентичности, осознают и высоко ценят богатые природные ресурсы Сибири и существующий здесь человеческий потенциал. С другой стороны, молодежь в массе своей вряд ли сегодня можно рассматривать как готовую на активные созидательные действия пассионарную группу, обладающую четким представлением о конкретных перспективах развития страны, о роли Сибири в созидании цивилизационного будущего России.

Очевидно, что истоки зафиксированной проблемной ситуации лежат не только в самой молодежи. Противоречивые качественные характеристики ее субъектного потенциала являются закономерным отражением неоднозначных тенденций современного политического и социально-экономического развития России. В этой связи считаем важным зафиксировать две фундаментальные проблемы: во-первых, федеральная власть до сих пор не предъявила

обществу четкий образ желаемого будущего страны и соответствующий проект ее цивилизационного развития, хотя потребность в этом становится все более актуальной; во-вторых, политика федерального центра в отношении Сибири далека от оптимальной, она нуждается в существенной корректировке, поскольку в своем нынешнем состоянии не соответствует ни приоритетным перспективам России, ни базисным интересам развития самой Сибири.

Что касается вузовского образовательного и идейно-воспитательного процесса, то в нем, как показало исследование, существуют явные пробелы в контексте заданной темы. Очевидно, что в учебных программах сибирских вузов мало внимания уделяется вопросам духовно-экологической составляющей современного этапа цивилизационного развития, а также роли Сибири в развитии России, без чего невозможно их благоприятное и взаимозависимое будущее.

§ 3. Этнокультурный неотрадиционализм и духовно-экологическая цивилизационная перспектива¹

Четверть века назад Ю.М. Бородай, говоря о принципиальном отличии индустриальной цивилизации (системы) от постиндустриальной, акцентировал внимание на том, что первая является техноцентричной, вторая — культуроцентричной. Во втором случае даже применительно к собственно производственному процессу морально-духовные качества человека оказываются определяющими, здесь «материальные предпосылки развития, при всей их важности,

¹Основой данного параграфа является материал статьи: Попков Ю.В. Идентичность, социокультурный потенциал, ценностные ориентации и оценка перспектив цивилизационного будущего у тувинских и русских студентов Сибири // Новые исследования Тувы. 2021. № 1. С. 217–227.

отстают на второй план»¹. Именно умение задействовать потенциал традиционных культур позволил странам, ныне известным как «Восточно-азиатские тигры», сделать прорыв в будущее не только в экономике, но и других сферах жизни.

Традиционная этническая культура является устойчивой во времени и одновременно достаточно пластичной, если иметь в виду ее способность успешно адаптироваться к изменяющимся условиям существования и усваивать разного рода новации в процессе взаимодействия с другими культурами. Очевидно, что в настоящее время традиционная культура в целом являет себя в видоизмененной форме, в виде неотрадиции, неотрадиционализма.

С сущностной точки зрения **этнокультурный неотрадиционализм** можно представить как процесс и продукт внутренней и внешней рефлексии этнокультур в ее синхронно-диахронном (пространственно-временном) измерении. Основа неотрадиционализма — в прошлом, в этнокультурной традиции (временное измерение), но, в отличие от традиционализма, он ориентирован на будущее, на воспроизводство этнических традиций не в аутентичных, а в обновленных формах. Для него характерны отсутствие апологии прошлого, наличие критичности и открытости в отношении других этнокультур, восприимчивость к традициям других народов и потенциал межкультурной коммуникации (пространственное измерение). С помощью неотрадиции расширяется ресурсное этнокультурное поле, что способствует успешному развитию народов в современных условиях².

С учетом осознания важной роли культуры не только в современном, но и будущем общественном развитии представляется интересным анализ ценностных ориентаций на

¹Бородай Ю.М. Эротика — смерть — табу: трагедия человеческого сознания. М.: Гнозис, Русское феноменологическое общество, 1996. С. 393.

²См. об этом подробнее: Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Этнокультурный неотрадиционализм и идентичность в современных социокультурных трансформациях. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2020. С. 114–126.

рассматриваемую проблему представителей разных национальностей как носителей разных этнических культур. В нашем конкретно-социологическом исследовании такими основными группами среди студентов оказались, как отмечалось в предыдущем параграфе, русские и тувинцы.

Известно, что тувинцы в большей мере, чем многие другие народы, в том числе русские, до сих пор сохранили элементы традиционной культуры в разных сферах жизни. Возникает вопрос, влияет ли это на оценку основных проблем, поставленных во время опроса. Анализ его результатов позволил обнаружить своеобразие ответов тувинцев по целому ряду значимых моментов в сравнении с остальными респондентами. Отметим при этом особенность группы опрошенных тувинцев: она представляет молодых людей родом из Тувы, которые несколько лет живут и учатся в других регионах Сибири, то есть в той или иной степени адаптировались к условиям существования за пределами своей исторической родины. Поэтому к ней (к этой группе студентов) вполне применим вывод: «Источниками ее ценностных ориентиров могут быть как традиционные социокультурные институты, так и новые»¹.

Представим далее сравнительный анализ (по результатам проведенного социологического опроса) социального самочувствия, идентичности, социокультурного потенциала и ценностных ориентаций тувинской и русской студенческой молодежи Сибири, а также ее представлений о духовно-экологической модели будущего развития общества. Главный фокус дальнейшего анализа сконцентрируем на характеристике результатов опроса применительно к тувинским студентам в сравнении с ответами русских респондентов с акцентом на тех моментах, по которым наблюдаются отличия в оценках.

¹Бадмаев В.Н., Уланов М.С., Ламажаа Ч.К., Бичелдей У.П., Антонов В.И., Очирова О.А. Россия и буддийский мир глазами молодежи Тувы, Бурятии и Калмыкии (по материалам социологического опроса) // Новые исследования Тувы. 2020. № 1. С. 37.

Напомним, что наш опрос проходил в сентябре 2020-го года, то есть уже во время пандемии коронавируса. Она в существенной степени осложнила жизнь людей, но при этом не заняла полностью все их жизненное пространство. Поэтому один из первых вопросов касался степени общей удовлетворенности респондентов своей жизнью: «Все мы сейчас переживаем непростые времена. Но жизнь многогранна и не сводится только к сложностям. Насколько Вы довольны своей жизнью в целом?» Среди русских чуть более половины опрошенных студентов (53%) в целом довольны своей жизнью, среди тувинцев таких несколько больше (68%) и нет ни одного, кто был бы ею не доволен. На вопрос непосредственно об их общем самочувствии доля позитивных ответов (уверенность и спокойствие) оказалась еще выше и опять с превышением данного показателя у тувинцев — 86% (против 66% у русских).

В ходе подготовки исследования исходно предполагалась гипотеза, что социальное самочувствие во многом связано со сложной текущей ситуацией. Поэтому при формулировке предполагаемых ответов на вопрос анкеты о том, что больше всего беспокоит респондента в настоящее время, первым был поставлен пункт «Проблемы, связанные с коронавирусом». И он оказался значимым, однако далеко не для большинства студентов. Русские обеспокоены этим меньше, чем тувинцы. Более весомыми причинами беспокойства являются для русских личные проблемы, которые для тувинцев менее значимы.

Одновременно тувинцы меньше русских озабочены перспективами развития России, а также Сибири (на обеспокоенность перспективами развития Сибири обратил внимание каждый десятый русский, среди тувинцев таковых в три раза меньше). Но самое удивительное состоит в том, что каждого четвертого из тувинских студентов в настоящий момент ничего не беспокоит (среди русских таковых в шесть раз меньше). Возможно, данное обстоятельство связано с особенностями менталитета тувинцев как носителей традиций буддизма и кочевничества, что проявляется в «философском»

отношении к жизни, невысоких от нее ожиданиях и нетребовательности к внешним обстоятельствам.

Можно сделать вывод, что факторами беспокойства в жизни студентов, оказывающими влияние на их социальное самочувствие, являются не только острая текущая ситуация эпидемии коронавируса и перспективы их собственной жизни, но и социально значимые проблемы, касающиеся будущего России и Сибири. Последнее у тувинцев выражено в меньшей степени, чем у русских, но они обладают большей социальной устойчивостью перед трудностями в силу особенностей их менталитета.

С учетом особенностей респондентов, в качестве которых определены студенты аграрных вузов, в ходе опроса среди первых были заданы вопросы о том, где каждый из них проживал до поступления в вуз — в селе или городе и кем он себя считает — городским жителем или сельским. И нам удалось выявить социальную проблему, которая является общей для многих городов. Суть ее в том, что в последние годы многие, часто вынужденно переселившись из села в город, не стали истинными горожанами, но в село возвращаться не хотят, поскольку там до сих пор не существует особых перспектив, особенно для молодежи.

Хотя две трети опрошенных нами тувинцев непосредственно до поступления в вуз жили в городе, около половины из них считают себя сельскими жителями, а еще почти каждый третий не мог себя четко идентифицировать по этому параметру. В то же время лишь только каждый четвертый из тувинских респондентов отметил ценность для себя жизни в селе. Для большинства из них, как и для русских студентов, более привлекательным является в настоящее время городской образ жизни.

Как представляется, дело тут не только в обстоятельствах субъективного плана, касающихся личных предпочтений молодых людей, но и в реальных проблемах развития села, современной сельской жизни и ее перспективах. Известно, что за постсоветский период в России исчезли или почти исчезли десятки тысяч деревень. И основания для слома этой

тенденции в виде кардинального изменения государственной политики в отношении села до сих пор не просматриваются.

Таким образом, можно констатировать серьезную проблему, которая по своим истокам и проявлениям имеет комплексный характер: даже из обучающихся в специализированных сельскохозяйственных вузах немногих привлекает современная жизнь в селе. Большинство студентов, скорее всего, планируют в перспективе остаться жить в городе.

Что касается других видов идентичности, то представление о них дают данные *табл. 3*.

Таблица 3

**Степень важности разных видов идентичности,
% от числа опрошенных в этнических группах**

№	Виды идентичности	Важно		Не важно	
		Тувинцы	Русские	Тувинцы	Русские
1	Ощущать себя россиянином	64	54	27	32
2	Ощущать себя представителем своей национальности	86	54	14	32
3	Ощущать себя сибиряком	73	50	18	35
4	Ощущать себя жителем своего края (республики, области)	73	56	14	32
5	Ощущать себя гражданином мира	86	63	9	20
6	Жить среди людей своей национальности	41	28	41	57

Прежде всего, обращает на себя внимание то обстоятельство, что все выделенные виды идентичности по степени важности для человека у тувинцев являются более выраженными, чем у русских. Но если у последних гражданская, этническая, сибирская и региональная идентичности характеризуются практически одинаковыми и относительно невысокими значениями (50% и чуть выше), то у тувинцев (кроме того, что они более высокие) здесь проявляется явная дифференциация. Меньшие показатели имеет гражданская (общенациональная) идентичность. Аналогичные данные среди тувинцев фиксируют и другие авторы¹. Результаты наших прежних исследований также подтверждают такие выводы².

С учетом официальной установки на формирование общенациональной (гражданской) идентичности как безусловного приоритета государственной публичной политики, выявленные нами представления молодых людей могут показаться отклонением от российского мейнстрима. Но с этим нельзя согласиться по нескольким причинам.

Во-первых, высокий уровень этнической идентичности в нашем случае отражает особенности развития локальных сообществ сибирского макрорегиона, в котором сильны этнокультурные традиции.

Во-вторых, мы исходим из убеждения, подтвержденного результатами многолетних исследований, о неправомерности противопоставления общенациональной и этнической

¹Бадмаев В.Н., Уланов М.С., Ламажаа Ч.К., Бичелдей У.П., Антонов В.И., Очирова О.А. Россия и буддийский мир глазами молодежи Тувы, Бурятии и Калмыкии (по материалам социологического опроса) // Новые исследования Тувы. 2020. №1. С. 39.

²Мадюкова С.А., Персидская О.А., Попков Ю.В. Общенациональная и этническая идентичность молодежи этнических групп республик Сибири в сравнительной перспективе // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 3. С. 237–241.

идентичности, которые на самом деле являются совместимыми, непротиворечивыми¹.

В-третьих, низкий уровень общенациональной идентичности во многом связан с критическим отношением к власти, с неудовлетворенностью населения, в том числе молодежи, состоянием реальной государственной политики. Как показало наше исследование, наиболее актуальные запросы молодежи на благосостояние народа, обеспечение социальной справедливости, законности и порядка удовлетворяются деятельностью федеральной власти хуже всего. Эту проблему мы, как и другие исследователи, фиксировали и ранее². Негативную динамику критического отношения молодежи к власти в последние годы З.В. Сикевич и Н.Г. Скворцов отмечают по результатам массовых опросов в Санкт-Петербурге³. При этом они разделяют (на наш взгляд, совершенно справедливо) три разных понятия: «родина» — «государство» — «власть», которые часто не дифференцируются, в том числе при разговоре об общенациональной (гражданской) идентичности.

В-четвертых, именно низкая эффективность политики федеральных властей, проявляющаяся в отсутствии в обществе должной социальной справедливости и слабой выраженности в этой политике интересов основной массы

¹Дробижева Л.М. Политика интеграции полиэтничного российского общества в доктринальных документах, политологическом дискурсе и массовом сознании // *Общественные науки и современность*. 2019. № 4. С. 140–141; Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Этнокультурный неотрадиционализм и идентичность в современных социокультурных трансформациях. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2020. С. 237–241.

²Дробижева Л.М. Заключение // *Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества* / отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2016. С. 340–341; Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Этнокультурный неотрадиционализм и идентичность в современных социокультурных трансформациях. С. 243–246.

³Сикевич З.В., Скворцов Н.Г. Соотношение национальной и этнической идентичности молодежи (на примере Санкт-Петербурга) // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 2. С. 277, 288.

населения, является одним из главных факторов невысокого уровня общенациональной (гражданской) идентичности. В этих условиях актуализируются региональная и этническая идентичности, выступающие своеобразными компенсаторами тех защитных социальных механизмов, которые люди не могут найти в рамках официальной государственной политики.

Возвращаясь к анализу результатов нашего опроса, заметим, что сибирская идентичность более выражена у тувинцев. При ответе на дополнительный прямой вопрос «Считаете ли Вы себя сибиряком» лишь один из тувинцев затруднился с ответом, все остальные высказались положительно. Среди русских доля таковых немного меньше. Одновременно тувинцы, по сравнению с русскими, в большей степени обнаруживают и этноцентристские установки (жить среди людей своей национальности) (*табл. 3*). Это проявляется, в частности, в том известном факте, что тувинские студенты, находясь на учебе вне своей республики, поддерживают тесные контакты друг с другом в рамках своих землячеств.

Схожесть позиций, хотя и с различающимися количественными показателями, проявляется в отношении глобальной идентичности (важность ощущать себя гражданином мира): у тувинцев и русских она является доминирующей в ряду других видов идентичности (соответственно 86% и 63%, у тувинцев сопоставима с этнической идентичностью) (*табл. 3*). Возможные причины столь высокого уровня выявленной глобальной идентичности мы уже обозначили в предыдущем параграфе.

Теперь о социокультурном потенциале и ценностных ориентациях.

Можно говорить о весьма благополучной ситуации в отношении той части социокультурного потенциала молодежи, которая касается ее отношения к традициям и культуре своего и других народов. Они рассматриваются как имеющие высокую ценность (*табл. 4*). При этом молодые люди четко высказываются и за то, чтобы также их дети знали

культуру и традиции своего народа. Как и в предыдущей серии вопросов, позитивные установки являются более выраженными у тувинцев.

Таблица 4

**Степень важности культурных традиций,
% от числа опрошенных в этнических группах**

№ №	Культурные традиции	Важно		Не важно	
		Тувинцы	Русские	Тувинцы	Русские
1	Знать культуру своего народа, своей национальности	95	73	5	14
2	Чтобы мои дети знали культуру моего народа	95	71	5	15
3	Соблюдать традиции своего народа	91	51	9	27
4	Соблюдать религиозные обычаи своего народа	73	33	23	41
5	Уважать традиции и обычаи других народов	86	78	14	11

Примечательно, что абсолютное большинство студентов обеих национальностей настроено на уважительное отношение к традициям и обычаям других народов. Эта установка характеризуется даже более солидными количественными показателями, чем ориентация на соблюдение религиозных традиций своего собственного народа. Но опять обратим внимание на то, что тувинцы по сравнению с русскими здесь выглядят гораздо более весомо. Данный факт лишней раз подтверждает особое качество тувинцев, касающееся религиозной составляющей их

культуры, — традиционность и терпимость к чужим взглядам и верованиям, что, как мы подчеркивали выше, составляет существенные черты неотрадиционализма.

Что касается других жизненно важных ценностей, то и здесь в среде молодежи доминируют ценности, которые тесно связаны с традиционной культурой. Молодые люди в своем преимущественном большинстве (с небольшим перевесом у тувинцев) считают наиболее важными для себя наличие хорошей семьи, здоровья, образования, дружеских отношений с родственниками, коллегами, соседями, а также экологически благоприятную природную среду. Малопривлекательными являются для них участие в политике, статусные амбиции, жизнь за границей, а также, как отмечалось, жизнь в сельской местности. Примерно для половины опрошенных не является принципиально важным состоять в зарегистрированном браке, причем среди тувинцев таких немного меньше.

Результаты нашего исследования по большому счету совпадают, как отмечалось ранее, с общими выводами, которые делают М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги по итогам социологического опроса, проведенного под их руководством по единой методике во всех типах поселений 21 региона России в период 2009–2019 гг.: «Нынешняя российская молодежь в целом не индивидуалистична, не агрессивна, не стремится обладать властью, нечестолюбива»¹.

В этой связи отметим следующее. Фундаментальной основой системы ценностей человека является ориентация по основанию: индивидуализм — коллективизм (либерализм — коммунитаризм). Для выяснения позиции студентов по данному основанию во время опроса им был задан вопрос, что важнее: интересы человека или интересы народа. Отвечая на него, русские респонденты разделились примерно поровну, среди тувинцев оказалось больше тех, кто приоритет отдает интересам народа. Это говорит об их коллективистской черте,

¹Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М.: ФНИСЦ РАН. 2020. С. 181.

сформировавшейся в рамках традиционной хозяйственной и повседневной жизнедеятельности.

Признание значимости традиционных ценностей, которые являются коллективистскими по своей природе, выступает важным индикатором наличия в социокультурном потенциале молодежи тех качественных характеристик, которые могут составлять необходимые предпосылки для реализации перспективной духовно-экологической стратегии преобразования общества.

Можно ли использовать имеющийся позитивный социокультурный потенциал молодежи Сибири для перспективных цивилизационных трансформаций? Очевидно — да. Но такое возможно при комплексе условий, среди которых обозначим три выявленные в ходе исследования и требующие осмысления и преодоления проблемные ситуации.

Первая касается самих молодых людей. Для ряда студентов рассматриваемая проблематика оказалась практически не знакомой до момента нашего опроса. Это можно объяснить двумя основными обстоятельствами: во-первых, отсутствием этой проблематики в вузовских учебных программах; во-вторых, равнодушием части студентов к соответствующим вопросам, инфантилизмом, а также тем, что их вполне устраивает существующее положение вещей. Подтверждением данного вывода могут служить ответы, которые дали некоторые студенты на вопрос о том, что можно было бы сделать для формирования более гуманного и справедливого общества. Они, хотя и единичные, являются достаточно красноречивыми: «Ничего», «А зачем оно мне надо?»

Второй системной проблемой является нежелание абсолютного большинства студентов связать свою перспективу с селом. Ценность сельской жизни является самой низкой в ряду всех других выделенных ценностей. И это, обратим внимание, касается не молодежи вообще, а целевой группы студентов сельскохозяйственных вузов, которые изначально призваны готовить специалистов для

села. Изменить положение дел в этой области невозможно в первую очередь без кардинального изменения государственной политики в отношении села.

Третья проблемная ситуация касается того очевидного факта, что само государство, повторим это еще раз, не актуализировало и не предложило обоснованную перспективную модель цивилизационного развития России, хотя в последнее время эта тема дискутируется в философских кругах и начала, наконец, подниматься на разных уровнях государственного управления. Образ будущего, к которому должны стремиться и власть, и само общество — для населения в целом и для молодежи в частности, остается неопределенным.

Согласно оценке экспертов, в настоящее время в России не преодолена тенденция освобождения власти и бюрократии от моральной и социальной ответственности перед обществом. В этой связи возникает вопрос, есть ли тогда смысл серьезно обсуждать поднятую и анализируемую нами проблему о перспективной цивилизационной модели будущего России и Сибири? Имеет ли эта тема, кроме научной, также и практическую актуальность?

Давая позитивный ответ на данный вопрос, отметим два важных обстоятельства. Во-первых, уход власти и бюрократии от ответственности перед обществом не является абсолютным, фатальным и повсеместным. Подобный уход не может быть постоянным и беспредельным, поскольку такая ситуация создает угрозу не только для общества, но и для самой власти и бюрократии. Во-вторых, и это главное, процесс управления обществом нельзя отдавать полностью на откуп органам власти и позволять бюрократии исключительно самой определять перспективы развития страны, а также меру и характер ее ответственности (или безответственности) перед обществом.

Именно поэтому вопрос о **системном привлечении независимой академической и вузовской науки, особенно сибирской, к управлению страной** на федеральном и региональном уровнях со всей остротой стоит на повестке дня.

ГЛАВА 7. Сельский мир Сибири: духовно-экологические традиции и перспективы

Природа неделима и сурово мстит тем,
кому невдомек, кого интересуется
лишь сиюминутная выгода,
кто не соизмеряет цели и средства.

Т.С. Мальцев

§1. Природосообразность и традиционализм сибирского сельского мира

В настоящее время все более актуальными становятся вопросы экологии и природосообразности жизни человеческих сообществ. Проблемы современного общества толкают людей к поиску жизни в гармонии с природой. Поиск этой гармонии заставляет исследователей обращаться к изучению духовно-экологических практик традиционных крестьянских сообществ с точки зрения их природосообразности и природосберегающих приемов хозяйствования.

Крестьянство на протяжении всего своего существования теснейшим образом было связано с окружающим природным ландшафтом. Каждодневное взаимодействие с природой преобразовало и духовный мир крестьянства. Сибирский регион как уникальный природно-экологический и культурный локус с особой фронтальной заданностью заслуживает отдельного внимания. Так, исследовательница сибирского крестьянства М.М. Громько, характеризуя духовную культуру русских хлебопашцев XVIII–XIX вв., отмечала духовную связь крестьянина с окружающей природой, его органичное включение в систему локальных природных условий¹. На

¹Семья и община в традиционной духовной культуре русских крестьян XVIII–XIX вв. // Русские: семейный и общественный быт. М.: Наука, 1989. С.10.

практической значимости опыта взаимодействия крестьянства с природой акцентировал свое внимание философ В.М. Федоров: «Неумение видеть диалектику глобального и локального оборачивается просчетами в хозяйственной деятельности. Мы сами обедняем себя, не используя возможности, предоставленные нам природой»¹.

Исследователи Сибирского края XVIII–XIX вв. П.С. Паллас, Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин и др. оставили нам значительную источниковую базу в виде своих наблюдений, дав подробное описание традиционных знаний, экологического и хозяйственного опыта сибирских крестьян. Современные исследователи также уделяют значительное внимание вопросу традиционных экологических земледельческих знаний и практик. В частности, большой вклад в разработку этой темы внесли историки М.М. Громыко, Н.А. Миненко, В.А. Липинская, Т.С. Мамсик и др. М.М. Громыко в своих работах уделяла большое внимание сибирскому земледелию XVIII — первой половины XIX вв., учету специфики природы региона, характеристике естественно-эмпирических знаний крестьян, тщательному анализу влияния природно-хозяйственных условий на духовный мир крестьянства². В монографии Н.А. Миненко на широкой источниковой базе реконструируются знания крестьян феодальной Сибири о природе: климате, свойствах почв, водных богатствах края, растительном и животном мире, исследуются источники этих знаний, освещается применение экологических знаний в практической деятельности³. Несмотря на значительный опыт изучения экологических, хозяйственных и духовных факторов развития сибирского сельского социума в XVIII–XIX вв., советский и

¹Федоров В.М. Биосфера — земледелие — человечество. М.: Агропромиздат, 1990. С. 28.

²Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII в.: Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск: Наука, 1965.

³Миненко Н.А. Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян Сибири XVIII — первая половина XIX в. Новосибирск: Наука, 1991.

постсоветский периоды оказались в этом плане исследованными в значительно меньшей степени.

В данной главе предполагается лишь схематично осветить огромный экологический и социальный опыт, накопленный русским сибирским крестьянством на протяжении всей его истории. Основная цель — актуализировать этот важнейший пласт знаний и рассмотреть возможность его использования в современных условиях хозяйствования. Для этого обратимся к основным аспектам экологической и социальной жизнедеятельности сибирского крестьянства XVIII–XIX вв. и выявим линии сохранения и развития этого опыта в XX–XXI вв.

Крестьянство, являясь самым многочисленным слоем населения России, накопило огромный объём эмпирических сельскохозяйственных и экологических знаний и практик, успешно применяя их при освоении новых территорий. Еще В.О. Ключевский определял колонизацию как основной фактор развития России. Крестьянство же в колонизационном процессе играло ключевую роль. С XVII века Сибирь становится территорией активного крестьянского освоения. Несмотря на многочисленные трудности, Сибирь уже в XVII веке начала обеспечивать себя хлебом. Успешность освоения территории зависела от многих факторов. Не последнюю роль в этом играли традиционные экологические знания крестьян, учитывающие влияние природного ландшафта на хозяйственную деятельность и ее обратное воздействие на окружающую среду.

Основные сельскохозяйственные занятия определяли образ жизни крестьян, их мировоззрение и формировали особую духовно-экологическую культуру. Изучение природных явлений было жизненной необходимостью для жителей села, так как различные природные катаклизмы (засуха, заморозки, наводнения) могли в одночасье поставить крестьянскую семью на грань голода. Главным источником знания для крестьян являлось наблюдение. Так, по данным Н.А. Миненко, сибирские крестьяне имели представления о естественных причинах образования осадков, умели объяснить происхождение туманов, знали множество примет

надвигающегося дождя, мороза, пурги и т.д. Также крестьяне умели делать и долгосрочные прогнозы, Хлебопашцы различали виды морозов, их названия были приурочены к религиозным праздникам. По этим данным сибирские крестьяне определяли время сева. Обращение крестьян к приметам имело два основания: во-первых, это помогало решать хозяйственные задачи, во-вторых, помогало разобраться с информацией из неприродных источников. Крестьяне не просто знали множество примет, но и понимали причинно-следственные связи в природе; делали выводы не по одной примете, а по целой их совокупности. И уже поразмыслив, сопоставив многие факты, планировали свою каждодневную работу и определяли стратегические задачи хозяйствования.

По данным исследователей Алтая, в частности, Н.М. Ядринцева, сибирские крестьяне имели склонность к антропоморфизму — одушевлению не только земли, но и животных, птиц, рек, гор, других элементов ландшафта¹. Н.А. Миненко обращает внимание на способность крестьян видеть красоту и целостность мироздания, что нашло свое отражение в крестьянском фольклоре². Действительно, мы встречаем в народных сказках, притчах и приметах такие описания, как «красное солнышко», «ясный месяц» и т. д. Об эмоциональной связи сельского мира с природой говорили многие исследователи Сибири. Так, Г.Н. Потанин отмечал, что не только экономическая выгода манила зверовщиков в тайгу, но и притягательная сила лесной жизни, наслаждение от пребывания на лоне природы. По приведенным исследователем воспоминаниям жен соболевщиков, «они видели своих мужей в слезах при наступлении времени

¹Ядринцев Н.М. Поездка по Западной Сибири и в Горный Алтайский округ // Записки Зап.-Сиб. Отдела ИРГО. Омск: Зап.- Сиб. кн. изд-во, 1880. Кн.2. С. 102.

²Миненко Н.А. Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян Сибири XVIII — первая половина XIX в. Новосибирск: Наука, 1991. С. 21.

соболиной охоты, и многие из них вспоминали об этом как о «прожитом счастье»¹.

Отношение к природе как к живому существу было свойственно всему крестьянскому сообществу Сибири. Тому есть множество подтверждений. Так, исследователь Ф. Зобнин писал, что в Тюменском уезде отмечают «именины» земли. Плевать в этот день на землю считалось большим грехом; а жители Тулуновской волости запрещали детям после 21-го мая (день Елены, матери царя Константина) прыгать на земле, поскольку она «беременна»².

Наглядные примеры отношения к природе как к живой целостности мы можем наблюдать у сибирских уймонских староверов (села Верхний Уймон Республики Алтай). Вода у староверов считалась святой. Купание олицетворяло второе рождение, возвращение к чистоте. Мылись только в реке, даже в морозы, считая банную воду «грязной». Воду в дом набирали против течения, а вот на лечение — наоборот, при этом приговаривая особый заговор: «Бережок-батюшка, подушка-матушка, царица водяная с малыми детками, с приходящими гостями благослови воды взять — не ради хитрости, не ради мудрости, но ради добра и здоровья рабу Божьему...»³. Заметим, не вода, а «подушка-царица». Даже в повседневной жизни, прежде чем пойти по воду, невестка должна была получить благословение свекрови. В уймонских семьях строго-настрого запрещали детям кидать камни в реку, подчеркивая, что это «Христовы слезы текут». В таких поговорках отражались нравственно-экологические приоритеты сельского сообщества, ясное понимание того, что здоровье социума в существенной мере зависит от здоровья окружающей среды. За чистотой воды следили, регулярно

¹Потанин Г.Н. Литературное наследие Сибири. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1986. Т.7. С. 155.

²Миненко Н.А. Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян Сибири XVIII — первая половина XIX в. Новосибирск: Наука, 1991. С. 32.

³Кучуганова Р.П. Уймонские староверы. Новосибирск: Сибирское соглашение, 2000. С.25–26.

чистили русла рек. Порча деревьев, ломка веток считалась у жителей села Верхний Уймон очень серьезным грехом. Деревьев никогда не рубили больше, чем того требовала хозяйственная необходимость, а стволы для строительства домов заготавливали только в зимние месяцы, что обеспечивало большую сохранность древесины.

К растениям также было бережное отношение: лекарственных трав никогда не собирали больше необходимого. Бережное отношение к природе прослеживается даже в том, что уймонцы рыбачили только удочками, а не сетями. Также они критически воспринимали охоту, отдавая предпочтение выращиванию скота.

Уймонскими старовеерами была создана поистине уникальная локальная духовно-экологическая и семейно-общинная трудовая культура, которая просуществовала практически до начала коллективизации¹. Основой этой культуры, помимо экологических знаний, стала также особая трудовая этика, подпитанная религиозными традициями. Исследователи Алтая, побывавшие в Верхнем Уймоне во времена его процветания, восхищались зажиточностью местных жителей.

Обращает на себя внимание факт не только уважительного отношения к природе, но и к семье, к старшим и к детям. Религиозная этика не позволяла уймонцам сквернословить. О человеке, позволившем себе подобное, они говорили: «Ну, с этим же языком есть сядет»². Сибирские старовееры в целом сумели эффективно приспособиться к суровому климату Сибири, найдя равновесие между хозяйственными потребностями, сохранением традиционного природного ландшафта и религиозными традициями.

Сибирские хлебопашцы активно изучали растительный мир края. Им были знакомы лечебные свойства трав, места, богатые ягодами, грибами, орехами и т.д. По данным

¹Алтай и Гималаи как уникальные культурно-биосферные регионы Евразии / Под ред. А.В. Иванова, И.В. Фотиевой. Барнаул: РИО Алтайского ГАУ, 2017. С. 189–210.

²Кучуганова Р.П. Указ. соч. С. 93.

Н.М. Ядринцева, крестьяне знали десятки лекарственных трав, что стало основой формирования традиционной народной медицины. Крестьяне Сибири различали несколько сортов диких луков: «слизун», «вшивик», «колба», чеснок¹. Они хорошо разбирались в грибах, знали повадки птиц и животных, замечали изменения в рыбных ресурсах края. Основательно была изучена и водная система регионов, где им приходилось жить. Они имели достаточно объективные знания о реках и озерах, времени вскрытия и замерзания рек, составе воды, замечали изменения водных артерий. Сибирские хлебопашцы благодаря своей наблюдательности открыли ряд целебных источников. Например, в 1848 г. в Бийском округе у устья реки Берели местным жителем был обнаружен теплый ключ, позже получивший название «Рахмановский» по фамилии нашедшего его крестьянина. По данным П.А. Голубева, крестьяне активно лечили в источнике язвы, пневмонии, ячмени и другие заболевания. Сегодня «Рахмановские ключи» являются лечебно-курортной зоной Восточно-Казахстанской области.

В целом же, горы Алтая изобилуют минеральными ключами. В Барнаульском округе находится большое число озер с запасами различных солей (поваренной, глауберовой, бромистых, калийных и др.). Еще в 1868 г. крестьянин Семен Казанцев открыл теплый целебный ключ в Ново-Белокурихе на реке Солоновке. Вода источника имела температуру 26°, зимой не замерзала, была прозрачная и мягкая на вкус. Позже стараниями известного исследователя Алтая С.И. Гуляева ключ приобрел благоустроенный вид². Ныне здесь располагается знаменитый курорт Белокуриха.

¹Ядринцев Н.М. Поездка по Западной Сибири и в Горный Алтайский округ// Записки Зап.-Сиб. Отдела ИРГО. Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1880. Кн.2. С. 70.

²Голубев П.А. Алтай: историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Томск. 1890 // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII — начало XX веков. Барнаул: Алт. краев. универ. науч. б-ка им В. Я. Шишкова, 2014. Т. 4. С. 269.

Наличие соленых озер и ключей позволяло крестьянам не только запастись солью на предстоящую зиму, но, повторимся, использовать их как средство для лечения различных болезней. Другой известный лечебный источник на Алтае, который использовало местное население с незапамятных времен, находится в Республике Алтай на дороге из Чуйской степи к плоскогорью Укок и называется «Теплый ключ».

В процессе земледельческого освоения сибирского региона крестьянство выработало наиболее рациональные приемы и способы обработки почв. Так, учитывая особенности климатических условий, крестьяне тщательно подходили к выбору земли под пашню. Они порой выбирали под посев худшую почву, но находящуюся в более благоприятных климатических условиях, более защищенную от ветров и иссушающей жары. Крестьянством Сибири были разработаны свои агротехнические приемы обработки целинной и залежной земли. Так, на целине или старой залежи производили посев только на следующий год, поскольку, имея примитивный инвентарь, крестьяне не успевали до прекращения нитрификации в почве произвести посев и возделывать целинные земли. Орудия труда, в частности, сибирская соха именно переворачивала пласт земли, а не крошила его как российская соха-рогалюха. Соответственно, растительный слой, расположенный внизу борозды, быстро разлагался. Также сибирская соха успешно боролась с сорняками, полностью вытягивая корни сорных растений. Боронование специальным способом также имело большое значение при обработке почвы. В целом, приемы и способы обработки земли были выработаны на основе многолетней практики и исходили из местных условий. На их основе решались основные проблемы земледелия Сибири — сохранение влаги в почве и уничтожение сорной травы. Обработка паров способствовала более длительному сохранению плодородия в севообороте экстенсивного хозяйства и тем самым продлевала срок эксплуатации пашни.

Жизнь сельского мира в основе своей, как известно, циклична. Она отражает цикличность жизни окружающей природы. Для того чтобы вписаться в природные ритмы и зависимости нужен был особый ритм человеческой жизнедеятельности, и он был выработан опытом многих поколений. Важно, что этот ритм был основой не только хозяйственной деятельности, но и духовной жизни, и его надо было передать следующему поколению.

Функция передачи хозяйственного и экологического опыта следующим поколениям в Сибири принадлежала главным образом общине и семье. Община в Западной Сибири заботилась о сохранении кормящего ландшафта. В работах Н.А. Миненко приведено множество примеров: так, крестьяне деревни Комаровой в 1772 г. подали коллективную жалобу в бийскую земскую избу на своих соседей из деревни Шубинской за ловлю рыбы большим неводом. В 1810 г. была подана жалоба крестьянами села Гутова Кайлинской волости на колыванских мещан, обломавших множество веток при сборе ягод. В 1834 г. в Юдинской волости крестьяне добились запрета на ловлю рыбы в Чановских озерах для приезжих, так как те попутно вырубали лес по берегам озер и портили сенокосы¹.

В Сибири крестьяне с самого начала ее хозяйственного освоения бережно относились к лесам, особенно к кедровым рощам. Исследователи предполагают здесь и влияние государственной политики. Так, в 1766 г. сибирским губернатором Д. Чичериным был издан указ, требовавший от крестьян не рубить деревья на дрова, а пользоваться уже подрубленными и не обдирать с березы кору. В целом, община сама строго контролировала лесные угодья, исходя из своих хозяйственных запросов.

При отсутствии агрономов и специальных сельскохозяйственных школ важную функцию освоения и

¹Миненко Н.А. Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян Сибири XVIII — первая половина XIX в. Новосибирск: Наука, 1991. С. 47.

передачи сельскохозяйственного и промыслового опыта в Сибири наряду с общиной осуществляла семья. Во многих местностях Сибири были развиты так называемые «семейные» промыслы, что предполагало обязательное овладение детьми соответствующими навыками. Кроме овладения трудовыми навыками, крестьянская традиция предполагала знание подростками различных обрядов и примет для успешного ведения хозяйства. Традиционно детей в крестьянской среде приобщали к труду с малолетства. Уже в детских колыбельных песнях звучали мотивы о недопустимости лени, о необходимости распределения обязанностей между членами семьи. Обычно крестьянские дети с 5–7 лет уже хорошо держались в седле, с 7–9 лет активно включались в трудовые будни семьи, приобщались к семейным промыслам. Мальчики помогали отцу, девочки — матери. По данным В.А. Зверева, старших сестер в сибирских крестьянских семьях называли «няньками». Иногда такой няньке могло быть 3–4 года¹. Исследователь, ставя закономерный вопрос, было ли столь раннее привлечение детей к труду объективной трудовой необходимостью или же являлось специальным педагогическим приемом, обеспечивающим трудовое воспитание, — приходит к выводу, что оба эти фактора были взаимосвязаны. В.А. Зверев выделяет ряд педагогических приемов, которые применялись в сибирских семьях. Это и ненавязчивость, опосредованность педагогического влияния; и создание атмосферы радости, нужности труда каждого члена семьи. Не последнюю роль в создании особой трудовой атмосферы играли семейные сельскохозяйственные обряды. Любопытно, что создание атмосферы радости от выполняемого труда было позже заимствовано советскими руководителями, особенно в период правления Н.С. Хрущева, и нашло отражение в советских трудовых обрядах.

¹Зверев В.А. Роль семьи в закреплении и передаче опыта хозяйственной деятельности русских крестьян Сибири (конец XIX — начало XX вв.) // Земледельческое освоение Сибири в конце XVII — начале XX вв. Труды традиции крестьян. Новосибирск: Наука, 1985. С. 116.

Своеобразным итогом трудового крестьянского воспитания становилось всестороннее приобщение детей к хозяйственному опыту и знаниям родителей. Нельзя не отметить роль *помочей* в выработке и передаче производственных навыков, экологических знаний и трудовых традиций. Помочами в Сибири называли неоплачиваемый труд для быстрого завершения работ у отдельных крестьян, особенно многодетных или лишившихся кормильца. Помочи чаще всего устанавливались при ведении земледельческих и строительных работ.

Помимо общины и семьи, существенную роль в формировании, сохранении и передаче трудовых, экологических и духовных традиций в Западной Сибири играла артель. Под крестьянской промысловой артелью следует понимать временное производственное объединение крестьян на определенных условиях для выполнения совместных работ. Артель создавалась тогда, когда силами одной семьи невозможно было заниматься определенным промыслом. Она получила распространение в таких традиционных видах деятельности, как охота, лесозаготовка, добыча кедрового ореха и др. Основной целью промысловых артелей было грамотно организовать трудовой процесс, выработать наиболее рациональные приемы промысловых операций, сплотить коллектив, создать в нем благоприятную психологическую атмосферу. Молодые люди могли получить здесь новые знания, непосредственно перенять опыт старших поколений. При подборе артельщиков принимались во внимание не только трудовые навыки промысловика, но и нравственные качества: доброта, честность, уживчивость. По данным З.П. Горьковской, для формирования благоприятного климата иногда в артель приглашали рассказчиков, «посказателей»¹. Непосредственно в промысле они не

¹Горьковская З.П. Роль трудовых сообществ в формировании традиций промысловой деятельности русских крестьян Сибири в период капитализма // Земледельческое освоение Сибири в конце XVII — начале XX вв. Трудовые традиции крестьян. Новосибирск: Наука, 1985. С. 152.

участвовали, а свою долю получали за создание благоприятной трудовой атмосферы. Хорошо организованные и психологически сплоченные артели могли существовать длительное время. **Семья, община и артель образовывали достаточно целостную систему передачи хозяйственных, социальных, экологических и духовных традиций, обеспечивающих устойчивость и воспроизводство жизни сибирского села.**

Исследователи прошлого, изучавшие хозяйственную деятельность сельского населения, подчеркивали консервативный характер аграрной культуры крестьянства, его строгую приверженность традициям. Это объясняется значительной зависимостью жизни крестьянина от природного кормящего ландшафта. Она диктовала необходимость воспроизводить веками проверенный опыт предшествующих поколений. Отступление от опыта предков грозило хозяйственной и социальной катастрофой. Таким образом, крестьянский традиционализм, своеобразная «косность» определялись природными законами и служили гарантом благополучия сельского мира. Но это отнюдь не означало отсутствия инноваций и принятия нового хозяйственного опыта. Приспособленное к местным экологическим условиям, традиционное хозяйство открывало возможности для нововведений.

§2. Развитие сибирского сельского хозяйства в XX веке

Значительные изменения крестьянские хозяйства в Западной Сибири претерпели в годы столыпинских реформ. Относительно традиционного семейного хозяйства в Западной Сибири исследователи отмечали, что господство общинных порядков не было отягчающим для крестьян. «Каждый хозяйничает так, как ему нравится; всякий молодец на свой

образец», — писал А. Третьяков о шадринских крестьянах¹. При достаточном свободном земельном фонде, крестьянском умении рачительно хозяйствовать и развитом артельном опыте столыпинская реформа, делавшая акцент на развитии индивидуальных хозяйств, дала Сибири, несмотря на противоречивые итоги в целом, весьма значительные конкретные результаты.

В настоящее время историками отвергается тезис о том, что П.А. Столыпин, разрушая общину, разрушал традиционные крестьянские устои. Исследователи говорят не столько о разрушении общины, сколько о возвращении ей исконного облика, существовавшего до крепостного права, а конкретно — о восстановлении мирского (волостного) самоуправления при личном владении пахотным наделом отдельными крестьянскими хозяйствами. Предполагалось ликвидировать именно фискально-бюрократическую опеку, в целом не свойственную русской общинной организации². Д.Б. Струков говорит о том, что столыпинская реформа укрепляла мелкую крестьянскую собственность. При этом разрушалась именно деформированная крепостническая традиция, в то время как «социальное ядро национального уклада — традиционная семья получала дополнительные стимулы»³.

Заметим, что Сибирь явилась примером учета Столыпиным региональных особенностей в проведении аграрных преобразований. Здесь крестьянская община многое сделала для приема переселенцев, организации землеустроительных работ. Столыпин отмечал, что Сибири нужна «не одна только мелкая крестьянская собственность.

¹Миненко Н.А. Роль крестьянской общины в организации сельхозпроизводства (по материалам Западной Сибири XVIII–XIX вв.) // Земледельческое освоение Сибири в конце XVII — начале XX вв. Трудовые традиции крестьян. Новосибирск: Наука, 1985. С. 50.

²Кузнецов Д.В. Аграрная реформа П.А. Столыпина и крестьянская община: новый взгляд на старую проблему // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2014. №1. С. 89.

³Струков Д.Б. Столыпин. М.: Вече, 2012. С.405–406.

Необходимо также обеспечить переселенцам соседство более культурных частновладельческих хозяйств, необходимо взаимодействие различных отраслей сельского хозяйства, обмен и соперничество между ними. Кроме прилива на окраины мускульного труда, необходим и прилив туда капиталов»¹.

В годы сельскохозяйственных реформ начала XX века в Сибири и, в частности, на Алтае сложилась мощная и жизнеспособная кооперативная система, сыгравшая важнейшую роль в экономическом, социальном и культурном прогрессе, внесшая значительный вклад в укрепление позиций России на мировом рынке. О взаимоотношениях общины и кооперативов в исторической литературе бытуют различные точки зрения. По мнению крупнейшего историка-аграрника Л.М. Горюшкина, община была связана со всеми процессами, происходящими в деревне². Именно на сельских сходах принимались решения о создании кооперативных заводов, на них же выбирались представители от «общества» для ведения дел. Маслодельные заводы были связаны с общиной земельными отношениями, все члены общины должны были сдавать молокозаводам по ценам, устанавливаемым общественными приговорами и пр. Таким образом, община часто была и участником, и непосредственным организатором кооперативов.

Благодаря реформе на Алтае довольно быстро выросло число маслоартелей (118) и потребительских обществ (153), объединившихся в 1916 году в Алтайский союз кооператоров. Всего в 1916 г. на Алтае было зарегистрировано 1972 кооператива. Более активно создавали кооперативы и участвовали в них землеустроенные и вышедшие из общины крестьянские хозяйства. Определенная свобода хозяйствования, помноженная на тяжелый труд, опирающийся

¹Газета «Свободный курс». 1994. 30 июня.

²Горюшкин Л.М. Крестьянская община и маслодельная кооперация в Сибири (конец XIX — нач. XX вв.) // Крестьянская борьба, общественное сознание и культура. Новосибирск: Наука, 1975. С. 187–206.

на многовековые традиции, давала значительные экономические плоды.

За 1907–1914 гг. в Сибирь переселилось 2 млн 440 тыс. крестьян. Население выросло на 153%. Реформа означала, по сути, новый этап заселения Сибири. Был осуществлен громадный социально-экономический скачок. Для сравнения, за период реформ посевные площади в европейской части страны увеличились на 6,2%, а в Сибири на 80%. По темпам животноводства Сибирь также обгоняла европейскую часть России. Так, журнал «Сибирское сельское хозяйство», издававшийся в Томске, писал: «В России невозможно встретить такие хозяйства, как в Сибири, обладающие 20 запряжными конями и 15 гулевыми, рогатого скота 20–30 голов. Какой угодно богатый российский мужик не в силах содержать такое хозяйство за отсутствием корма пастбищ»¹. Так, если в 1914 г. в целом по стране на 100 жителей приходилось 29,3 головы крупного рогатого скота, то в Томской губернии — 71,7².

В результате переселения в Сибири выросли тысячи новых сел. После поездки Столыпина в Сибирь в 1910 г. было построено 98 школ и 48 церквей. До 1906 г. в Сибири был 1–2 врача на уезд. Для сравнения, в европейской части один врач был на 288 кв. верст, а в Сибири на одного врача приходилось 19364 кв. версты. За годы реформ количество врачей и больниц в Сибири выросло в два раза. Большое значение для заселения Сибири имело также дорожное строительство. За 1906–1916 гг. в 4-х сибирских губерниях было построено, по данным отчетов Переселенческого управления, 12989 верст грунтовых дорог. За 1896–1905 гг. в Азиатской России было построено 1349 колодцев и 24 водохранилища, а с 1906 по 1915 гг. — 13771 колодец и 161 водохранилище. Стали проводиться мелиоративные работы в центральной и южной

¹Сибирское сельское хозяйство. 1915. №10. С.311.

²Сыщенко А.Г. Очерки истории здравоохранения Алтая / А.Г. Сыщенко, В. А. Сыщенко, Г. А. Миллер. Барнаул: АРТИКА, 2011. С.18.

части Барабинской степи, где было проведено 915 верст водоотводных каналов и канав¹.

Не забывались в годы хозяйственного подъема Сибири экологические вопросы хозяйствования. В годы столыпинских реформ осваивались труднообрабатываемые южные районы тайги. Раскорчевка леса под пашню была затратным и трудоемким процессом, тем не менее, крестьяне заботились о сохранении природного ландшафта. При вырубке деревьев они часто оставляли пни на месте, хотя это доставляло определенные неудобства при обработке почвы. Дело было не только в трудозатратности, но и в том, что свежескорчеванный пень нарушал верхний почвенный слой, поэтому пень удаляли через несколько лет, когда корни несколько подгнивали. Это позволяло сохранить верхний почвенный слой. Забота о земле-кормилице оставалась важным фактором крестьянской духовно-экологической культуры. Но было очевидно, что без научного подхода дальнейшее рациональное природопользование невозможно.

Большое внимание Столыпин уделял развитию агрономической науки. Осуществляемое масштабное переселение требовало всестороннего научного исследования используемых земель. Необходимо было изучить агрономический потенциал почв, определить конкретные варианты их сельскохозяйственного использования. Поскольку в Сибири земства отсутствовали, это могли обеспечить только государственные опытные станции и агрономы. Переселенческое управление стало инициатором создания в Сибири опытных станций и научно-исследовательских учреждений. В частности, на Томском губернском агрономическом совещании в 1913 г. было принято решение об учреждении Северного опытного поля в Мариинском уезде (со сметой в 14500 руб. на 1913 г. и 18340 руб. на 1914 г.). Также совещание обратилось с ходатайством

¹Пахомчик С.А., Фракин Р.В. Хозяйственное освоение Сибири в годы столыпинской реформы начала XX в. // Вестник ТГУ. Серия: История. 2009. № 4(8). С. 32.

в Департамент земледелия о создании областной опытной станции для Западной Сибири (в качестве предполагаемого места назывался Алтайский округ, Барнаул; позже Западносибирская станция была открыта в Омске). Относительно программ развития научных сельскохозяйственных учреждений отмечалось, что «в разряде опытных работ видное место с самого начала должно занимать сортоиспытание... а также селекция»¹. Таким образом, в Сибири появились первые опытные сельскохозяйственные станции.

Успех сибирской кооперации во многом был предопределен возможностью развивать свое индивидуальное хозяйство. Но откуда такое умение организовать хозяйственный процесс? Дело, на наш взгляд, помимо прочего, заключалось в особой крестьянской организации труда. Крестьяне сами всегда отвечали за конечный результат своей деятельности. Они сами давали себе хозяйственные задания и определяли средства их выполнения. Сами отвечали за свои ошибки, чреватые серьезными экономическими, социальными и бытовыми издержками. Отсюда и развитие наблюдательности, и поиск наилучших хозяйственных решений, и использование чужого позитивного опыта, и потребность в знании природных явлений. При этом, повторим, не были забыты и общинно-артельные традиции крестьянского хозяйствования и быта. Они получили новые импульсы к развитию, освободившись от фискально-крепостнической составляющей.

Первая мировая война и последующие революции прервали естественную эволюцию сельского хозяйства как страны в целом, так и Сибири; привели к изменению традиционных форм крестьянского труда, быта и культурной жизни. Сибирская деревня, как и российская в целом, ощутила на себе негативное влияние коллективизации. Однако, как

¹Елина О. От царских садов до Советских полей. История сельскохозяйственных учреждений 18–20-е гг. XX в. В 2-х т. Т. 2. М.: Эгмонт-Россия, 2008. С. 112.

показала практика выживания в суровых условиях Великой Отечественной войны, многие традиции не были забыты.

По мнению В.Т. Анискова, самый крупный вклад в продовольственный фонд государства внес важнейший зерновой регион тыла — Западная Сибирь. Государству в 1941 г. было сдано хлеба на 5 млн. пудов больше, чем в 1940 г. «Такой сбор хлеба при, казалось бы, катастрофическом сокращении людских и материальных ресурсов, мало сказать крупное — это восхитительное достижение сибиряков»¹. А обеспечить это достижение должны были сельские труженики, оказавшиеся фактически в экстремальных условиях. Здесь на помощь пришли традиционные практики хозяйствования, которые оказались еще не утерянными. Были живы носители этих традиций, которым на начало войны было по 70–80 лет. Именно они явились трансляторами социального и экологического опыта, помогали организовать хозяйство и быт в пограничной ситуации, ведь необходимо было не только физически выжить, но и найти силы производить сельскохозяйственную продукцию для фронта. Заметим, что крестьянство в годы войны было лишено государственной поддержки. На государственное снабжение население деревни не принималось. Централизованные фонды хлеба и других продовольственных товаров в небольших количествах выделялись только для сельской интеллигенции. Каждый крестьянский двор в годы войны облагался натуральным государственным налогом в форме обязательных поставок зерна, мяса, молока, яиц, картофеля, шерсти и др. Цены, по которым государство закупало сельскохозяйственную продукцию, были символическими. В 1943 г. был увеличен размер денежного сельскохозяйственного налога. В целом за годы войны доля налогового обложения сельского населения увеличивалась в 5 раз, а в расчете на один колхозный двор, не

¹Анисков В.Т. Крестьянство против фашизма 1941–1945. История и психология подвига. М.: Памятники исторической мысли. 2003. С.129.

имевший льгот, — в 6 раз¹. И в этих тяжелейших условиях крестьянство сумело выжить.

По мнению Т.К. Щегловой, в годы войны развитие огородничества как доминанты семейной экономики стало важнейшим фактором выживания, повлияло на все стороны крестьянского труда и быта. Деревня вновь вернулась к традициям свободного и сознательного коллективного труда — к «труду вкладчину», к «помочам»². Сибирское крестьянство решало проблемы голода и холода, опираясь на традиционную культуру жизнеобеспечения. Поскольку в годы войны изменился половозрастной состав села, распределение трудовых семейных обязанностей также осуществлялось с опорой на традиции сельского мира. Раннее вовлечение детей в трудовые производственные отношения вновь стало нормой. Также в годы войны сельскому социуму пришлось вернуться к промысловой деятельности. Сельский мир достаточно быстро адаптировался к сложным условиям войны благодаря тому, что имелись знания и навыки решения проблем с опорой на «кормящий ландшафт». Т.К. Щеглова отмечает, что «у русского населения собирательство являлось частью трудовых традиций, начиная с освоения Сибири»³. Основой собирательства стал традиционный опыт, адаптированный к местным природно-климатическим условиям и дополненный навыками, заимствованными у коренного населения. Сбор съедобных дикоросов проходил под контролем взрослых, знающих особенности ландшафта. Во многом благодаря этим

¹Кондрашин В.В. Крестьянство и сельское хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны // Известия Самарского научного института РАН. Т.7. 2005. № 2. С.227.

²Щеглова Т.К. Культура жизнеобеспечения сельского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации по материалам полевых исследований 2015–2017 годов // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье (археология, этнография, устная история): 2017 год. Материалы XIII межд. научно-практич. конф. Барнаул: Горно-Алтайский гос. ун-т, 2018. С. 197.

³Там же. С. 198.

традиционным знаниям и навыкам крестьянству удалось выжить в экстремальных условиях.

Осуществлявшаяся в послевоенные годы переориентация деятельности хозяйств, их специализация без учета особенностей природного ландшафта и экологического опыта предков привела к многочисленным экологическим ошибкам и перегибам.

Так, в годы освоения сибирской целины практически не учитывалась специфика сухостепного земледелия. Сюда были механически перенесены методы отвальной обработки почвы из центральных районов страны. Вследствие этого эрозийные процессы и пыльные бури нанесли в 60-е годы заметный экологический ущерб природному ландшафту Сибири. В частности, в результате действия ветровой эрозии в районах Кулундинской степи в 1963–1965 гг. было выведено из обработки около 500 тыс. га пашни, а всего по Алтайскому краю — 658 тыс. га¹. Учет местной среды (микrokлимата, рельефа, почвы и т.д.), благоговейное отношение к земле как к живому существу, о чем мы писали выше, сменились идеологией грубого покорения природы. Чего только стоил известный партийный тезис «Мы не можем ждать милости от природы; взять их у нее — наша задача!». Большой вред сельскому миру нанесла и так называемая ликвидация «неперспективных» деревень, случившаяся во многом из-за командно-административного стиля управления страной.

Очевидно, что сегодня решение экологических проблем, переход к устойчивому развитию сельских территорий возможен только при использовании новейших технологических достижений. Однако при этом настоятельно необходимо учитывать опыт предшествующих поколений. Этот опыт ценен, прежде всего, тем, что учитывает природно-климатическую среду, берет поправку на хозяйственную емкость «кормящего» ландшафта. К огромному пласту

¹Бурлакова Л.М. Плодородие алтайских чернозёмов в системе агроценоза. Новосибирск: Изд-во «Наука», Сиб. отд., 1984. С.198.

эмпирических знаний, накопленных крестьянством, следует относиться как к значительному пласту культуры, которая является уникальным средством адаптации к окружающей среде. Безусловно, хозяйственный и социально-экологический опыт сибирского крестьянства был вписан в уже оставшиеся в прошлом технологические и социальные отношения, но при всех успехах современных технологий жизнь людей, особенно живущих на селе, остается теснейшим образом связанной с природным окружением и с биосферными законами, с которыми должны быть согласованы законы экономические и социальные.

По-прежнему актуальны традиции крестьянского экстремального выживания и огородничества. Не секрет, что пандемийные времена вновь активизировали дачную и огородную жизнь людей. Использование здесь традиционных приемов, адаптированных к местным условиям, может оказаться весьма эффективным.

Большую практическую ценность сохраняют также традиционные навыки эффективного использования микроландшафта и микроклимата местности; опыт рационального отношения между земледелием и животноводством, специфический для каждого региона; биологические методы борьбы с вредителями; длительные погодные наблюдения, сформировавшие народный сельскохозяйственный календарь, и многое другое. В данном контексте представляется весьма важным **изучение опыта сибирской сельской общины по сбережению и рациональному использованию ресурсов окружающего природного ландшафта**, особенно в современных условиях глобального цивилизационного кризиса. Помимо рационального использования местных природных условий хозяйствования, этот опыт важен и с общегуманитарной точки зрения, поскольку предполагает высокую экологическую культуру и взаимную ответственность всех членов общества.

§3. Сельский образ жизни как один из источников новых цивилизационных отношений

Осмысливая стратегию духовно-экологического развития, необходимо поставить вопрос о сохранении и новом импульсе развития сельских территорий. Появление новых городов, рост мегаполисов свидетельствует о том, что городской уклад жизни стал основным для населения планеты. Развитие крупной промышленности, внедрение технологических разработок, расширение сферы потребительских услуг было бы невозможно без сосредоточения людских масс в крупных населенных пунктах. Но урбанизация, без которой немислимо существование техногенно-потребительского общества, имеет свои пределы роста. И чем больше город поглощает село, тем более уязвимой становится вся наша цивилизация. Современная ситуация с пандемией коронавируса дает основания предполагать, что неизбежен противоположный процесс деурбанизации. При этом его следует рассматривать не только как одну из черт нынешнего социально-экономического кризиса, но и как начало становления принципиально новых цивилизационных отношений, о которых мы писали выше.

Еще основоположник изучения феномена деурбанизации американский социолог и социогеограф Б. Берри датировал старт этого нового процесса 70-ми годами прошлого века. Он отмечал такие его признаки, как стабилизацию численности сельского населения, опережающий рост периферийных областей по сравнению со столичными. Сегодня данная тенденция характеризуется исследователями как трансформация города в некие постурбанистические формы¹. Процесс деурбанизации (или постурбанизации) — это не только и не столько возникновение принципиально новых

¹Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.И. Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. 2015. № 12. С.60–69.

форм жизнедеятельности, сколько возвращение на новом уровне к вечным ценностным константам сельского труда и быта, обладающими явным или латентным духовно-экологическим цивилизационным потенциалом¹.

Размышляя над механизмом и принципами становления духовно-экологической цивилизации, ее теоретики сделали упор на выделении ключевых территорий, к которым по праву можно отнести Алтай, да и всю Сибирь². Конечно же, не только определенные территории, но и, главное, определенный образ жизни является обязательным условием реализации духовно-экологической будущности общества. Таким потенциалом все еще обладает сельский образ жизни, который опирается на проверенные временем социальные, мировоззренческие и хозяйственно-экологические традиции крестьянства, о которых мы упоминали выше. Речь в данном случае пойдет о традициях русского и, прежде всего, сибирского крестьянства.

Наш ключевой тезис состоит в том, что ценностно-мировоззренческие установки, являющиеся базовыми для сельского образа жизни, во многом отвечают формату новых цивилизационных отношений. Важнейшей среди них является близость к природе и возможность реализовать ***природоцентристские ценности***. По результатам социологического опроса, проведенного в 2020 году среди студентов аграрных вузов Сибири³, жить в экологически благоприятной природной среде считают важным 83% респондентов⁴. Но чтобы выстроить природоцентристскую

¹Тема возвращения к традициям в нынешней ситуации глобальной неустойчивости будет также затронута в Приложении 3 данной монографии.

²Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. На путях к новой цивилизации (очерки духовно-экологического мировоззрения). Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2014.

³Целостный концептуальный анализ его результатов дан выше, в 6 главе данной монографии.

⁴См.: Иванов А.В., Артамонова Т.А., Каланчина И.Н. Сибирь как ключевой локус перехода от техногенно-потребительской к духовно-экологической цивилизации // Сибирский философский журнал. 2020. Т.18. №4. С.60–76.

траекторию собственной жизни, нужны определенные волевые усилия и сознательная перестройка жизненного уклада. Жизнь на селе естественным образом способствует реализации этой установки при условии, что человек не только ясно осознает свою духовную связь с природой, но и ответственно действует как разумный пастырь природного бытия, хранящий и актуализирующий его жизненные силы и энергии.

Достаточно глубоко это прочувствовал и выразил П.А. Флоренский в своей известной работе «Общечеловеческие корни идеализма»: «...С природою крестьянин живет *одною* жизнью, как сын с матерью, и эти отношения его к природе то любовны, нежны и проникновенны, то — исполнены странной жути, смятенья и ужаса, порою же властны и своевольны... Это не сантиментальное вздыхание по природе. Нет, это на деле жизнь с нею — жизнь, в которой столько черной работы и житейской грубости и которая тем не менее в глубине своей всегда носит сосредоточенность и подлинную любовь... Травы, птицы, деревья, насекомые, всякие растения, всякие животные, земля, вода — каждая стихия вызывает к себе непонятное, благоуханное сочувствие»¹. И действительно, традиции сельской жизни по самой сути своей основаны на единении с природой, на вписанности хозяйственной деятельности человека в природные циклы, на знании особенностей местного климата и ландшафта, о чем мы писали выше.

Сегодня эти экологические знания и жизненные принципы требуют нового научного осмысления и практической актуализации в условиях кризиса потребительской цивилизации и зарождающихся процессов деурбанизации.

Также для сельского образа жизни важна ***ценность непосредственного человеческого общения и***

¹Флоренский П. А. Сочинения в 4-х томах: Том 3(2) / Сост. игумена Андроника (А. С. Трубачева), П. В. Флоренского, М. С. Трубачевой; ред. игумен Андроник (А. С. Трубачев). М.: Мысль, 2000.

взаимопомощи. 80% опрошенных студентов считают важным иметь хорошие отношения с соседями, друзьями и коллегами. Городская среда вследствие скученности, как это показал еще К. Лоренц в работе «Восемь смертных грехов современного человечества», лишает людей радости непосредственного общения: «Все мы, живущие в густонаселенных культурных странах и тем более в больших городах, уже не осознаем, насколько не хватает нам обыкновенной, теплой и сердечной человеческой любви. Нужно побывать в действительно безлюдном краю, где соседей разделяет много километров плохих дорог, и зайти незваным гостем в какой-нибудь дом, чтобы оценить, насколько гостеприимен и человеколюбив бывает человек, когда его способность к социальным контактам не подвергается длительной перегрузке»¹.

В отличие от городских форм межличностной коммуникации, чаще всего опосредованных, живое, непосредственное человеческое общение на селе во многом способствует открытости и душевной близости между людьми. Человек здесь не может скрыть свой истинный лик за завесою соцсетей: он предстает перед людьми таким, каков он есть на самом деле. В сельских поселениях силен социальный контроль за поведением человека, так как каждый эпизод жизни сельского жителя может стать объектом для оценки со стороны окружения². При этом непосредственное общение, обнажая все грани личности, стимулирует у нее психологический и нравственный самоконтроль, необходимый для того, чтобы быть принятым обществом. На селе человек предстает перед другими не одной своей гранью, скажем, как специалист-профессионал или сосед по лестничной площадке, а именно как цельная личность со всей сложной гаммой своих позитивных и негативных качеств. Соответственно, непосредственные отношения между людьми

¹Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // Лоренц К. Обратная сторона зеркала. М.: Республика, 1998. С.94.

²Ефимова А.А. Образ жизни сельского жителя // Молодой ученый. 2015. № 20 (100). С. 411–414.

оказываются многогранными, затрагивают разные стороны личности. На селе невозможно создать «атомарное» общество и вести изолированную жизнь, а значит, человек всегда будет ощущать себя частью социума и реагировать на все его проблемы. Как говорили русские крестьяне в старину, «миром все снесем», «что миром положено, так тому и быть», «что мир порядил, то Бог рассудил», «с миром и беда не убыток».

Конечно, современное состояние российского и сибирского села не стоит идеализировать. Здесь сегодня хватает фактов и коммерческого отчуждения между людьми, и социальной деградации целых деревень и районов. Однако именно опора на личностные связи, на совместную ответственность за свои семьи и свою землю позволяет многим хозяйствам не просто выживать, но успешно развиваться даже в малоблагоприятных условиях российского рынка и недостаточного внимания к жизни села со стороны местных и федеральных органов власти. Так, фермер из Смоленского района Алтайского края Владимир Любимов накануне Нового года поощряет своих сотрудников премиями за хорошую работу. В 2021 году он решил ввести новую традицию — дарить лучшим работникам автомобили. Средняя годовая зарплата в хозяйстве у Любимова более 60 тысяч рублей¹. И это не единичный пример социальной ответственности современных российских фермеров и кооперативных хозяйств, которые помогают при строительстве школ, больниц, храмов, благоустройстве территории села и снабжении продуктами питания удаленных и малочисленных деревень, где проживают фактически одни старики².

Сельский мир, представляя собой особый тип хозяйствования и образа жизни, является и важнейшим *сосредоточием культурных традиций и исторической*

¹«Щедрый фермер из Алтайского края взорвал интернет» // Вести-Алтай: URL: <https://vesti22.tv/news/shchedryy-fermer-iz-altayskogo-kraya-vzorval-internet/>

²«О проблемах и достижениях потребительской кооперации в Алтайском крае» // «Алтайская правда», 5 июля 2020 г.

*памяти народа*¹. Здесь сохраняется преемственность семейного уклада и социально-бытовых устоев. Городские семьи в основной массе утратили эту преемственность. В селе, даже если ребенок и не идет в профессиональном плане по стопам родителей, традиции ведения личного подсобного хозяйства, устройства быта, организации семейных праздников все же перенимаются им от старшего поколения. Поэтому специфика сельской жизни способствует *сохранению семейственности и преемственности поколений*. Разрыв с традицией и все усиливающаяся межпоколенческая дистанция является еще одним фактором социальной нестабильности и нравственной деградации современной цивилизации, который она должна преодолеть. Как уже было отмечено в предыдущей главе в анализе жизненных ориентаций студентов аграрных вузов, для сибирской молодежи, как сельской, так и городской, важно иметь доступное и непосредственное общение с родственниками и друзьями. Наибольшее число опрошенных отметило это в качестве основной причины, препятствующей их переезду в другие регионы.

Анализ данных социологических исследований показывает также, что ценности, связанные с семьёй и браком, выражены у жителей села в большей степени, чем у жителей городов. Исследователи фиксируют усиление этой тенденции и отмечают, что если переход к рыночным отношениям в России в 1990-е годы внёс изменения в систему ценностей сельского населения, где главную роль стал играть материальный достаток, то в 2000-е годы, когда ситуация в стране в целом стабилизировалась, ценность семьи опять заняла одно из первых мест в иерархии ценностей. Повысилась также ценность дружбы и хороших отношений в коллективе по сравнению с престижной и высокооплачиваемой работой. Так, Т.Г. Евдокимова пишет: «Нельзя с уверенностью утверждать, что в ближайшем

¹Иванов А.В., Журавлева С.М. Крестьянский мир как особый тип хозяйствования и образ жизни // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2013. № 8 (106). С. 126–129.

будущем произойдёт переход к традиционным ценностям, однако отмеченный факт подтверждает важность пристального внимания к процессам в ценностном сознании сельского населения со стороны государства, общественных организаций и органов местного самоуправления»¹.

Сельский уклад — это еще и полноценная возможность **реализации здорового образа жизни** в самом широком его понимании. Системный кризис современного урбанизированного общества все острее ставит вопрос о сохранении телесного и духовного здоровья человека. Загрязнение окружающей среды подрывает наше физическое здоровье, а безудержный информационный поток, ускорение ритма жизни, оторванность от природы создают повышенную психоэмоциональную нагрузку. На наш взгляд, анализ опыта прошлых поколений, особенно крестьян-переселенцев Сибири, которые в тяжелых природно-климатических условиях смогли выработать высокую работоспособность, выносливость, особый стрессоустойчивый характер, поможет найти выход из сложившейся ситуации².

Мода на здоровье становится все популярнее в молодежной среде: иметь хорошее здоровье считают для себя важным 90% опрошенных студентов. Но эта установка требует более масштабного истолкования. Очень хорошо, что молодежь массово бросает курить и употреблять спиртное; посещает фитнес-клубы и выходит кататься на лыжах, но, например, сквернословие в молодежной среде носит тотальный характер, а систематическое чтение художественной литературы, особенно классической, является скорее исключением из правил. Вряд ли

¹Евдокимова Т.Г. Ценности и ценностные ориентации сельского населения России // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 98.

²Особый интерес в этом плане представляет опыт адаптации в Сибири такой конфессиональной группы русских крестьян, как староверы. Подробнее см.: Артамонова Т.А. Основа духовного и физического здоровья уймонских староверов: историко-ретроспективный и социально-философский анализ // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. 2019. № 5 (16). С. 41–47.

о *духовном здоровье* свидетельствуют бесконечная пустая болтовня и выставление своих селфи (квинтэссенция культа пустого эго!) в социальных сетях, а также стремление выделиться любой ценой, получить как можно больше «лайков».

Как все чаще признается, **здоровый образ жизни — это не только физическое, но и духовное здоровье личности.** Появляется все больше исследований¹, подтверждающих, что здоровье человека зависит не только от адекватной физической нагрузки, правильного питания и отказа от вредных привычек, но и от интеллектуального развития, нравственных принципов, умения сохранить позитивный психоэмоциональный настрой. В том обществе, где приоритет отдается духовным ценностям, удовлетворяющим высшие потребности человека в истине, добре, красоте и справедливости, где культивируются традиционные семейные и социальные ценности, естественным образом поддерживается здоровье личности. Этот важнейший аспект здорового образа жизни сегодня, на наш взгляд, особенно важен. Он нуждается в донесении до сознания молодежи и требует проведения соответствующей информационной политики на государственном уровне.

§4. Ценности сельской жизни как преграда гедонистическим и индивидуалистическим жизненным установкам

Потребительская ориентация современного общества особенно пагубно влияет на молодежь. Это, в первую очередь, проявляется в стремлении к комфортной и обеспеченной жизни, лишенной любых трудностей и напряжения. Как показали междисциплинарные исследования основных особенностей

¹См., напр.: Гундаров И.А. Демографическая катастрофа в России: причины и пути преодоления // Почему вымирают русские: Последний шанс: сб. / Под общ. ред. И.В. Бестужева-Лады. М.: Эксмо: Алгоритм, 2004; Гундаров И.А., Пономарева Е.Г., Левашова М.А., Гундаров Б.И. Психодемография / Н.Н. Кузьмина (ред). М.: Академия труда и социальных отношений, 2020 и др.

социально-экономической модели поведения в России поколения Z (поколения, рожденного в 2003–2023 гг., по определению Н. Хоува и Т. Штрауса), среди молодежи господствует установка на гедонизм, которая распространяется и на трудовую деятельность. «Работа должна быть в радость и, конечно, приносить доход, но не отнимать много времени: “вкалывать” молодые люди не готовы. Слова “карьера” и “престижная работа” в ответах практически не звучат. Главные ожидания от будущего — комфорт и спокойствие»¹.

Сельский уклад жизни способен естественным образом преодолеть эти мировоззренческие и морально-психологические деформации, так как его основной ценностью все еще остается *производительный труд и живое общение*. Еще К.Д. Ушинский писал, что труд является нравственной категорией, преобразующей душу человека. Урбанистический образ жизни нивелирует ценность труда, особенно производительного, что накладывает отпечаток и на отношение к труду у определенной категории сельских жителей. Конечно, современный сельский образ жизни все еще остается более трудоемким, чем городской; прослеживается большая слитность труда и быта при ведении подсобного хозяйства; ограниченность набора занятий в свободное время. Но сельский житель с детских лет так или иначе развивает в себе качество трудолюбия. Поэтому студенты-агрономы Алтайского ГАУ при проведении экспресс-опроса² на вопрос: «Важно ли для современного молодого человека трудолюбие?» ответили следующее: «Безусловно, трудолюбие является залогом успеха. И конечно оно необходимо современному человеку. Ничего в жизни не дается просто так, только труд приведет тебя к нужной цели и результату».

¹Башина О.Э., Васютина Е.С., Матраева Л.В. Трансформация экономической и трудовой модели поведения современной молодежи в условиях становления цифрового общества //Знание. Понимание. Умение. 2018. № 3. С. 139.

²Экспертный опрос также проводился в рамках уже упоминавшегося социологического исследования ценностных ориентаций студентов аграрных вузов Сибири на базе Алтайского государственного аграрного университета.

«Трудолюбие внушают нам с детства родители для того, чтобы мы могли стать самостоятельными в будущем. Трудолюбие помогает человеку саморазвиваться». «Да, нужно, так как без него невозможно достичь каких-либо результатов. Однако без природных способностей, таланта или предрасположенности даже с трудолюбием трудно добиться успеха в нашей жизни».

Анализ результатов экспресс-опроса позволяет сделать вывод, что для сибирских студентов-аграриев, по крайней мере, теоретически, на уровне идеала, важными все еще остаются такие черты характера, как трудолюбие, упорство в достижении цели, настойчивость. Исследования, проведенные еще в 2004 г. в Красноярском государственном педагогическом университете им. В.П. Астафьева, дали близкие результаты: студенты в качестве основных черт сибирского характера также отмечали трудолюбие и целеустремленность¹.

Следует подчеркнуть, что в первую очередь **именно аграрный труд преобразил Сибирь, превратив ее из места каторги и хищнического присвоения природных богатств в регион созидательного труда.** Уже к концу XVIII в. усилиями русских крестьян Сибирь стала территорией с преобладанием сельских жителей, занимавшихся земледелием даже в тех районах, где никогда ранее не знали хлебопашества и огородничества. Как отмечал один из видных советских специалистов по истории крестьянства в Сибири В.И. Шунков, «в то время как служилая бюрократия, промышленные и торговые люди занимались выкачиванием из Сибири пушнины, подрезая часто самые основы промыслового хозяйства местного населения, крестьянство несло сюда свои производственные навыки и развивало здесь земледелие»². Показательно, что наиболее тесные и

¹Сибирский характер как ценность: коллективная монография / под общ. ред. М.И. Шиловой. Том 1. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2004. С.68.

²Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII веков. Москва-Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1946. С. 226.

добрососедские контакты у русских переселенцев складывались с теми сибирскими народами, которые отличались трудолюбием, готовы были прилежно усваивать чужой хозяйственный опыт и щедро делиться своим¹.

Важно также отметить, что сельский уклад жизни основан на **коллективистских ценностях**. Сложность ведения сельского хозяйства в суровых природно-климатических условиях внутренней Евразии породила поиск оптимальной социально-бытовой и хозяйственно-экономической организации, какой в России явилась община. Первым, кто обратил внимание на специфику устройства крестьянской общины и ее роль в жизни российского общества, был известный философ-славянофил А.С. Хомяков. В 1842 году в статье «О сельских условиях» он рассматривает особенности русской крестьянской общины, которая, по его мнению, возникает естественным образом и является продуктом самостоятельности самих крестьян. Община для русского крестьянина была оплотом не только хозяйственной, но и нравственной жизни². Несмотря на то, что в конце XIX века в царской России в ходе аграрных реформ общинные отношения подверглись значительной трансформации, за Уралом до самой революции преобладала община. И даже в ходе столыпинских реформ крестьяне, вышедшие из общин в центральных губерниях и переселившиеся в Сибирь, в частности, на Алтай, вновь вступали в сельскую общину, желая все вопросы землепользования решать «миром»³. Общинный тип жизни формировал сплоченность и социальную ответственность, взаимопомощь.

¹Сибирский характер как ценность. С.32.

²Артамонова Т.А. «Коллективная совесть» как основной фактор поддержания социального порядка в крестьянском мире // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). 2020. № 4 (26). С. 7–12.

³Якимова И.А. Эволюция форм административной податной общины и систем распределения платежей и повинностей (по материалам Алтайского горного округа второй половины XIX в.) // Современное историческое сибиреведение XVII — начала XX вв. Выпуск 2. Барнаул: Азбука, 2008. С. 174–185.

Эти качества позволяли русским крестьянам-переселенцам выжить и адаптироваться в новых для них суровых климатических условиях Сибири.

Общинные традиции не умерли, а продолжали существовать и специфически развиваться в условиях социалистической России. Как считают исследователи, общинные устои в XX веке вышли далеко за рамки землепользования и буквально пропитали собой весь уклад жизни советского человека. «...Русские крестьяне, вытесненные в город в ходе коллективизации, восстановили общину на стройке и на заводе в виде “трудового коллектива”. Именно этот уникальный уклад со многими крестьянскими атрибутами (включая штурмовщину) во многом определил “русское чудо” — необъяснимо эффективную форсированную индустриализацию СССР»¹. Дух коллективизма поддерживался государственной идеологией и естественным образом сочетался с устоями народной жизни. Всё это в той или иной форме сохранялось на селе вплоть до эпохи так называемой «перестройки».

Сегодня мы, к сожалению, наблюдаем, что «...село выступает если не последним оплотом общинного образа жизни, то точно последней территорией, где реализуется традиционный образ жизни и где все элементы традиционной культуры могут быть максимально воспроизведены»². Традиционные ценности прошли проверку временем и показали свою жизнеспособность на длительном историческом отрезке времени; они вплетены в народный уклад жизни и, подвергаясь объективным изменениям, могут сохранить свою суть, проявляясь через новые формы. Так, ценность коллективизма за XX век прошла путь развития от крестьянской земледельческой общины, через советскую

¹Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. От начала до Великой Победы. М.: Эксмо, Изд-во Алгоритм, 2005. С. 30.

²Зазулина М.Р. Сельский локальный этнический: этнолокальные сообщества как предмет современного междисциплинарного исследования // Сибирское измерение российской философии: школы, направления, традиции: Сб. научных трудов Всероссийской научной конференции «VIII Сибирский философский семинар». Новосибирск: изд-во НГУ. 2019. С. 95.

коллективную форму хозяйствования до современных аграрных кооперативных хозяйств. За воплощением этой ценности в индивидуальной и социальной жизни — будущее человечества, так как форма добровольного единения подразумевает отказ от эгоизма и утверждение принципа общего блага; смену рыночных конкурентно-конфликтных капиталистических установок на кооперацию и сотрудничество. Классик кооперации М.И. Туган-Барановский писал: «Общество должно до конца превратиться в **добровольный союз свободных людей** — стать насквозь свободным кооперативом. Таков социальный идеал, который полностью никогда не будет достигнут, но в приближении к которому и заключается весь исторический процесс человечества»¹.

В сегодняшней сложной ситуации, когда индивидуалистические установки все более расшатывают не только западное, но во многом и российское общество, необходимо новое осмысление традиций крестьянских общинных отношений с позиций их цивилизационного потенциала, творческого развития и общественной поддержки в современных условиях.

По мнению большинства исследователей, Россия — страна с традиционно выраженным приоритетом коллективистского начала, и «...одним из очевидных преимуществ так называемого “традиционного” общества в смысле жизненной устойчивости является чувство здорового коллективизма — укорененности в общественном организме, восприятие личности себя как части целого»². Поэтому для сохранения стабильности социального климата российского общества в целом и российского села, в частности, для дальнейшего развития и гармонизации общественных

¹Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. М.: Экономика 1989. С.449.

²Каланчина И.Н., Артамонова Т.А., Пуревсурен Ц. Соборность как инвариант в системе ценностей современных студентов России и Монголии // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 6 (49). С. 518.

отношений необходимо, в первую очередь, закреплять среди молодежи коллективистские ценности. Руководству образовательных учреждений необходимо делать акцент не на развитии исключительно лидерских качеств, а на умении молодежи работать в команде, заботиться о своей семье, друзьях, родных, ценить взаимопомощь в коллективе.

§5. Некоторые проблемы современного сельского социума и возможные пути их решения

Уклад жизни сельского населения является предметом исследования многих ученых из разных областей гуманитарного знания. И это не только теоретический интерес: ведь от решения исследовательских задач, разработки методик, составления прогностических моделей и рекомендаций зависит жизнь огромной части населения России и, в первую очередь, таких ее аграрных регионов, как юг Западной Сибири. Как уже отмечалось выше, сельский образ жизни имеет особый цивилизационный потенциал, и он, несомненно, должен поддерживаться и развиваться за счет притока на село молодых кадров, прежде всего, выпускников аграрных вузов. Наше социологическое исследование, к сожалению, выявило и целый ряд тревожных тенденций в развитии сибирского сельского социума, о чем говорилось выше

Так, характерной чертой является все усиливающийся отток молодежи из села. Указанное выше исследование 2020-го года показало, что 41,7% опрошенных студентов до поступления в вуз жили в селе, но сельским жителем себя считает лишь половина из них (из общего числа респондентов каждый пятый — 21,2%). При анализе системы жизненных ценностей молодежи лишь 20% респондентов считают для себя важным жить в сельской местности. Таким образом, только каждый пятый выпускник аграрных вузов при определенном стечении обстоятельств готов жить и работать

на селе¹. По данным Сибирского института молодежной политики и социальной работы, более 30% сельской молодежи не удовлетворены уровнем жизни и не включены в социальные отношения села².

Что больше всего отталкивает молодежь в сельском образе жизни — напряженный труд и отсутствие больших доходов, необустроенность бытовой и досуговой сфер или невозможность легко сделать карьеру? Эти вопросы обсуждались в экспертной группе студентов. Опрос показал, что даже при улучшении социально-экономического положения сельских территорий большая часть выпускников все же не планирует возвращаться в село. Очевидным становится вывод о том, что не столько социально-экономические и хозяйственно-бытовые особенности сельской жизни влияют на жизненный выбор молодежи. Сам сельский уклад несовместим с гедонистическими и потребительскими жизненными установками, под влиянием которых, к сожалению, находятся сегодня многие молодые люди.

Отток населения и, прежде всего, молодежи грозит сельским территориям «обезлюдиванием», что, в свою очередь, ведет к снижению уровня освоения аграрных ресурсов. Сложность ситуации обусловлена еще и тем, что, наряду с депопуляцией, на селе разворачивается процесс внедрения наукоемких агротехнологий, требующий наличия высококвалифицированных кадров. Аграрные вузы затрачивают значительные материально-технические средства, открывая новые лаборатории и специализированные классы для подготовки современных специалистов, но эти меры рискуют оказаться неэффективными в условиях потери

¹См.: Иванов А.В., Артамонова Т.А., Каланчина И.Н. Сибирь как ключевой локус перехода от техногенно-потребительской к духовно-экологической цивилизации // Сибирский философский журнал. 2020. Т.18. №4. С.71.

²Новикова Ю.О., Сулейманова Ф.Г. Социальная база государственной молодежной политики в сельских районах // Регион: экономика и социология. 2014. № 4. С. 153–167.

профессиональной престижности и социальной привлекательности сельского образа жизни.

Отмеченная выше позитивная тенденция к деурбанизации носит пока стихийный характер; инициируется, к сожалению, в основном, городским населением и не получает адекватной поддержки со стороны государства. Само же сельское население, особенно сибирское, пока стремится переехать в города и в европейскую часть России, где, несомненно, выше качество жизни.

В село же, в основном, едут городские семейные пары, уставшие от суеты, ускоренного ритма жизни, шума и сутолоки. Они привносят новые тенденции в сельский уклад, и поэтому процесс деурбанизации ошибочно воспринимать лишь как расширение традиционных сельских поселений. Как показывают исследования, сегодня налицо широкий спектр сельских поселений, которые включают как традиционный уклад, так и модернизированный¹. Критерием такого деления являются изменения в образе жизни и формах хозяйствования. Традиционный сельский образ жизни построен исключительно на сельскохозяйственном труде, в модифицированных вариантах он дополнен или заменен работой в удаленном режиме или предоставлением рекреационных и туристических услуг. Село в современных социально-экономических условиях способно адаптироваться и трансформироваться в разных направлениях, в частности, в рекреационном, что становится особо востребованным в современной эпидемиологической обстановке и в ситуации роста показателей экологического неблагополучия городов. Все больше примеров, когда сельские поселения образуются вокруг крупных перерабатывающих предприятий, причем, само предприятие устраивает не только жилой комплекс с современной инфраструктурой, но и социальные и культурно-досуговые объекты: библиотеки, детские сады, школы, дома культуры.

¹Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.И. Урбанизация, дезурбанизация и село-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. 2015. № 12. С.60–69.

Как отмечалось в первой главе монографии, необходима тщательно продуманная государственная программа развития российского села, особенно сибирского, где важны не только финансово-организационная, инфраструктурная и технологическая части, но именно масштабная информационная поддержка сельского труда и образа жизни. Российское село должно стать безусловным государственным приоритетом, если учесть стратегические духовно-экологические цивилизационные задачи, стоящие перед нашей страной, и осевое положение Сибири в этом процессе.

В качестве конкретных мер противодействия отмеченным выше негативным тенденциям можно *рекомендовать* усиление пропаганды сельского образа жизни среди сибирской студенческой молодежи. Регулярными мероприятиями могут стать конкурсы студенческих исследовательских работ, авторских фильмов о выдающихся выпускниках аграрных вузов, работающих по специальности в аграрном секторе; знакомство с опытом успешных молодых семей, живущих на селе. Решение проблем социально-экономического развития сельских территорий невозможно также без смены мировоззренческих ориентиров у молодежи. Это работа на будущее, которая требует не только сохранить устои и традиции сельского образа жизни, но и наполнить их новым цивилизационным содержанием, адекватным вызовам современной эпохи.

Важным социально-демографическим показателем при оценке потенциала сельских территорий является более высокий уровень рождаемости среди сельского населения. В городах только 5% семей являются многодетными, а в сельской местности 13% людей имеют трех и более детей¹. Проведенный опрос среди студентов аграрных вузов Сибири показал, что иметь хорошую, дружную семью считают для себя важным 90% респондентов. Но при этом тревожным

¹Новосёлова Е.Н. Традиционная семья в большом городе: социальный атавизм и необходимая ценность // Вестник Московского государственного университета. Сер. 18. Социология и политология. 2014. № 4. С. 166–188.

фактором является то, что уровень внебрачной рождаемости в городе ниже, чем в сельской местности. Поэтому в аграрных вузах необходимо поставить в качестве одной из актуальных воспитательных задач укрепление нравственного облика сельской семьи. В этом плане интересен опыт Алтайского государственного аграрного университета, где проводится конкурс студенческих работ «Трудовой и нравственный подвиг сельских женщин», приуроченный к Международному дню сельских женщин. Праздник сельской женщины незаслуженно обойден стороной в аграрных регионах, а ведь именно на женских плечах лежит тяжелая ноша развития села, сохранения его как культурного очага, как оплота лучших трудовых и нравственных традиций России. Порой для студентов становится целым откровением история жизни их бабушек и прабабушек. С одной стороны, им хорошо знакома жизнь сельской женщины, которая проходит на их глазах, но, с другой стороны, если бы не подготовка к конкурсу, как рассказывают позже многие участники, то они бы так и не узнали о том, что пришлось пережить их родным и близким. «В моём родном селе Победа было много тружениц тыла, — написала в своей работе Озерова Марина, — но информация о них утеряна. И известно только о нескольких. А в живых осталась только одна — Колодко Анна Ивановна, которая награждена медалями “Труженик тыла” и “Ветеран труда”». Во всех студенческих работах сквозит основная мысль о том, что для молодежи судьбы женщин войны являются прямым подтверждением силы духа, стойкости и мужества народа. А судьбы сельских женщин, трудовой подвиг которых продолжался и после войны, — это пример особой нравственной стойкости и женского величия.

Опираясь на концепцию Э. Фромма, изложенную им в работе «Иметь или быть?» о наличии двух жизненных ориентаций современного человечества, можно утверждать, что сельский образ жизни *наиболее приближен к бытийной ориентации личности*. Он по природе своей нацелен на созидание, обеспечивая основы культурного, социального и семейного воспроизводства общества, способствует

гармоничному развитию личности. Неслучайно многие современные специалисты на материалах социологических исследований приходят к обоснованному заключению о фундаментальной значимости сельской местности в пространственном развитии общества¹.

В сущности, мы имеем сегодня дело с фундаментальной социальной и культурной дилеммой: или сельский социум получит новые импульсы к развитию, преодолеет деструктивные тенденции и станет одним из локомотивов духовно-экологического развития российского общества; или же реализуется негативный сценарий его дальнейшей деградации, и тогда ни сибирского, ни российского будущего не будет вовсе. Какая из тенденций победит — покажет уже ближайшее время.

¹Пациорковский В.В. Сельско-городская Россия. М.: ИСЭПН РАН, 2010.

ГЛАВА 8. Проблемы и надежды российской высшей школы: сибирский контекст¹

Эффективно функционирующая система высшего образования — важнейшее условие поступательного развития стран и их отдельных регионов. Она не только является гарантом научно-технического прогресса, производства и воспроизводства квалифицированных рабочих кадров и интеллектуальной элиты, но была, есть и навсегда останется важнейшей составляющей духовной культуры общества. Становление духовно-экологической цивилизации немислимо без динамично развивающейся системы высшего, прежде всего, университетского образования, — где, однако, новация должна опираться на проверенные временем традиции и где есть вечные устои, не зависящие от специфики меняющихся исторических времен. Забвение традиций и попрание устоев всегда оборачиваются фатальными ошибками и, в конечном итоге, жестокими национальными поражениями.

К сожалению, российская высшая школа, несмотря на все бодрые отчеты ее чиновников и псевдореформаторов, пребывает сегодня в состоянии глубочайшего кризиса, из которого, мы надеемся, она сумеет выйти обновленной и достойно ответить на вызовы времени. Еще более печально, что этот кризис больше всего ударил по российской периферии, особенно ее азиатской части, хотя, как отмечалось выше, именно система высшего образования Сибири могла бы стать одним из локомотивов цивилизационной трансформации. О чертах этого кризиса и путях его преодоления речь и пойдет в данной главе.

¹Глава написана на основе статьи: Иванов А.В., Фотиева И.В. Современное университетское образование: административно-бюрократический произвол и его последствия // Идеи и идеалы. 2020. Т.12. №4-1. С.113–128.

§ 1. О кризисе российской высшей школы

Кризис российского высшего образования, связанный с его разрушительными реформами последних десятилетий, породил целую библиотеку критической философской литературы. Из числа недавно вышедших статей стоит отметить содержательную и методологически выверенную статью В.И. Разумова и П.А. Ореховского¹. Они достаточно убедительно обосновали превращение отечественной высшей школы в разновидность карнавала. Справедливости ради отметим, что эту порочную карнавальность эпохи постмодерна ранее подметил бывший декан философского факультета МГУ В.В. Миронов², внесший большой вклад в сопротивление иррациональным реформам отечественного высшего образования последнего времени.

Это, впрочем, вовсе не умаляет новизны и достоинства статьи В.И. Разумова и П.А. Ореховского, если учесть, что черты этой «затянувшейся карнавальности» стали особенно зримы лишь в последнее десятилетие. За это время университетский мир действительно словно вывернулся наизнанку: главными действующими лицами в нем стали чиновник и менеджер от образования, а профессор превратился в беспощадно эксплуатируемое, а часто и подвергаемое откровенному глумлению второсортное социальное существо.

Профанному площадному осмеянию подверглись ценности, которые раньше считались незыблемыми в университетской среде: бескорыстное искание истины, любовь преподавателя к своему предмету, забота о качестве, а не количестве печатных научных трудов, избегание ложной публичности при готовности честно выполнять свои

¹Разумов В.И., Ореховский П.А. Время карнавала: российская высшая школа и наука в эпоху постмодерна // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12. №3. Ч.1. С.77–94.

²Миронов В.В. Наука и кризис культуры (или затянувшийся карнавал?). Статья 2 // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 1996. № 5. С. 3–13.

экспертные функции в государстве. Университет и в буквальном смысле превратился в карнавальное заведение, где каждый день студенты поют, пляшут, проводят всякие акции и митинги, а занятия превратились чуть ли не во второстепенное дело.

Обратим внимание читателя на то, что карнавальные элементы в культуре являются, согласно М.М. Бахтину, оборотной стороной жесткого административного и идеологического давления на людей со стороны государственного официоза.

Соответственно, в данной главе книги будут обоснованы два ключевых тезиса. Первый состоит в том, что российское университетское образование подверглось неведомому ранее **командно-административному принуждению**. Его всеми возможными средствами пытаются загнать в наихудшие формальные рамки, лишить академических свобод и превратить в послушный винтик государственной машины. Говоря языком М.И. Бахтина, университет сегодня делают (сознательно или бессознательно — это отдельный вопрос) частью государственного официоза с системой авторитарно спущенных сверху и публично не обсуждаемых законодательных актов и инструкций; жестко фиксированных социальных ролей и невозможностью в рамках существующих «правил игры» эти роли и инструкции изменить. Можно даже усилить тезис: такого попрания государственной властью самой сущности университетского бытия не было ни в период средневекового, ни советского официоза. Именно официоз, доведенный по законам диалектики до своего предела, до абсурда, с необходимостью и переходит в свое иное — в карнавал.

Наш второй тезис исходит из утверждения, что **порочная бюрократизация высшего образования в России оказывает особо негативное воздействие на огромную российскую периферию, в том числе, на Сибирь**. Она является буквальным отрицанием уже упоминавшегося известного тезиса В.И. Вернадского, что развитие Сибири напрямую зависит от развития в ней научных и

образовательных центров, от их академических и институциональных свобод.

Великий русский ученый и гражданин писал: «Усиление научной работы, связанной с местной или национальной жизнью, позволяет использовать духовные силы народа так сильно, как никогда не удастся их организовать в унитарной централистической организации. Местный центр использует и вызывает к жизни духовные силы, иначе не доступные к возбуждению»¹. И далее: «...Организация научной работы должна быть предоставлена свободному научному творчеству русских ученых, которое не может и не должно регулироваться государством. Бюрократическим рамкам оно не поддается»².

§ 2. Принципы университетского образования и их эрозия в постсоветской России и в Сибири

Для того чтобы детальнее обосновать тезис о нынешнем беспрецедентном командно-административном давлении на высшую школу и университеты, полезно обратиться к одной из лучших книг, написанных по философии образования в XX веке, — к работе С.И. Гессена «Основы педагогики. Введение в прикладную философию»³. Ее идеи и аргументы очень близки приведенной выше позиции В.И. Вернадского.

В этой монографии выдающийся русский неокантианец пишет: «Указанными тремя принципами — полнота научного знания, свобода преподавания и учения и самоуправление — характеризуется идеальное существо университета как очага научного знания, обеспечивающего непрерывность научного творчества через организацию преподавания, и вместе с тем школы, дающей высшее научное образование через

¹Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 566.

²Там же. С.567.

³Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М.: «Школа-Пресс», 1995.

приобщение учащегося к исследовательской работе»¹. Нетрудно заметить, что все эти три универсальных принципа университетского образования и образа жизни сегодня фактически ликвидируются.

«*Полнота научного знания*», под которой С.И. Гессен справедливо понимает преподавание и развитие в стенах классического университета всего комплекса естественнонаучных и гуманитарных дисциплин, их научный диалог и синтез², — сегодня на глазах стремительно «схлопывается», подобно черной дыре. Это проявляется и в повсеместном механическом слиянии кафедр и факультетов, о чем убедительно пишут в своей статье В.И. Разумов с П.А. Ореховским; и в максимальном уменьшении в последних Госстандартах часов, отводимых на преподавание фундаментальных дисциплин — математики, физики, химии, биологии, философии и истории; и, наконец, в общей ориентации современной высшей школы не на формирование универсально научно подготовленной и духовно развитой личности (что всегда являлось одной из важнейших задач высшего образования, начиная с греческих школ), — а на выпуск узкого специалиста, «востребованного работодателем». Понятно, что насильственно навязываемая государством линия на ликвидацию полноты научного знания неизбежно обернется как быстрым оскудением слоя национальной интеллигенции — безусловного станового

¹Гессен С.И. Указ. соч. С.316. Анализ концепции университета в философском наследии Гессена можно найти в содержательной статье: Сербиненко В.В. Философская модель университетского образования С. Гессена // Русская философская мысль: на Руси, в России и за рубежом: Сборник научных статей, посвященный 70-летию кафедры истории русской философии. М.: Издательство Московского университета, 2013. С.424–432.

²«Только там, — пишет С.И. Гессен, — где представлены все науки, где полнота их обеспечивает возможность тесного их между собою взаимодействия и сотрудничества, преподавание может иметь действительно научный характер. Нет науки, которая в той или иной мере не была бы связана с другими, не нуждалась бы в других и не давала бы им оплодотворяющих толчков и указаний». Там же. С. 313.

хребта национальной культуры, так и деградацией самого государственного управления.

Дефицит широко мыслящей и культурно образованной национальной элиты, которую готовят в университетах, особенно губителен для сибирской периферии.

Если в столицах общий уровень культуры поддерживается, кроме вузов, еще и достаточно высоким уровнем школьного образования, то в Сибири эта общеобразовательная «подушка» высшего образования всегда была существенно тоньше. А в последнее время миграция учителей высокой квалификации с периферии в столичные школы приобрела массовый характер¹. Отсутствие начальной полноты и качества знаний в сибирских школах только усугубляет указанную негативную тенденцию в вузах. Эта проблема касается, конечно, всей российской провинции, но, подчеркнем, для Сибири она оказывается вдвойне острой, учитывая, что из выпускников столичных вузов обратно в Азиатскую Россию возвращаются лишь единицы.

Должен быть навсегда искоренен неявный порочный принцип, действующий сегодня: «Чем ближе к российским столицам, тем педагогам и ученым комфортнее жить и творчески трудиться». Для этого необходимо, чтобы *зарплаты были одинаковыми* и обеспечивали достойный уровень жизни всем вузовским работникам и учителям России, независимо от состоятельности или дотационности регионов, где они работают. А уж дополнительные надбавки пусть осуществляет местная власть, исходя из своих возможностей.

«*Свобода преподавания и учения*», по Гессену, подразумевает свободу и отдельного вузовского преподавателя, и университета в целом разрабатывать учебные курсы и программы, методы оценки усвоения студентами научных знаний и умений, а также право самих

¹См. Батумский А. И здесь мигранты. В московских школах доминируют приезжие учителя. URL:https://spb.tsargrad.tv/articles/izdes-migranty-v-moskovskih-shkolah-dominirujut-priezzhie-uchitelja_328949.

студентов выбирать те или иные дисциплины, тех или иных преподавателей. «...*Существенный принцип университета... состоит именно в том, что он проникнут духом свободы...* Следить за тем, чтобы свобода преподавания и обучения не вырождалась в произвол, устанавливать порядок в изучении отдельных наук и ограничительные требования в прохождении университетского курса, может быть только делом самого университета как автономного союза ученых, ибо только тогда ограничения свободы будут вытекать из потребностей самой науки, т. е. будут поэтому не столько ограничениями свободы науки, сколько ее внутренними определениями»¹.

При этом Гессен ясно осознает, что университет не может быть абсолютно свободен и автономен. Он является частью культурного пространства страны и частью государства. Говоря современным языком, обязательно должны быть государственные законы об образовании и стандарты высшего образования. Но эти законы и, соответственно, ограничения должны вырабатываться именно *самой научно-педагогической общественностью* как главным экспертным сообществом страны и исходить из действительных потребностей науки и образования, а не навязываться извне «творчеством» некомпетентной государственной бюрократии, как это происходит сегодня.

Факты этого бессмысленного бюрократического попрания университетских прав и свобод всем известны: бесконечно обновляющиеся Государственные стандарты, в соответствии с которыми надо бесконечно переделывать рабочие программы дисциплин; бессмысленно детализированные ФОСы, куда никакой уважающий себя преподаватель заглядывать никогда не будет. А есть еще нагрузка в 900 часов, принудительные требования писать статьи в журналы Scopus и Web of Science, более того — обязательно самим зарабатывать деньги для университета через гранты, госзаказы, коммерческие услуги и пр.

¹Гессен С.И. Указ. соч. С. 316.

Последнее, если вдуматься, — уже полный абсурд: если коллектив вузовских педагогов должен таким образом *все более сам себя материально обеспечивать*, то он, по сути, превращается в команду репетиторов, которые за свои услуги просто берут деньги с учеников. С одним отличием: репетиторам не приходится справляться с лавиной бумаг и отчетности. В итоге на преподавание как таковое остается все меньше времени, а его качество неуклонно и неизбежно падает.

Цель подобного государственного произвола, подрывающая самые основания университетских свобод, в сущности, абсолютно антигосударственна: превращение труда преподавателя в разновидность подневольного рабского труда. Часть преподавателей, не желающая мириться с чиновничьим произволом, вынуждена уходить с работы, не дожидаясь, пока «оптимизируют» их кафедру или вуз. С оставшимися, кто в силу разных причин будет цепляться за работу, как с рабами, можно будет делать все, что угодно: замораживать зарплаты, увеличивать количество аудиторных часов, закрывать магистратуры и аспирантуры, особенно в азиатской части России, которая словно и существует только для того, чтобы добывать полезные ископаемые для процветания властей предрежащих в России Европейской.

Здесь следует особое внимание обратить на два бюрократических момента, особо губительных для сибирской науки и высшего образования, о которых вузовская и научная общественность Сибири много говорит, но власти этого словно не слышат.

Во-первых, пресловутый ЕГЭ и возможность абитуриентов подавать документы сразу в несколько высших учебных заведений стимулирует лучших выпускников сибирских школ искать счастья в столицах. Огромное количество вузов, сосредоточенных в Москве и Петербурге, чаще всего оправдывает их ожидания. Вроде бы все очень демократично, дает молодым людям с периферии возможность поступать в престижные столичные вузы и

обеспечивает так называемые «социальные лифты»¹. Но тут надо иметь в виду, что государственная поддержка якобы свободы личного выбора молодого человека оборачивается резким ограничением свободы сибирских вузов конкурировать за лучших студентов.

Да и личная свобода абитуриента оказывается иллюзорной: молодой человек не свободно выбирает профессию по призванию и свободно борется за нее, а адаптируется к социальной конъюнктуре, поступая в вуз по принципу «иду, куда меня возьмут по баллам ЕГЭ». И, повторимся, возвращаются обратно из столиц на малую родину лишь единицы. В результате из Сибири все активнее вымывается наиболее талантливая молодежь, которая могла бы стать эффективным актором духовно-экологических цивилизационных преобразований. В последнее время проблему оттока талантливой молодежи с российской периферии в столичные вузы осознала, наконец, и государственная бюрократия², однако принятых мер явно недостаточно. Рецепт, который снял бы противоречие между свободой выбора профессии отдельной личностью и государственными интересами, только один: государство должно поставить стратегическую задачу ускоренного развития периферийных, в первую очередь, сибирских вузов и одновременно обеспечить справедливую и творческую экзаменационную конкуренцию среди абитуриентов при вторичности баллов ЕГЭ, если только не при его полной отмене.

Кстати, и сам аргумент о возможности, имеющейся у абитуриента с периферии, поступить по баллам ЕГЭ в столичный вуз и тем самым попасть в «социальный лифт»,

¹См. «обоснование» подобной позиции в публикации: С. Макеев. Новое последствие ЕГЭ: выпускники из регионов массово уезжают в Москву. Профессор заступился за госэкзамен: плюсы не оценены. URL: <https://ura.news/articles/1036278299>

²Поступить в столичные вузы выпускникам с периферии будет сложнее. URL: <https://orsk.ru/news/103995-postupit-v-stolichnye-vuzy-vypusknikam-s-periferii-budet-slojnee>

также не выдерживает никакой критики. Тут неявно подразумевается, что полноценную научную, политическую или бизнес-карьеру можно сделать только в Москве или Санкт-Петербурге, а личный успех на периферии — нечто сугубо второсортное. Здесь уже присутствует момент циничного унижения внестоличной России. Да и учеба в Москве — отнюдь не гарантия движения вверх по карьерным ступеням. Там своих местных талантов хватает, не говоря уж о родственных связях. В силу этого большинство поступивших в московские вузы молодых людей с периферии ждет участь заурядного московского «офисного планктона».

Во-вторых, крайне негативными последствиями для науки и высшего образования в Сибири стало опять-таки бюрократическое и формальное сокращение числа ученых советов — на основе, в том числе, количества публикаций и цитирований научных работ их членов в системах Scopus и Web of Science. Дело в том, что ученый совет — это не только место защиты кандидатских и докторских диссертаций, а важнейший элемент существования и развития регионального научного сообщества, площадка для интенсивного общения старого и молодого поколения ученых, обмена мнениями и творческими идеями.

Если в вузах периферийного города есть ученый совет по той или иной научной специальности, то это и залог развития данной отрасли знаний в регионе, и обеспечение воспроизводства квалифицированных научных и педагогических кадров. Ученые советы надо не искусственно *количественно* сокращать, а предъявлять высокие требования к *качеству* защищаемых в них диссертаций, — чем, собственно, и обязана заниматься ВАК, а не устанавливать механические стандарты и формальные требования к их работе. Тогда работа ученых советов будет совершенствоваться, а их количество сократится естественным путем.

Что же касается Сибири, то ее вузы должны иметь приоритеты и преференции в плане открытия новых ученых советов, ибо готовить научно-педагогические кадры высокой

квалификации надо на месте, а не отправлять талантливых соискателей в столицы, откуда они, подчеркнем это еще раз, обратно вряд ли вернутся.

Возвращаясь вновь к теме бюрократического произвола, отметим, что он убивает самое главное, на чем от века стояла и стоит университетская жизнь, — *любовь преподавателя к своему предмету и к студенту*. Но любовь к знанию и истинное бытие-в-знании могут быть только свободными. И без этой главной академической свободы — свободы любить свой предмет, свободы познавать и дарить полученное знание — не будет никакого «качества образования», никакой продуктивной вузовской науки, никакой рациональной организации педагогического процесса. Доказать это чрезвычайно просто: **изобретение всевозможных критериев качества образования и центров по контролю за ним — прямо пропорционально неуклонному падению этого качества.**

Обязательной формой университетской свободы Гессен считал также корпоративное единство и равноправие всех университетов (то, что сегодня называется «сетевым принципом»), их тесное взаимодействие между собой. Но и этот аспект университетских свобод сегодня фактически уничтожен.

Речь идет об искусственной и разрушительной иерархизации вузов: элитарные Московский и Санкт-Петербургский государственные университеты — федеральные и исследовательские университеты — рядовые университеты. Это то же самое, что «настоящее» университетское образование и «второсортное» университетское образование. Но вся сила высшей школы состоит как раз не в формальном, а в содержательном лидерстве, когда на тот же МГУ равняются как на *первого среди равных*.

Административно закрепляемое университетское неравенство (в зарплатах, числе студентов на одного преподавателя, финансировании научных разработок, обеспечении профессиональной мобильности и т.д.) приведет

отнодь не только к загниванию высшей школы на периферии. Оно лишит МГУ и СПбГУ притока свежих идей и талантов из провинции, свернет равноправный интеллектуальный диалог между столицами и остальной Россией, т.е. перережет живительные академические нити, которые от века питали нашу высшую школу.

Вместе с пресловутым ЕГЭ эта бюрократическая псевдоиерархизация опять-таки резко усиливает отток талантливой молодежи из провинции в Москву и Петербург, хотя сверхважной государственной задачей является как раз не только удержание талантливой научной молодежи в провинции, особенно в Сибири, но, как бы это сегодня утопически ни звучало, — всемерное стимулирование одаренных молодых ученых из столиц к переезду для работы в провинцию, особенно в сибирский и дальневосточный регионы. Там, где развивается наука и где поддерживают молодых ученых, — там обязательно рано или поздно произойдет социальная, экономическая и культурная самоорганизация. Выше мы уже отмечали, что в этом плане необходим льготный кредит с возможностью его досрочного погашения, а, возможно, и достойные «подъемные» для научной молодежи, переезжающей на работу в Сибирь и на Дальний Восток.

Остановимся на третьем принципе существования университета, выделенном Гессеном, — *самоуправлении*. «Самоуправление университета, или его автономия, — пишет он, — необходимо вытекает из существа университета как очага научного знания. Сюда входят не только право самоуправления в узком смысле (определение предметов преподавания, учебных планов, основания учебно-вспомогательных учреждений, избрание органов управления), но и право самопополнения (избрание профессоров и преподавателей, наделение учеными степенями)»¹.

При этом Гессен гибок и вовсе не исключает участия государства в процессе выборов тех же ректоров. Для него

¹Гессен С.И. Указ. соч. С.316.

университетская демократия «снизу» вполне совместима и даже требует принятия административных управленческих решений «сверху». Здесь, как и везде, важно провести диалектический принцип опосредования демократической выборности административной управляемостью: «Аристократическое начало самопополнения, присущее самому университету как очагу научного знания, — замечает Гессен, — должно быть уравновешено началом назначения, так же, как и демократическим началом выборов органа власти. Будет ли это происходить в виде утверждения университетских выборов центральной властью или путем назначения ею профессоров из числа представляемых ей университетами кандидатов, будет ли орган центрального управления университетами избираться съездом высших учебных заведений, или последние будут только посылать в него своих делегатов, — это все подробности, зависящие от исторической обстановки и политических условий»¹.

К сожалению, и в этом пункте мы видим сегодня нарушение государственной бюрократией важнейших принципов университетского образования. Сегодня ректоры МГУ и СПбГУ напрямую назначаются президентом, хотя именно за свободные выборы ректора МГУ столько сил положил выдающийся русский мыслитель С.Н. Трубецкой. Свободные выборы ректоров упразднены и в системе аграрных вузов. Скоро, по-видимому, следует ждать полной ликвидации университетской автономии и в других вузах. Показательна метаморфоза, произошедшая с ректорским корпусом. Ректор из выразителя интересов профессорско-преподавательского состава, из живого символа «аристократического» и свободного духа университета превратился в классического чиновника-исполнителя, в безликого государственного работника, проводящего «линию партии» и административно ответственного только перед министерством. Он теперь не первый среди равных в системе университетского самоуправления, где главным органом

¹Там же. С.324.

всегда являлся Ученый совет, а носитель прямой административной власти, наподобие той, которой в советскую бытность обладал директор государственного завода или которой сегодня обладает владелец частной компании. У наиболее совестливых людей из ректорского корпуса это вызвало болезненное нравственное раздвоение личности. Один из сибирских ректоров признался в личной беседе: «Я никогда не думал, что быть человеком и быть ректором — это не одно и то же».

Все это неизбежно ведет к тому, что государство не просто перестает блюсти, по выражению Гессена, «свободу науки в университете»¹, имеющую общекультурное значение и являющуюся гарантом интеллектуальной и нравственной состоятельности страны, а эту свободу фактически попирает.

Возникает важный вопрос: как в таком случае объективно и содержательно может оценить государство эффективность деятельности того или иного университета, не навязывая ему систему формальных и количественных критериев эффективности, сохраняя его автономию и академические свободы?

Здесь полезно вспомнить о двух содержательных и давно известных универсальных показателях эффективности работы университета: 1) реальное качество подготовки студентов, за что в первую очередь должен отвечать вуз и что может быть легко проверено на госэкзаменах и посредством ознакомления с дипломными работами выпускников, а лучше непосредственно на самой защите; 2) трудоустройство студентов по специальности, за что вместе с вузом и даже в гораздо большей степени должно отвечать государство, стимулируя работодателей и вкладывая деньги в реальную экономику. Это критерии — живые и непосредственные, а все остальные — опосредованные, формальные показатели, столь удобные для нынешних чиновников, — должны носить сугубо вторичный, т.е. уточняющий, характер.

Однако подрыв базовых принципов университетской жизни идет сегодня с той стороны, откуда, казалось бы, угроза

¹ Там же. С.327.

не может прийти никогда — со стороны современных знаний и технологий, о чем и догадываться не мог в то время С.И. Гессен. Речь идет о возможностях информационных технологий в сфере организации преподавательской и научно-исследовательской деятельности в университете и, прежде всего, о дистанционном образовании.

§ 3. Современное университетское образование и дистанционные технологии

Мы не будем касаться всех аспектов и проблем, связанных с дистанционным образованием, сегодня активно обсуждаемых на всех уровнях. Понятно, что в условиях чрезвычайных ситуаций типа пандемии оно является благом, да и в целом дистанционные формы преподавания могут рассматриваться как важное и полезное дополнение к «живому» традиционному образованию. Однако любые попытки превратить их в учебную форму, равную традиционной или даже способную полностью заменить непосредственное общение преподавателя и студента, нам представляются крайне опасными. В связи с этим остановимся на более узкой теме, связанной с дистанционным обучением, а именно, на возможности отмены классической «живой» университетской лекции и замены ее лекцией дистанционной, которую должны, по замыслу чиновников, читать для всей российской периферии преподаватели «элитных» столичных вузов. Речь идет, в первую очередь, о лекциях по гуманитарным дисциплинам.

Это потенциальное нововведение основывается на следующих аргументах. Во-первых, оно существенно сокращает долю «живого» преподавательского труда в результате применения современных информационных технологий, что экономит бюджеты вузов, и государства в целом. Во-вторых, это якобы необходимо для обеспечения высокого качества преподавания, чего, как априори утверждается, не могут обеспечить провинциальные

преподаватели. В-третьих, это лежит в русле общей, не имеющей якобы альтернатив, логики модернизации образования в целом.

Несостоятельность первого аргумента очевидна уже на примере того, что происходит в условиях пандемии во всех странах, «оптимизировавших» медицинскую сферу. Кроме того, напомним тривиальную истину: *государство существует для граждан, а не наоборот*. Поэтому экономия на их самых насущных интересах и потребностях, на важнейших сферах жизни общества, в том числе, на образовании, — и не просто экономия, но, по сути, тенденция к сворачиванию финансирования этой сферы, — лежит в русле идеологии этатизма, то есть ложна и порочна в самой своей сути. «Государство, как форма общественной самоорганизации, если оно исполняет свои функции, прежде всего, олицетворяет собой совокупность *общественных интересов*... Предоставленное самому себе и поставленное вне общественного контроля государство нередко проявляет тенденцию к этатизму, к подчинению воли отдельных лиц исключительно интересам государства... Это означает также, что в мотивации правящего социального слоя получили развитие инверсивные отношения»¹. Соответственно, здесь необходимо не сворачивать финансирование под предлогом дефицита бюджета, а заботиться о грамотной организации экономической жизни страны. А если уж говорить об экономии, то начать можно с зарплат самих чиновников, а функции министра науки и высшего образования разделить между председателем совета ректоров России и президентом РАН. Хуже от этого точно не будет.

Что касается проекта дистанционного чтения лекций преподавателями из Москвы, то аргументы против этого общеизвестны. Они, кстати, давно высказывались, — в частности, против абсолютизации письменных форм

¹Севостьянов Д.А., Павленко Т.В. Действующий закон об образовании: анализ инверсивных отношений // Социология науки и технологий. 2018. Т. 9. №1. С. 47.

студенческой отчетности, которые практикуются в англосаксонской высшей школе, в отличие от германской и российской университетских школ, где упор всегда делался на устном и непосредственном общении студента с преподавателем. Образовательный опыт многих стран показывает, что для овладения навыками критического и систематического мышления, ведения научных дискуссий, понимания серьезных текстов и исторических документов необходимо именно *живое общение* между преподавателями и студентами, тот самый знаменитый сократовский диалог, с которого и начинается высшее образование в его подлинном смысле — как приобщение к глубинам профессии и формирование широко и свободно мыслящей личности.

Только так передается самое важное, так называемое «*невяное знание*», по выражению М. Полани. Кстати, и обильно цитировавшийся нами выше С.И. Гессен не обошел проблему непосредственного общения учителя и ученика, а также роли университетской лекции. «...Все возражения против лекционной системы преподавания, — писал он, — указывающие на пассивность слушателей во время лекций, непосещение их студентами, ненужность их при наличии хороших учебников и т. п. свидетельствуют только об упадке научного духа в университете, ведущем действительно к вырождению лекций в простое изложение некоторой “суммы сведений”. Настоящей университетской лекции они однако даже не затрагивают, потому что *смысл последней заключается в пробуждении именно активного отношения слушателей к науке, в возбуждении в слушателях стремления по-своему проработать использованный на лекции материал, дабы самостоятельно проверить те выводы, к которым пришел профессор*»¹.

Показательно, что лекцию, семинар, индивидуальное собеседование как важнейшие формы *непосредственного* общения учителя с учениками мы встречаем практически во всех философских, научных и религиозных школах Востока и

¹Гессен С.И. Указ. соч. С.318.

Запада с древнейших времен и по сию пору. В Индии даже существовала парадоксальная фраза, подчеркивающая этот исключительно важный момент личностного контакта между наставником и обучающимся: «Главное даже не то, что говорит Учитель, а что остается несказанным».

И как в свое время развитие книгопечатания — до сих пор важнейшей формы *опосредованной* передачи знаний — отнюдь не устранило *живые* формы университетского общения, так и развитие современных интернет-технологий никогда не вытеснит ни лекций, ни семинаров, ни индивидуальных консультаций, которые дает преподаватель своим студентам и аспирантам. Это можно сделать только насильственно и искусственно, вопреки даже элементарному здравому смыслу.

Здесь могут возразить: современные технологии позволяют во многом имитировать непосредственное общение, например, через систему Zoom. Но, во-первых, продуктивное общение обязательно предполагает установившиеся межличностные контакты не только учащихся с педагогом, но и студентов друг с другом. А идея онлайн-лекций подразумевает, в основном, простую трансляцию записанных видеолекций тысячам (а то и больше) студентам, каждый из которых отдельно и пассивно слушает ее на своем устройстве. Во-вторых, сегодня педагог, зная специфику своей постоянной аудитории, может адекватно на нее настроиться, выбрав нужный стиль, аргументы и даже интонацию, что, опять же, невозможно при массовом онлайн-обучении. Тут необходимо взаимодействие в малых группах, в пространстве университета, где студенты делятся своими непосредственными впечатлениями и мнениями; спорят с преподавателем и в непосредственном диалоге, — в полном согласии с С.И. Гессеном, — «проверяют те выводы, к которым пришел профессор».

Что же касается аргумента, будто интернет-лекции, читаемые профессионалами из Москвы, обеспечат более высокое научное качество преподавания, то он не выдерживает никакой критики. Мы не будем останавливаться на том, что заведомо считать

столичных преподавателей более квалифицированными, чем региональные, нет ни малейших оснований (да и само по себе это предположение просто неэтично).

Но, кроме того, во-первых, качество лекций также в значительной степени обеспечивается знанием аудитории, с которой имеет дело лектор. Квалифицированный лектор даже разным потокам студентов одной специальности будет читать лекции по-разному, ориентируясь на особенности именно данной конкретной аудитории. Чтобы успешно донести до слушателей учебный материал, необходимо ориентироваться на уровень их знаний и личностные особенности, — что опытный лектор выясняет довольно быстро, отталкиваясь от характера задаваемых аудиториями вопросов, от ее реакции на сказанное и т.д.

Вспомним одного из чеховских героев, профессора из известной повести «Скучная история». Очень тонко и точно характеризуя преподавательское творчество (именно творчество, а не «передачу информации»!), он пишет: «Хороший дирижер, передавая мысль композитора, делает сразу двадцать дел: читает партитуру, машет палочкой, следит за певцом, делает движение в сторону то барабана, то валторны и проч. То же самое и я, когда читаю. Предо мною полтора лица, непохожих одно на другое, и триста глаз, глядящих мне прямо в лицо. Цель моя — победить эту многоголовую гидру. Если я каждую минуту, пока читаю, имею ясное представление о степени ее внимания и о силе разумения, то она в моей власти... В одно и то же время приходится изображать из себя и ученого, и педагога, и оратора, и плохо дело, если оратор победит в вас педагога и ученого или наоборот... Читаешь четверть, полчаса и вот замечаешь, что студенты начинают поглядывать на потолок... Это значит, что внимание утомлено. Нужно принять меры. Пользуясь первым удобным случаем, я говорю какой-нибудь каламбур. Все полтора лица широко улыбаются, глаза весело блестят, слышится ненадолго гул моря... Я тоже смеюсь. Внимание освежилось, и я могу продолжать»¹.

¹Чехов А.П. Скучная история. Из записок старого человека // А.П. Чехов Повести. М.: Художественная литература, 1953. С.13–14.

Во-вторых, ни о каком научном качестве интернет-лекций речь не может идти и по чисто содержательным причинам. Приведем пример из практики одного из авторов данной главы, работающего на кафедре философии аграрного университета г. Барнаула. Что может лектор из Москвы знать, например, о специфике сельского труда и быта, своеобразии аграрных наук, исторических особенностях Сибири и Алтая, общественных деятелях и мыслителях, которые здесь жили и работали? Но без таких региональных и профессиональных «привязок» даже курс философии студентам-аграриям читать нельзя. Он никогда не станет частью их жизненного мира; вечные проблемы человеческого бытия, к которым приобщает человека философское знание, не затронут глубинных струн человеческой души. Тем более что одна из важнейших задач вузовского курса философии — это пробуждение не только «любви к мудрости», но и любви к своей малой родине, без которой не может быть и укорененности в национальной культурной почве. Впрочем, такие категории явно не входят в «ментальное пространство» нынешних реформаторов отечественного образования.

Мы уж не говорим в контексте нашей книги, что столичный интеллектуал вряд ли расскажет студентам о цивилизационной миссии Сибири и ее значении для России; а если вдруг и расскажет, то вряд ли почувствует личную сопричастность к сказанному, а значит, и не зажжет сердца студентов, не сможет проявить у них того, что называется «волей к будущему», где личностное целеполагание должно совпасть с объективными целями развития региона и страны в целом. Важнейший порок дистанционного преподавания гуманитарных дисциплин в вузе — это фактически ликвидация региональной компоненты образования. Но это неизбежно влечет за собой невозможность сформировать подлинную региональную интеллектуальную и управленческую элиту, укорененную в родной почве, не только знающую историю и проблемы своей земли, чувствующую личную жизненную сопричастность ей, но и

имеющую ясные целевые установки в своей профессиональной деятельности.

Что касается сибирской региональной компоненты образования, то о ней должны обязательно рассказывать местные преподаватели, и в ней обязательно должен присутствовать исторический, философский, культурологический и социологический материал, касающийся значения освоения Сибири, ее российского, евразийского и мирового цивилизационного статуса и, конечно, ее будущего, значимого не только для нее самой, но для всей России и мира. Об этом авторы книги писали на предыдущих страницах, но применительно к системе высшего образования это тем более актуально.

И, наконец, остановимся на последнем аргументе, наиболее популярном сегодня, — в том числе, к сожалению, и у многих педагогов, бездумно принявших идею о необходимости *радикальной смены самой образовательной парадигмы*, то есть базовых смыслов и целей образования. Как легко видеть, мы здесь должны выйти уже на совершенно другой, более масштабный, философский уровень рассмотрения проблемы, поэтому постараемся по возможности кратко обозначить лишь основные тезисы.

Сторонники дистанционной трансформации образования ссылаются на весьма старый, во все века употребляемый аргумент, — на требования времени, которым все почему-то обязаны соответствовать: «Классическая модель образования, когда индивид получал высшее образование, знаний и навыков которого ему хватало на всю оставшуюся трудовую жизнь, отходит в прошлое»¹. Сегодня эти требования времени предстают в виде набора фиксируемых и взаимосвязанных мировых тенденций: глобализация, цифровизация всех областей жизни, медиатизация и т.п. А отсюда уже выводятся

¹Лукичев П.М. Концепция «образование всю жизнь» и проблемы развития высшего образования: экономические аспекты // VI Лужские научные чтения. Современное научное знание: теория и практика (Санкт-Петербург, 22 мая 2018 г.). СПб.: Изд-во: Ленинградского гос. ун-та им. А. С. Пушкина, 2018. С.201.

и конкретные «требования рынка», которые предъявляются к будущему специалисту в условиях цифровой экономики (владение информационными технологиями, быстрая обучаемость и пр.); и подчеркивание специфики восприятия материала самими сегодняшними студентами («клиповое сознание»), и, соответственно, необходимость кардинально менять «образовательные технологии». «Преподаватели СПО должны теперь стать не столько носителями и передатчиками профессиональной информации, но быть организаторами познавательной деятельности студентов, их самостоятельной работы и развитию технического творчества»¹.

Мы не будем останавливаться на том, что слепое подчинение «требованиям времени» грешит *социальным фатализмом* и основано на априорном принятии недоказанного тезиса о наличии объективных социально-исторических законов, действующих с железной необходимостью в духе лапласовского детерминизма. Важно здесь прежде всего то, что **новая образовательная парадигма нацелена на формирование не личности, а «людей-деталей»**, винтиков в государственно-рыночной машине, малограмотных, но натасканных на выполнение каких-то узких функций — и, главное, управляемых *потребителей*, вовлеченных в бесконечный круг купли-продажи и, соответственно, лишенных даже самых элементарных знаний и навыков рационального мышления, анализа, оценки.

Так, в качестве одного из «требований времени» все более настойчиво утверждается прагматизация образования, подчинение его «интересам рынка»; при этом и сами вузы превращаются в коммерческие предприятия. Сегодня студенты должны не столько учиться, сколько участвовать в «деловых играх», разрабатывая всевозможные «коммерческие проекты». Не говоря уж о качестве подавляющего

¹Маршанская Л.В., Лесниченко Г.И. Информатизация образования как одно из приоритетных направлений государственной политики в области образования // Наука и образование сегодня. 2018. №3 (26). С.63.

большинства этих «проектов», сама подобная установка, как уже сказано, глубоко порочна, ибо «...организации, цель которых состоит в зарабатывании денег, не могут мыслить и работать по-другому и в области образования... будут нацелены на получение прибыли, а не на что-либо другое»¹.

Очень точным нам представляется резюме проблемы, данное в статье М.Р. Арпентьевой. Она подчеркивает, что сегодня у студентов «...формируется представление о себе как инструменте, орудии, но не субъекте и личности как части культуры и носителя духовно-нравственных ценностей, целей и языка... Цифровые технологии могут быть важным инструментом совершенствования образования, но не заменой педагога, преподавателя, родителя, наставника. Цифровые технологии, как зеркало, отражают проблемы методической слабости, неготовности и неспособности современного российского образования возвращать не только таланты, не только людей, способных и готовых к самоактуализации, но и “простых” людей, не понаслышке знакомых с азами человеческой культуры»².

В завершение данной главы напомним, что освоение Сибири начиналось «снизу», а не по инициативе государственных «верхов». Это был плод подлинно народного творчества и самоорганизации, да и в последующие века многие славные традиции сибирской истории были связаны с общественными движениями, часто вопреки государственной бюрократии. Показательно, что создание первого в Сибири университета в 1888 году в Томске также было в первую

¹Логинова М.П. Англосаксонские традиции в системе образования: образование как коммерческое предприятие // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2020. № 1. С.103.

²Арпентьева М.Р. Язык и образование в информационном обществе: проблемы стандартизации и индивидуализации образования // Коммуникация в современном поликультурном мире: культура, образование, политика: Ежегодный сборник научных трудов. М.: Российское представительство издательства ПИРСОН ЭДЬЮКЕЙШН ЛИМИТЕД, 2018. С.101.

очередь народной инициативой, сплотившей в свое время все прогрессивные слои сибирского общества. Его финансирование было во многом связано с добровольными пожертвованиями. Как писал Н.М. Ядринцев, «в 60-х годах мысль об университете явилась любимой мыслью молодых выступавших сибирских писателей. Об этом писались статьи, читались публичные лекции в Красноярске, Томске и Омске, проектировалось целое общество для собирания пожертвований. Одним словом, университетский вопрос сосредоточил надежды и идеалы будущего, он отождествился вообще с лучшей будущностью края...»¹.

В статьях того времени подчеркивалась огромная просветительская и исследовательская роль, которую призван сыграть университет, особенно в плане познания народов и культур Азии. Писалось о том, что Сибирь должна сама готовить для себя научные и государственные кадры, иметь собственный научный центр для организации исследовательских экспедиций в глухие уголки Сибири и Азии. Фактически уже тогда был поставлен вопрос и о задаче формирования региональной сибирской элиты. В представлении императору по поводу образования сибирского университета говорилось: «...Не имея университета, Сибирь из своих уроженцев не могла воспитать ни одного вполне образованного поколения, которое бы всецело посвятило ей, как родному месту, свои полезные силы»². Любопытно, что при планировании первого сибирского университета предполагалось, что оклады у его профессоров и доцентов будут в полтора раза выше, чем у преподавателей других российских университетов³.

Огромную роль сыграли частные пожертвования Томскому университету, доходившие до 100 000 рублей. На

¹Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб.: Издание И.М. Сибирякова, 1892. С.582.

²Цит. по: Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении... С.588.

³Там же. С.592.

них были построено общежитие для студентов, приобретены книги для библиотек и научные коллекции, учреждены музеи и лаборатории. Ни о каком зарабатывании денег самим университетом в те времена и речь идти не могла. Университет рассматривался как генератор новых научных знаний и как центр народного просвещения, а государственный попечитель В.М. Флоринский в своей речи назвал день его открытия «днем духовного возрождения» Сибири¹. Такому отношению к высшему образованию нынешние российские власть и бизнес могли бы поучиться.

Заканчивая главу, хочется сделать главный вывод: сегодняшний административно-бюрократический стиль управления высшим образованием, при котором не только нарушаются основные принципы успешного функционирования последнего, но и проводятся деструктивные реформы, губителен не только для образования как такового, но и для всей культуры, и для самого государства. После всех карнавалов, как известно, остаются горы мусора и тяжелое похмелье.

¹Там же. С.605.

ГЛАВА 9. Сибирь в искусстве и искусство Сибири

§ 1. Дискуссии о своеобразии сибирского искусства

Прежде чем обратиться к анализу сибирского искусства и его роли в утверждении ценностей новой цивилизации, вспомним замечательных русских философов Е.Н. Трубецкого и П.А. Флоренского, которые в своих трудах о русской иконе¹ убедительно доказали, что икона — это специфическая форма выражения умозрения, способ философско-художественного осмысления действительности. Но если в творчестве иконописца осуществляется своеобразный опыт философствования, то резонно предположить, что это возможно и в других формах художественного творчества. В отношении Сибири и, в частности, Алтая нам уже не раз приходилось писать, что героические сказания алтайского народа — это крупные, осевые, формообразующие элементы алтайской культуры. В них отразились картина мира и духовные ценности народа, а сам процесс героического сказания есть не что иное, как древнейший духовный опыт познания бытия. Большое значение при этом имеет сама личность сказителя — кайчи, обладающего особым опытом интуитивных прозрений, каким был щедро наделен выдающийся алтайский сказитель XX века Алексей Григорьевич Калкин².

¹Флоренский П.А. Иконостас // Флоренский П.А., священник. Соч. в 4т. Т.2. М.: Мысль, 1990. С.419–526; Трубецкой Е.Н. Умозрение в красках. Три очерка о русской иконе. Париж: YMGA-PRESS, 1965.

²Калкин Алексей Григорьевич (1925–1998) — потомственный алтайский сказитель-кайчи, в репертуаре которого было более 30 героических сказаний, в том числе, знаменитый эпос «Маадай Кара». Он был слеп, и все сказания знал по памяти; при этом, что особенно показательно, обладал, по свидетельствам современников, необычной духовной прозорливостью.

С этих позиций интересно проанализировать, насколько сохраняется и проявляется это интуитивно-художественное видение реальности сегодня; в данном конкретном случае, — в творчестве сибирских мастеров изобразительного искусства, осмысляющих феномен Сибири.

Выскажем в этой связи ряд исходных тезисов. Во-первых, здесь необходим анализ всего творчества художника. Важно установить, насколько он последовательно, творчески и проникновенно стремится осознать феномен Сибири, не случайна ли эта работа, не малый ли это эпизод в его творчестве (хотя, конечно, порой и одна картина может заключать в себе глубокие раздумья художника). Во-вторых, необходимо установить, действительно ли о Сибири это произведение? Современный художник, работающий в условиях полистилизма, обращается к широкому кругу тем и использует различные средства художественной выразительности. В-третьих, как никогда актуален в наше время вопрос, а может ли вообще данный арт-объект быть отнесен к искусству? Не манипуляция ли это формами во имя удовлетворения тщеславия человека, именуемого художником? В частности, несет ли художественное произведение гуманистические ценности или, напротив, оно явно направлено на их разрушение? Именно в бессердечии видел кризис современной культуры выдающийся русский философ И.А. Ильин. Он писал: «Источник и основы современной культуры должны быть в корне пересмотрены. Человечество творит свою культуру неверным внутренним актом, из состава которого исключены: сердце, совесть и вера... То, что мы переживаем ныне, все наши бедствия, страдания и тревоги, суть естественные последствия этой больной культуры»¹. В целом же, подлинное произведение рождается только тогда, когда художник открыт и созвучен ритмам мироздания, когда он создает свое произведение таким образом, что в нем как бы «отвердевают» духовные принципы бытия. Художник должен стать «структурно подобным»

¹Ильин И.А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. С.296.

миру — прозревать его высшие эйдетические образы и сущности, но одновременно обладать художественным даром и развитым интеллектом, чтобы перевести свои горние прозрения на земной язык изобразительного искусства.

Дискуссии насчет специфики сибирского, уральского и т.д. искусства ведутся давно. Многие художники и искусствоведы отрицают эту специфику, указывая, в частности, на то, что в век глобализации художник может творить на любом континенте и в различных природно-географических и культурных условиях. С этим трудно спорить, но, однако, практика говорит иное: трудно отрицать своеобразие художников, которых устойчиво относят к сибирякам, уральцам и т. д. Художник может написать работу на сибирскую тему, не побывав в Сибири, но это будет «сочиненная» картина. При этом замечено, что одни художники сразу открываются навстречу «сибирскому влиянию»; есть и те, кто, уехав надолго или навсегда из Сибири, сохраняют незримую, но осязаемую связь с сибирскими ландшафтами и событиями и продолжают работать в «сибирском ключе». То есть время, проведенное в данном пространстве, не является существенным фактором феномена «сибирскости» в искусстве того или иного художника. Главное, чтобы художник оказался причастным, образно говоря, к «гению места», тогда эта творческая связь оказывается сверхвременной и даже сверхпространственной, накладывая отпечаток «сибирскости» на все его творчество.

Наконец, есть мнение, что территориальная специфика искусства — это результат исключительно субъективных восприятий, которые ни подтвердить, ни опровергнуть невозможно и которые следует отнести к некоей метафизике в теории искусства. В ответ можно сказать, что эти субъективные восприятия на самом деле являются довольно общими для профессионалов и, во многом, это закономерно. Более того, замечено, что чем выше профессиональный уровень и интуиция зрителя или искусствоведа, тем точнее он подмечает именно региональную специфику.

Теперь, если говорить о степени изученности феномена «сибирскости» («сибирского стиля»), то можно заметить, что эта тема уже давно волнует искусствоведов. «В 1927 г. на Первом Всесибирском съезде художников, проходившем на фоне Первой Всесибирской выставки, его главный теоретик, художник-педагог И.Л. Копылов объявил о рождении “сибирского стиля” в советском изобразительном искусстве: “Сибирь даст в будущем и Венеции, и Флоренции, и Мюнхену, — Сибирь для развития большого искусства я считаю самым удачным местом в СССР”»¹. Дискуссия об этом не прекращается: отметим лишь одну из последних масштабных конференций «Сибирский пейзаж от типа к топу», состоявшуюся в 2018 году.

Изобразительное искусство Сибири становится сегодня предметом внимания со стороны не только искусствоведов, но также философов и культурологов. Это продиктовано многими факторами. Во-первых, сложностью, многообразием и большими объемами артефактов древней и современной художественной культуры. Задачи их исследования в синхроническом и диахроническом единстве, обнаружение связанности всего художественного континуума, переосмысление в художественной практике идей и образов прошлого актуализируют значение философской и культурологической рефлексии. Во-вторых, в искусстве находят отражение константы культуры, и их экспликация может помочь в прояснении специфических граней сибирского мировоззрения и самоидентификации сибиряков. Это проблема актуальна хотя бы потому, что, например, при последней переписи населения заметный процент жителей Сибири в графе «этнос» назвали себя сибиряками. Другими словами, на поверхность из глубин сознания прорывается ощущение собственной сибирской уникальности, и оно воплощается в многообразных формах, в том числе и художественных. В-третьих, тема сибирской специфики в

¹Драница Т. Иркутский портрет.URL: <http://сибирскиеогни.рф/content/irkutskiy-portret>

искусстве оказывается столь многоаспектной и многомерной, что становится очевидно: одними только искусствоведческими методами она не может быть раскрыта.

Анализ различных точек зрения на проблему «сибирскости» в искусстве показывает, что наиболее глубокими и аргументированными оказываются определения того или иного художника как сибирского прежде всего на уровне идейно-тематическом. Все попытки признать, например, эпичность в качестве главной характеристики сибирского искусства, на наш взгляд, малоубедительны, потому что эпична, скажем, и картина И.И. Шишкина «Рожь», который, как известно, в Сибири не был. Кроме того, есть немало художников-сибиряков, что проявили себя как тонкие лирики, работая над сибирскими темами.

Далее следует отметить, что художники, творчество которых бесспорно относят к «сибирскому стилю», придерживаются, как правило, классических форм, что дает возможность вести анализ их работ с опорой на сложившийся классический опыт интерпретации художественных произведений. Среди них есть живописцы, начавшие свой путь в различных кружках, в художественных школах на родине, а затем довольно долго обучавшиеся под руководством авторитетных мастеров в институтах в центральной части страны (институт им В.И. Сурикова в Москве, институт им И.Е. Репина в Санкт-Петербурге). Есть и те, кто переехал в Сибирь, уже имея художественный опыт. В их творчестве на фазе приобщения (для тех, кто приезжает в Сибирь) или же возвращения в сибирское пространство происходят интересные изменения, которые, с одной стороны, говорят о смене творческих и духовных аксиом, с другой стороны, дают свежесть взгляда на сибирскую специфику, которая при этом становится особенно очевидной. Это, например, художник из Улан-Удэ А.В. Казанский, окончивший институт им В.И. Сурикова, написавший картину «Рыбаки Байкала» (1967), или алтайский художник Г.Ф. Борунов, о котором мы подробнее расскажем ниже, обучавшийся в институте им И.Е. Репина и по возвращении на

Алтай написавший монументальное полотно «Земля родная» (1967). Творчество обоих художников можно рассматривать как некий камертон и эталон «сибирскости».

§ 2. Факторы формирования «сибирскости» в искусстве

Можно, на наш взгляд, выделить **три основных фактора** формирования специфики живописи Сибири. При этом влияние каждого из факторов оказывается двойственным, т.е. его результат предстает в виде своеобразной оппозиции, двух полюсов.

Первый фактор — *пространственный*. Художник должен проникнуться особым «гением места», который будет выступать в качестве камертона и настраивать мастера на верную и плодотворную линию творчества. Сибирская земля должна стать для него источником постоянных вдохновений как в процессе зарождения и реализации художественных замыслов (написание этюдов и картин на сибирские темы), так и в его художественном мироощущении в целом. Но, вводя пространственный ракурс рассмотрения искусства, мы должны определить границы выбранного пространства. В нашем случае они могут совпадать с границами Сибирского федерального округа или включать лишь крупные города Сибири, где существуют профессиональные объединения художников. С другой стороны, речь может идти об определенной группе художников, которые живут на территории Сибири и которых объединяют некоторые общие черты в искусстве. Мы остановимся на первом варианте, то есть предметом исследования будем считать сибирское искусство в предельно широком смысле этого слова: все, что создано на территории бассейнов двух великих рек Евразии — Оби и Енисея. Отметим, что мы здесь выделим лишь произведения, имеющие очевидные элементы фигуративности и предметности, то есть в той или иной мере развивающие традиции реалистического искусства в самом широком

смысле этого слова. Что же касается временных рамок, то остановимся на искусстве XX — начала XXI веков.

Огромные пространства Сибири, суровая мощь ее природы всегда вызывали у художников двойственные переживания. С одной стороны, это стремление выжить, выстоять, защититься от природной стихии в условиях непроходимой тайги и сорокаградусных морозов. С другой стороны, напротив, увлеченность и эмоциональная захваченность неизмеримыми пространствами и природными стихиями. В живописи это отразилось следующим образом. Первый «полюс» проявил себя, например, в деревенских пейзажах, на которых мы видим близко стоящие дома, как бы прижимающиеся друг к другу среди огромных просторов. Таких пейзажей очень много, причем они могут быть выполнены в различных стилях и творческих манерах. Типичный пример — работы Б.Я. Рязова «В старой Курейке» (1951); «Горы. Рабочий поселок» (1960-е годы); «После заката» (1960-е). Второй полюс — классические эпические пейзажи, в которых показаны ширь и мощь природы. Наиболее показательны здесь картины Г.И. Гуркина «Хан Алтай» (1907), «Озеро горных духов» (1910), а также полотно А.О. Никулина «Голубой Алтай» (1908–1910).

В качестве второго выделим *этнический* фактор. Как известно, русские переселенцы в Сибири вступали в активные и многосторонние связи с местным населением, в том числе, и в брачные отношения. И здесь снова можно выделить две противоположных тенденции. Первая — интерес к чужой культуре, увлеченность ею и готовность вступить в сложное межкультурное взаимодействие. Вторая — стремление сохранить свою национальную идентичность. Эти две тенденции отразились во многих произведениях, и нередко можно видеть их сочетание, приводящее к интересному синтезу. Примером может быть искусство Г.С. Райшева, отцом которого был хант, а мать — русская женщина. Творчество Райшева фактически воплощает эпический эпос хантов и манси, обогащенный русскими традициями и мироощущением. Подробнее на его творчестве мы

остановимся ниже. Тот же Г.И. Гуркин после работы в мастерской И.И. Шишкина, овладев мастерством живописца в рамках российской школы и возвратившись на Алтай, возрождает в себе языческо-пантеистическое мироощущение и пишет картину «Корона Катуня» (1910), где остров на реке навевает ассоциацию с женщиной-алтайкой в национальном головном уборе. Это прямое воплощение алтайских верований и почитания Катуня как реки-госпожи, Кадын-Баши. Здесь явно проявил себя эффект вовлеченности в русскую культуру, но одновременно — стремление сохранить свою алтайскую специфику.

И, наконец, третий фактор — *психологический*. Его связывают с типом «сибирского характера», отличающегося, с одной стороны, стойкостью, мужеством, верностью долгу, преданностью идее, своей земле, своим собратьям. Это нашло отражение во многих картинах; например, в картине А.В. Казанского «Рыбаки на Байкале» (1972), в полотнах Г.Ф. Борунова «Председатель Кольцов. Колхозная осень» (1974) (об однокласснике художника, который смог поднять колхоз из полной разрухи). В его же картине «Отец», герой которой прошел и войну, и лагеря, предстает перед зрителем в образе механизатора в грязной телогрейке, прижимающего к своей груди маленькую дочурку с куклой, защищая ее и бесконечно ею гордясь. С другой стороны, то же самое мужество часто перерастает в безрассудство, а чувство долга, преданность и верность сменяются специфическим индивидуализмом и анархизмом. Современный художник из Красноярска Н.И. Рыбаков пишет целый ряд картин о выходцах из «воровских деревень», известных в Сибири: «Сговор. Конокрады» (2013); «Лихоимец» (2017). Последнюю он сопровождает следующим объяснением: «Народная память более тяготеет к таким понятиям, как тот же беглый каторжник, ссыльный колодник, хищник, алчная душа. Таких случаев бродяжей доли бывало немало вдоль Тобольского тракта, по рекам Енисей, Витим, Лена и вокруг Байкала. На сибирских просторах беглые скрывались в потаенных местах вблизи деревень, где находили доступное пропитание.

Местные жители выражали сочувствие к беглым, но и опасались, как бы лихоимцы им не навредили»¹.

В указанных выше факторах, повлиявших на своеобразие сибирского искусства, можно при желании увидеть своеобразное художественное отражение двойственности цивилизационного положения Сибири в целом, пространства и природные богатства которой открывают небывалые возможности для исторического творчества, но одновременно грозят поглотить человека, обречь его на вечно периферийное и заброшенное существование, до которого нет дела всей остальной России. В этих условиях спастись и выжить в суровой Сибири можно только сообща, плотно социально «прижавшись» друг к другу и отгородившись от остального пространства, ставшего враждебным сибиряку.

Остановиваясь на втором факторе, можно отметить, что этнически многообразная Сибирь предоставляет необычайно широкие возможности для выстраивания продуктивного межкультурного диалога, для взаимного обогащения и синтеза достижений разных этносов, о чем уже говорилось выше. В какой-то мере в Сибири, повторим, уже исторически сбился евразийский идеал «собора разных народов». Однако при неблагоприятных сценариях развития всегда есть угроза размежевания по национальному признаку с нацеленностью на объединение исключительно с представителями своего этноса. Эту тревожную постперестроечную тенденцию этнического обособления мы уже отмечали на предыдущих страницах монографии применительно к Туве.

Наконец, широта и мощь сибирского характера может быть направлена на общее дело, на созидание и творческое преобразование жизни. Этот мотив Сибири, как территории великих коллективных свершений и строек, мы можем отчетливо видеть на полотнах многих советских художников. Но если социальные условия Сибири тяжелы, а историческая обстановка не позволяет творчески реализовать свой

¹Рыбаков Н.И. Космогонические странствия: альбом-каталог. Красноярск: ООО ПК «Ситалл», 2018. С.43.

человеческий созидательный потенциал, тогда вступает в действие противоположная сторона сибирского характера — стойкость и мужество могут превратиться в разбойно-индивидуалистическую установку цепляться за жизнь любой ценой, в том числе, и за счет соседа, ориентируясь на старый принцип «каждый выживает в одиночку». Еще В.И. Суриков отмечал это каторжное темное дно сибирского бытия и сознания, которое возрождается всякий раз, когда Сибирь оказывается на периферии государственных интересов.

С этих позиций можно утверждать, что сибирское искусство, быть может, в наиболее глубокой и зримой форме отражает эту глубинную диалектику сибирского цивилизационного пространства и, соответственно, сибирского характера.

Сложное сочетание отмеченных выше трех бинарных факторов во многом сформировало основные черты сибирского искусства, в первую очередь, живописи, но, разумеется, это лишь схема, которая нуждается в дальнейшем уточнении и разработке. Покажем теперь, как выделение нами черты проявляют себя в искусстве некоторых художников.

§ 3. «Гений места» и сибирский характер в художественном творчестве Г.Ф. Борунова

Начнем с анализа творчества художника, принадлежащего к реалистическому стилистическому направлению, которое в Сибири восходит к выдающемуся мастеру В.И. Сурикову. Как известно, ему были присущи философские раздумья о судьбах России и родных мест, о людях, сыгравших особую роль в истории отечества¹.

Для заслуженного художника России Г.Ф. Борунова (1928—2008) творчество Сурикова было своеобразным камертоном, и альбомы с репродукциями его произведений

¹Статью, посвященную сибирской теме в творчестве этого великого русского художника, читатель найдет в Приложении 1.

всегда лежали открытыми в его мастерской. Алтайский художник был наделен и литературным даром. Еще при жизни им были опубликованы отдельные очерки, а затем и книга воспоминаний. В ней он с большой проникновенностью и любовью рассказывает о родных местах и высказывает глубокие мысли об искусстве, людях, времени, исторических и текущих событиях. Раскрыть основные аспекты его искусства можно с опорой на иконологический метод. Он позволяет выявить в художественном произведении внутренние смыслы, мотивы, интерпретировать формы и выразительные средства.

Начнем с пространственного критерия, с влияния «гения места». Мысль о влиянии «гения места», а также «гения рода» на творчество художника уже высказывалась нами в соответствующей монографии¹ и была принята самим Г.Ф. Боруновым. Напомним, что к этому символическому понятию обращались многие авторы: В.В. Розанов, П.А. Флоренский, Л.Н. Гумилёв, И.М. Гревс, Д.С. Лихачев. Оно обосновывается в философско-культурологических трудах Н.П. Анциферова, П. Вайля, который в своей книге с красноречивым названием «Гений места» рассказывает о духовной связи места жизни человека и его творчества. П. Вайль пишет: «Связь человека с местом его обитания — загадочна, но очевидна. Или так: несомненна, но таинственна. Ведает ею известный древним *Genius Locī*, гений места, связывающий интеллектуальные, духовные, эмоциональные явления с их материальной средой»².

Такое отношение к родным местам разделял и Г.Ф. Борунов. После окончания учебы в Академии художеств в Ленинграде он страстно стремится к родным местам. «Сбылась моя мечта: получив полное художественное образование, вернулся я к своим землякам, переполненный творческими планами. Ведь творческую работу я

¹Шишин М.Ю. Жизнь и живопись Геннадия Борунова. Барнаул: ИД «Алтапресс», 2008.

²Вайль П. Гений места. URL: <http://lib.ru/PROZA/WAJLGENIS/genij.txt>.

рассматривал всегда, как естественный процесс — рисовать то, что близко, душе дорого»¹, — пишет Г.Ф. Борунов. Если постараться выявить весь образный ряд, так или иначе раскрывающий содержание понятия «гений места», то он может быть раскрыт через произведения, посвященные таким темам, как родная земля, земляки, родной дом, хлеб и т.д. Это, как легко понять, представляет один из отмеченных выше пространственных полюсов — «локальный».

Остановимся в качестве иллюстрации лишь на одной теме — «дом родной», сквозной для всего искусства художника. Он обращается к ней на протяжении всей жизни. На многих произведениях Борунова мы видим изображение родного дома. Это может быть сюжетно-тематическое полотно: «9 мая. Рядовые Победы» (2000), где дом выступает в качестве одного из главных «героев»; в портретах: «Больной отец» (1984), «Отец. Осень наступила» (1980); в пейзажах: «Мой дом» (1959), «Отчий дом зимой» (1963), «Павловск. Отчий дом» (1984) и др. Архив художника позволяет проследить зарождение темы, которое произошло очень рано. Сохранились рисунки 1934 года и, что очень ценно, письмо Г.Ф. Борунова к отцу в 1944 году, где изображен их родной дом. Сын понимал, что отцу, получившему ранение под Сталинградом и вблизи видевшему смерть, крайне важно получить успокоительную весточку с видом родного дома. Даже в обращении к природе родных сибирских мест, в пейзажах художника также проявляется тема дома. Г.Ф. Борунов живет одной жизнью с этими местами, не понаслышке знаком с их историей, знает каждый уголок, чувствует себя здесь спокойно и защищенно, другими словами, — как дома. Природа и человек образуют неразделимый союз, единое духовное целое. Иными словами, своеобразным домом здесь становится вся сибирская природа. Можно смело утверждать, что дом осознается здесь как важная духовная константа.

¹Борунов Г.Ф. Время, запечатленное в красках. [Автобиографические записки художника] // Алтай. №1. 1999. С.115.

В качестве примера проанализируем два известных произведения живописца. Одно из них — «Павловск. Отчий дом» (1984), ныне принадлежащее Третьяковской галерее. Г.Ф. Борунов изображает свой дом в Павловске в раннюю осеннюю пору. По колориту картина яркая, звучная, с преобладанием желтых и коричневых тонов. Сам дом на картине написан красным цветом, что способствует передаче чувства домашнего тепла. Он кажется живым, населенным родными людьми. Но одновременно красный цвет — это и цвет жертвы, трагедии. Дом и его обитатели знали потери, переживали горести — это и годы коллективизации, и трудные годы Великой Отечественной войны. Об этом напоминает еще один акцент в картине — синий ящик для писем с красной звездой как напоминание о том, что здесь живет ветеран.

Пространство картины почти полностью замкнуто деревьями, оградкой, самим домом, но у левого края есть небольшой прорыв в глубину, что сообщает нам о «большом» пространстве. Тропки, старые колеи дороги, «движение» изгороди ведут зрителя вглубь к дому, причем очень активно. Движение резко обрывается у крыльца дома, а оставленный свободный уголок пространства увлекает в глубину холста. Завышенная точка зрения упирает взгляд в линии дороги и изгородь, которые также подводят к дому. Он замыкает пространство и как бы втягивает в него зрителя.

Г.Ф. Борунов композиционно применяет две точки зрения: передний план чуть сверху, а дом — снизу, что еще усиливает «втягивающий» эффект. Дом оказывается как бы на пригорке и становится центром композиции. Он несколько закрыт деревьями, и чуть потаенно мы видим его сквозь просветы. За всем этим угадывается мысль художника: сберечь, отгородить дом от внешнего мира, подчеркивая его сакральность и интимность, — но в тоже время и открывая миру, о чем красноречиво говорят натоптанные дорожки. Здесь легко видеть присутствие одновременно двух пространственных полюсов, о чем мы говорили выше. Мазки в картине разнообразные, плотные. Тем самым Г.Ф. Борунов стремится передать не мимолетность схваченного момента, а

спрессованное время, насыщенное разными событиями и переживаниями людей. Можно представить, что частички времени как бы захватываются, закрепляются в цветовой магне картины. Дом вобрал в себя прошлое, настоящее и будущее и, несмотря на потери и невзгоды, которые пришлось пережить, олицетворяет собой прочность, стабильность, сохранность бытия.

Конечно, мотив родного дома — его защиты, и одновременно как того места, которое защищает человека от часто враждебного огромного мира, — является не только сибирским или даже российским, но общечеловеческим; но, на наш взгляд, в психологии жителя Сибири он особым образом акцентирован, что видно и на этой картине.

Рассмотрим теперь другую ипостась — дом как крепость, острог, выполняющий защитную, соборную функцию. Это проявляется в этюдах и завершенных работах, посвященных Шелаболихинскому элеватору. Просматривая архив Г.Ф. Борунова, можно видеть, как он обращается к теме элеватора на протяжении всей своей творческой жизни. К завершенным, во многом программным его работам относятся такие, как «Элеватор на Оби. Хлеб — фронту» (1970), «Элеватор на Оби. Год 1942. Хлеб — фронту» (1985), «Сибирь. Хлеб войны» (2005).

Все три произведения связаны между собой сюжетно, на них изображен Шелаболихинский элеватор — сооружение замечательного конструктора, ученого, разработавшего схему полета на Луну, Ю. Кондратюка, который в 30-х годах прошлого века строил на Алтае элеваторы. Проанализируем первую картину «Элеватор на Оби. Хлеб — фронту».

Художник строит композицию таким образом, что элеватор открывается зрителю с высокой точки зрения, как бы с птичьего полета. Он занимает весь центр полотна; можно сказать, что является главным действующим лицом, мощно возвышаясь и перекрывая практически все пространство. Лишь слева и сверху над элеватором художник оставляет просветы, через которые открывается вид на Обь. Река дается в сложном ракурсе — резко вздыбленная плоскость уводит

наш взгляд в глубь картины. Внизу перед громадой элеватора изображены клином сходящиеся к нему телеги, нагруженные зерном. Обобщая композиционное построение, можно сказать, что в полотне доминируют три пространственных плана — плоскость земли и подводы на ней, плоскость элеватора и плоскость реки. Они разворачиваются последовательно и уводят наш взгляд вдаль, за здание элеватора и дальше — за плоскость полотна, к фронту, где так ждут свозимый крестьянами хлеб. Здесь легко видеть другой полюс восприятия сибирского пространства — не замыкание, отгорожение, защита, а, напротив, — покорение и власть над огромными просторами Сибири.

Движение подвод создает мощный нагнетающий эффект в нижней части полотна. Они, как магнитом, притягиваются к смысловому центру композиции — воротам элеватора. Плоскость земли и плоскость стены здания сопрягаются под тупым углом. Элеватор, как бы поддаваясь этому давлению подвод с хлебом, западает назад. Река резко по диагонали уходит вверх в небо, образуя мощную цветовую доминанту — волну, которая, кажется, срывает с утеса элеватор. Семантика этой сложной конструкции полотна может быть раскрыта следующим образом: хлеб нужен фронту, и сам элеватор, как нос могучего корабля, врывается в толщу воды, спешит доставить хлеб бойцам на передовую. Передается напор земли, то самопожертвование, с которым дети, старики и, в основном, женщины, отдавали самое дорогое — хлеб для фронта, при этом порой жертвуя собственной жизнью. Художником найден выразительный композиционный прием, психологически зримо передающий совокупную духовную и физическую силу сибиряков, о чем мы говорили вначале.

Можно обозначить и другие композиционные ходы, усиливающие этот прием, — например, диагональным направлением движения подвод слева направо. В нем заложен некий ускоряющий эффект, движение нарастает и резко обрывается у входа в элеватор. Энергия, накопленная у входа в элеватор, в свою очередь, разворачивается теперь в мощное движение его стен, резко, как взрыв, возносящихся к небу.

Завышенная точка зрения усиливает мощь здания, а главное, придает сцене сдачи хлеба почти сакральный характер: победить врага — это воля самой сибирской земли. Г.Ф. Борунов пишет в своих дневниках: «"Хлеб фронту" был сутью нашей жизни. Ведь у каждого из нас кто-то воевал, каждый слышал о блокадном Ленинграде, да и в Москве, и в Барнауле хлеб был на вес золота. Вот и я, признаться, подумал тогда, — а, может, и отсюда хоть одно зернышко попадет моему отцу»¹.

Другой, противоположный, бунтарско-разрушительный полюс сибирского характера отражен в произведении Г.Ф. Борунова, посвященном Введенской церкви поселка Павловска. Она была разрушена в период усиленной антирелигиозной кампании в 1934 году. Образ Введенской церкви навсегда запечатлелся в душе тогда еще совсем маленького мальчика Гены Борунова и был воплощен позже в таких произведениях, как «Прошлое. Обреченные. Жертвы XX века» (1988), «Последний Благовест. Год 1934-й. Павловск. Введенская церковь» (1991), «Павловские иконописцы» (2001). Самый ранний рисунок с разработкой этой темы, который нам удалось датировать, относится к 1986 году, что говорит о том, что тема павловской Введенской церкви волновала художника на протяжении долгого времени, дорабатывалась и уточнялась в рисунках и эскизах, и сложилась в его заключительной работе на эту тему «Последний Благовест. Год 1934-й. Павловск. Введенская церковь» (1991).

В центре полотна изображена церковь, на первом плане возле нее толпится народ. Вдали возле церкви люди с плакатом «Разрушим!», и один из куполов уже падает наземь. Весь колорит картины сумрачный: небо застилают тяжелые, грозовые тучи, как символ надвигающихся несчастий. Формат картины вытянут по вертикали, что усиливает трагическую торжественность момента. Церковь изображена в центре

¹Борунов Г.Ф. Время, запечатленное в красках. (Автобиографические записки художника)// Алтай. 1998. №6. С.117.

полотна, несколько на возвышении. Г.Ф. Борунов применяет в композиции две линии горизонта, две точки зрения — сверху и снизу. За счет этого наше внимание наиболее сильно акцентируется на церкви и людях возле нее. Группа разрушителей с лозунгом расположена в стороне, возле стен церкви, и отделена от основной группы пустым пространством (цезурой). За счет этого в картине возникает два пространства, разные по эмоциональной окраске и содержанию: молитвенное предстояние, скорбь, внутреннее сосредоточение, что вычитывается в склоненных, замерших над свечами фигурах, где почти нет движения, — в отличие от группы возле церкви, в которой доминируют хаотичное движение, напор, передающие жажду разрушения. Именно в сторону этой группы падает купол церкви, как бы указывая своей главой на виновников разрушения.

Рассматривая рисунки и эскизы художника, можно проследить, как уточнялось построение композиции. И если в предварительных эскизах он передавал прямое столкновение верующих и разрушителей, то в окончательном варианте Г.Ф. Борунов отходит от этого и разводит группы в разные плоскости. Живописцу важно показать духовное противостояние. Грозные тучи на небе и сгущающиеся сумерки на земле, которые охватывают людей, замыкают храм в своеобразное кольцо. Последние лучи солнца, освещая его стены, заставляют гореть их ярким красным цветом. Вытянутый по вертикали формат картины, узкие стены храма, освещенные лучами солнца, дают эффект вспышки пламени, огня, возносящегося к небу, — сама церковь как будто горит огнем. Люди со свечами на переднем плане за счет эффектов освещения сами напоминают свечи. Здесь мы снова видим четкое противостояние двух противоположных полюсов сибирского характера, стойкость и в разгуле низменных стихий, и в отстаивании самого святого.

§ 4. Искусство Г.С. Райшева: мифопоэтика народов Сибири и культурный ландшафт

Два выделенных нами выше фактора — пространственный и этнический — особым образом соединились в творчестве другого сибирского художника, члена-корреспондента Российской академии художеств Г.С. Райшева (1934–2020).

В его работах со всей очевидностью проступает оригинальная картина мира, не столько теоретически сформированная, сколько глубоко интуитивно им прочувствованная. Причем, что показательно, эта картина предполагает многоуровневость бытия. Для художника реальны не только объекты видимого мира, но и то, что дается в акте умозрения, когда некая высшая, скрытая для многих реальность, наполненная горними образами и героями, — ноуменальный план бытия — становится открытой внутреннему зрению. Он об этом не только говорит своими картинами, но и формулирует в виде кредо, отказываясь от прямого копирования природных объектов: «Нужно создавать свою модель, которая была бы параллельна природе и точнее отражала твои ощущения»¹. Этот аспект стал предметом пристального внимания ученых на конференции, которая была приурочена к 85-летию со дня рождения художника: «Геннадий Райшев: Культурный ландшафт. Диалоги в пространстве и времени».

В связи с этим отметим, что культурный ландшафт здесь рассматривается с разных ракурсов. Во-первых, как гармоничное сочетание антропогенных и природных сил. Во-вторых, следуя за художником и вглядываясь в его работы, мы можем улавливать в них некие более тонкие, высшие проявления, о которых свидетельствует богатейший опыт традиционной культуры, нашедший свое отражение в обрядах

¹Цит. по: Гольинец Г.В. Музыка пространств. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1991. С. 7.

и мистериях всех народов¹. Сегодня эта тема многоуровневости мироздания, долгое время бывшая табуированной в эпоху догматического материализма, активно развивается в трудах многих ученых и философов. Мир двойственен — утверждают и физики, и «лирики», в том числе, художники, подобные Г.С. Райшеву. К картинам художника применимы слова П.А. Флоренского: «Всякое изображение, по необходимой символичности своей, раскрывает свое духовное содержание не иначе, как в нашем духовном восхождении “от образа к первообразу”, т.е. при онтологическом соприкосновении нашем с самим первообразом: тогда и только тогда чувственный знак наливается соками жизни и, тем самым, неотделимый от своего первообраза, делается уже не “изображением”, а передовой волной или одной из передовых волн, возбуждаемых реальностью»².

Мысли об искусстве как о загадке, рассуждения о прикровенной стороне произведения искусства можно очень часто встретить в высказываниях Г.С. Райшева. Сила художественной изобразительности в его картинах — как и в картинах, например, М. Чюрлениса, художника, очень близкого Г.С. Райшеву, — убеждает нас в том, что иное измерение бытия столь же реально, как и обыденная реальность. В этой иной реальности также есть свой ландшафт, есть свои особого рода неоднородности. Она наполнена образами, которые отразились в мифологии многих народов. В ней текут свои особенные процессы, имеющие свою протяженность и время, в ней бытует все, что есть и на дольном плане, но только как их духовный, эйдетический первообраз. На этом духовном плане нет теней — как на картинах Г.С. Райшева, Чюрлениса или Н.К. Рериха.

¹См. Гекман Л.П., Шишин М.Ю. Теоретические аспекты персониферы: на материале мифопоэтического творчества народов Азии // Вестник Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова. 2006. № 1. С. 85–95.

²Флоренский П.А. Иконостас. М.: Искусство, 1994. С.191.

Г.С. Райшеву, как своего рода сказителю, удается соединить оба плана бытия. Причем, в его графических и живописных работах отражаются мифопоэтические образы как ханты-мансийской мифологии, так и русского фольклора, а также и темы, связанные с современностью¹. В этом органическом художественном совмещении символов и образов разных культур проявляется важная черта сибирского искусства, о которой мы также говорили выше: ориентация на межкультурный синтез, на взаимное обогащение национальных художественных традиций.

Важно также, на каких образах и сюжетах, на каких ценностях делает акцент художник: на тех, что катарсически очищают душу и возводят ее вверх к высшему миру, или на тех, что погружают ее в хаос и эгоистическое своеволие, разжигают низшие страсти и влечения. К сожалению, сегодня немало псевдомифопоэтических «творений», которые делают акцент как раз на второй возможности, используют мифопоэтическую символику для сугубо коммерческого успеха или откровенного эпатажа зрителей.

Художественный выбор Г.С. Райшева с аксиологической точки зрения совершенно однозначен. Мир высший, наполненный глубоко гуманистической и оптимистической мифопоэтической символикой, становится актуальным и очевидным для зрителей. Видимо, этим объясняется феномен высокой востребованности его творчества, любви жителей Югории к картинам этого художника. Он фактически придает визуальную форму тому, что интуитивно ощущается многими. Ощущается, но не может выйти из сферы смутных, порой аморфных переживаний. Только произнесенное слово или обозначенный в произведении образ «оформляет» эти предчувствия, наполняет их жизнью.

Таким образом, художник переводит мифопоэтику из разряда предмета академического исследования в предмет

¹Гекман Л.П. Сказитель как медиатор между сакральным и профанным уровнем бытия в традиционных культурах Сибири // Вестник Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова. 2006. № 1. С. 78–84.

живого восприятия и осознания. «Иной раз я чувствую, что не я лично управляю, а сами вещи и образы живут реально, начинают диктовать мне новые ассоциации, новые образы. И так возникает какая-то новая жизнь. Там есть все. В этой новой реалии изобразительной начинают жить люди реальные, но по законам творчества, который объяснить, сказать, что за закон, трудно. Но он существует, и его можно даже назвать гармонией. Также гармонично все в природе возникает, точно так же гармонично начинает возникать в картине»¹.

Среди его произведений есть крупные работы — и в физическом смысле, и по заключенной в них идее. Они сродни величественному эпосу. В них все целостно, завершено, четко вычитывается симфонический, точнее, гетерофонический принцип композиции. Даже малый элемент вносит свою неповторимую мелодию (движение и вибрация отдельного мазка) в общую образную гармонию полотна. Это картины-концепции, например, «Югорская легенда» (1986), про которую художник говорит, что она не иллюстрирует легенду, а передает саму жизнь². Следующий блок — картины-былины, например, «Красная гармонь» (1993). Можно сказать, что это своего рода исследовательская работа художника на тему: есть ли духовная сущность у простой гармонии? В народном сознании закрепилось выражение «поет душа гармонии», а раз есть душа, то и должен быть образ, ее несущий. И поэтому взмывает над миром громадная, алая фигура, яркая, поющая, объединяющая и покрывающая своим пологом и города, и веси, и множество людей. Есть также картины-баллады, где открывается образ героя: «Богатырь Салыма (Серия «Древняя Югра», 1999). А о триптихе «Мир-сусне-хум» (2000), что в переводе с мансийского означает «За миром наблюдающий человек», сам художник пишет: «Этого богатыря я внутри ощущаю как нечто легендарное, имеющее отношение к

¹Райшев Геннадий: диалоги со зрителем. Беседы в мастерской художника. Ч. 2. Экспозиция «Страна Югория» / авт.-сост. Л.Г. Лазарева. Ханты-Мансийск: ГуИПП «Полиграфист», 2001. С.94.

²Там же. С.25.

большому прошлому. И поэтому он как бы видит нас из прошлого...»¹.

Творчество Г.С. Райшева в целом доказывает, что мифопоэтическая традиция сибирских народов не есть только вечное сокровище национальных культур, но она актуально живет в настоящем, а ее сюжеты, образы и символы, будучи творчески переработанными и наполненными высоким ценностным содержанием, могут устремлять в будущее, как бы намечать пунктиром то, что когда-нибудь обязательно сбудется.

Можно также сказать, что это такое авторское художественное прочтение национальной традиции, такое погружение в ее горные эйдетические миры, которые — в русле идей, развиваемых в данной книге — объективно способствуют утверждению идей и ценностей новой духовно-экологической цивилизации.

И если в работах Г.Ф. Борунова недавнее и хранящееся в памяти художника *историческое* прошлое ведет сражение за высшие ценности и идеалы человеческого бытия, то в картинах Г.С. Райшева такую битву за душу человека ведет *мифологическое* прошлое. Это, в частности, со всей остротой ставит важную искусствоведческую и культурологическую проблему *метаисторического* измерения в работах современных сибирских художников.

§ 5. Метаистория в произведениях современных сибирских художников

Исследование современных стилистических тенденций сибирского искусства позволяет эксплицировать новый, формирующийся на наших глазах художественный стиль. В первом приближении его можно было бы определить как *метаисторический экспрессионизм*.

¹Райшев Геннадий: диалоги со зрителем. Беседы в мастерской художника. Ч. 3. Экспозиция «Страна Югория» / авт.-сост. Л.Г. Лазарева. Ханты-Мансийск: ГуИПП «Полиграфист», 2002. С.22.

Как это было и с другими стилями, его появлению предшествовала консолидация художников-единомышленников, сформировавших новое направление в искусстве, получившее название неоархаики. В его рамках объединяются художники от Ханты-Мансийска до Иркутска. На выставках, в названии которых присутствует термин «неоархаика», появляются произведения живописи, графики, скульптуры, дизайна и художественных инсталляций. Художники этого круга вдохновляются древней историей, мифологией, этническим искусством народов Сибири. Петроглифы, сказания, народная культура входят в их отдельные произведения, а зачастую становятся и темами больших циклов. Термин «неоархаика» уже прижился и получил искусствоведческое осмысление — изданы статьи, сборники и даже альбомы¹. Не только в Сибири, но и далеко за ее пределами проходят выставки и работают мастера, близкие к этому направлению.

С другой стороны, хотя для альбома или названия выставки термин «неоархаика» вполне уместен, но когда приходится давать точную характеристику тому или иному произведению, содержательно интерпретировать его или определять тот художественный контекст, для которого данное произведение особенно органично, тогда этот термин обнаруживает свою недостаточную определенность.

Например, не всегда только мифологическое историческое наследие вдохновляет художника, но и живая современная этническая культура или совсем недавно отошедшие в прошлое события этнокультурной жизни. В связи с этим стали появляться сходные с неоархаикой термины: археоарт, архео-авангард, этническое искусство и другие, с корнями архео- и этно-. Соответственно, необходимо разобраться: означают ли они одно и то же, или речь идет о разных стилях.

¹Сибирская неоархаика. Сборник материалов / под ред. В.Ф. Чиркова. Новокузнецк: Галерея «Сибирское искусство», 2011.

Как правило, художников, включаемых в круг неоархаики, волнует история, древние мифы и символы, специфически этнические формы искусства. Возникает вопрос: можно ли сказать, что работа, выполненная в реалистической манере на этноисторическую тему, тоже относится к неоархаике? В широком смысле да, но тогда в круг неоархаики войдет слишком много персоналий и большое число произведений. В том числе, к ней могут быть причислены и рисунки, которые делают этнографы, и художники, приглашаемые в научные экспедиции.

Но ведь очевидно, что не все работы такого рода могут быть названы произведениями искусства: художественная составляющая в них часто незначительна. Это скорее документы, имеющие, в первую очередь, научную, а не художественную ценность. Если же все работы на историческую тему признавать неоархаикой, то тогда «Боярыня Морозова» В.И. Сурикова, написанная в XIX веке о событиях XVII века, — это тоже неоархаика. Известно же, что для выполнения своих картин В.И. Суриков, как ученый, исследовал музейные собрания, реконструировал с предельной точностью костюм, архитектуру, оружие соответствующей эпохи. Что касается произведений на мифологические сюжеты, то их число громадно, и тогда поиски границ неоархаики могут увести нас очень далеко, в глубь истории искусства, и мы фактически придем к выводу, что границ между мифом и неоархаикой, неоархаикой и живописью на исторические темы попросту нет. Но это-то и значит, что либо критерии отбора неверны, либо неоархаики вообще не существует как отдельного стиля. Тем более что многие работы уже включены в устоявшиеся направления искусства (например, творчество того же В.И. Сурикова очевидно относится к реализму).

Эту проблему отметил известный исследователь современного искусства, много сделавший для изучения искусства Сибири, А.И. Морозов, который писал: «...Наиболее заметная сегодня региональная специфика проявляется в обращении художников к этническим,

мифологическим — почвенным — корням культуры народов Сибири. В определении этого феномена фигурируют различные термины, и правы те, кто с ними осторожно обращается. Это археоавангард, этноархаика, неомифология и пр. Идеального термина пока нет. К названным напрашивается критический комментарий. Археоавангард: “архео” и “авангард” трудно соотносимы между собой»¹. На наш взгляд, имеет смысл, не конкретизируя пока понятие неоархаики, выделить в этом широком направлении явно обрисовывающийся стиль, который мы и назвали *метаисторическим экспрессионизмом*. Не просто обращение к прошлому характерно для художников, работающих в его рамках, а глубокая рефлексия над историко-культурным наследием, особенно его ценностно-смысловым содержанием. Они стремятся вжиться в эти пласты культуры, не просто описывать архаические явления, а постараться понять их природу так, как их видел сам далекий предок. Остановимся на этом подробнее.

Истинный художник, как творческий человек, наделен, как правило, острым видением современности. Ему видны не только проблемы, но их истоки, глубинные причины. Это дано немногим, в силу дискретности картины мира современного человека, что ведет его к отчуждению от окружающего мира, вплоть до войны с ним (антиэкологические комплексы в современном мировоззрении) и атомизации личности. У людей традиционной культуры господствовал совсем иной тип мировоззрения — целостный, нерасчлененный; единство с миром было естественным для человека. Он воспринимал его как животворящий космос, и чтобы его не только почувствовать, но и познать, человек формировал мифологию и искусство.

¹Морозов А.И. О Четвертой Всесибирской выставке-конкурсе современного искусства Сибири «ПОСТ №1» (в жанре критического экспресс-обзора) // Пятые Омские искусствоведческие чтения. Омск: Изд-во союза художников, 2005. С.33.

Не будет ошибкой сказать, что это было **стихийное духовно-экологическое мировоззрение**, где было не только единение с природой, но и единение с высшим горным миром. Из этого высшего мира, когда еще не распалась связь Земли и Небес, человек извлекал и образы небожителей, и священные символы. И, на наш взгляд, именно реконструкция этого целостного видения, бытование образа как живого символа является одной из общих задач для художников стиля метаисторического экспрессионизма. А поиск образов в реальности, отличной от профанной, со своим статусом пространства-времени, предполагает не реалистический, а условный, пластический язык художественного воплощения. Это подводит нас к возможности определения нового стиля. Суть его можно передать в виде ответов на два вопроса: а) **что** изображают художники — сюжеты метаистории, и б) **как** — экспрессионистически.

Поскольку экспрессионизм уже достаточно хорошо описан, а метаистория — относительно новое понятие (во всяком случае, не очень распространенное), то скажем по его поводу несколько слов. Знакомство с художниками — С. Дыковым, С. Лазаревым, Л. Пастушковой, А. Сусловым, Н. Рыбаковым, В. Тебековым и другими позволило применить это понятие к анализу того особого стиля, о котором идет речь.

Прежде всего, метаисторический взгляд — это взгляд *над* или *через* историю, что очень хорошо объясняет, к чему обращаются художники в поисках своих сюжетов. Все вышеперечисленные мастера искусства именно через мифологическое полотно сибирской истории, порой отталкиваясь от конкретного исторического объекта (например, шаманского бубна, каменного изваяния, музейного экспоната), стремятся увидеть бытие предмета в отдаленном прошлом, но не иллюстративно подходя к этому, а как бы погружаясь в особую, в буквальном смысле слова двуединую духовно-экологическую реальность, в особое течение пространства-времени, в особые слои бытия, в которых сохранились не только следы прошлого, но и все, что с ним могло быть связано, включая переживания людей прошлого.

Считается, что само понятие «метаистория» впервые было применено философом С.Н. Булгаковым, который понимал метаисторию как «...ноуменальную сторону того универсального процесса, который одной из своих сторон открывается для нас как история»¹. Что же касается искусства, то здесь, очевидно, надо говорить об особой форме постижения бытия, и для творческих личностей именно эта форма играет ключевую роль. Как никто другой, художник наделен творческим воображением, а если это еще сочетается с высоким уровнем интуиции и знаниями, то таким образом начинает прорисовываться образ художника, для которого метаистория становится живой реальностью. Отметим здесь, что практически все мастера, входящие ныне в круг неоархаики, представляют собой личности, которые не только живо и постоянно интересуются историей, совершают поездки и экспедиции к древним местам, внимательно изучают исторические и археологические музеи, участвуют в научных экспедициях, но и нередко вносят научный вклад в изучение древностей Сибири. Например, художник Н.Ф. Копелько разработал метод копирования наскальных рисунков через протирание их на микалентной бумаге и сохранил, по крайней мере, в копиях, множество петроглифов, ныне оказавшиеся под водой Саяно-Шушенского водохранилища. Н.И. Рыбаков является участником научных конференций и автором ряда интересных научных публикаций.

Но важно, повторим, то, что для художников рассматриваемого направления характерно интуитивное принятие многомерности, многоуровневости бытия, где природная и духовная составляющие, о чем мы говорили выше, находятся в органическом единстве. Для них характерен глубокий интерес к этой метареальности, а также богатое воображение, которое, по сути, есть способность открывать в ней особые образы и, что особенно ценно, —

¹Булгаков С.Н. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. М.: Изд-во Олега Абышко, 2008. С.59.

выразительно воплощать свои прозрения в художественных формах.

Теперь скажем несколько слов об экспрессионизме. Выставки по неоархаике не оставляют сомнения в том, что это наиболее близкий из всех художественных стилей для большинства мастеров. У него нет точного определения, есть только принятые большинством версии. С первых выставок в начале XX в. экспрессионизм получил глубокое теоретическое осмысление у себя на родине в Германии, а затем и в России, где этот стиль получил широкое распространение и обрел специфические черты¹. Е.И. Боричевский отмечает, что «...экспрессионизм — протест против внешних летучих впечатлений импрессионизма, против исключительно формального отношения эпигонов футуризма, против духовного тупика и застоя довоенной и военной Европы, против тупика точных наук, против рационалистического фетишизма, против механизации жизни во имя человека»². Это звучит очень современно, и многие художники почти в тех же формулировках раскрывают свое кредо. Критический анализ двух крупных теоретических исследований немецких философов Г. Бара и Ф. Лансбергера был предпринят И. Пуниным. Так, в частности, он отмечает очень ценное качество художника-экспрессиониста, который в своем творчестве исходит «...из фактов духовного видения, — видения, обладающего творческой силой, силой, строящей мир согласно другим законам, чем законы, чувственного видения»³.

Раскроем проявления метаисторического экспрессионизма на примере графической работы В. Тебекова «Над землей Алтая», где доминирующим является образ могучего быка. Этот образ можно часто встретить в

¹См.: Маркин Ю.П. Экспрессионизм. Живопись, графика. М.: Издательский дом «РИП-холдинг», 2014.

²Боричевский Е. И. Философия экспрессионизма. URL: <http://ec-dejavu.ru/e/Expressionism.html>

³Пунин И. Немецкий экспрессионизм в живописи и русском искусстве. URL: <http://ec-dejavu.ru/e/Expressionism.html>

наскальных рисунках по всему Большому Алтаю. В многочисленных петроглифических композициях встречаются сюжеты перекочевков с вьючными быками. В крупнейшем комплексе наскальных рисунков Калбак-Таша в Республике Алтай на камне выгравированы сцены, которые интерпретируются исследователями как сцены жертвоприношений с быками/коровами. Этот образ можно встретить в петроглифах Монголии и китайского Синьцзяна. Словом, образ быка прочно и давно вошел в культуру многих народов Алтая и Евразии¹.

В работе В. Тебекова в центре листа верхом на быке сидят два интересных героя — мужчина и женщина, смотрящие друг на друга и удивительно похожие. Над этими фигурами-близнецами возвышается сложная конструкция, своего рода паланкин, обильно украшенный резными фигурками круторогих баранов. Рассматривая этот рисунок, а особенно паланкин, легко припомнить украшения скифских головных уборов, их конские наверхия, резьбу на повозках, где часто воспроизводилось большое число маленьких изящных фигурок птиц, круторогих баранов, оленей, сверху покрытых золотой фольгой. Рисунок, можно сказать, переполнен множеством этнографических подробностей, но воспринимать его в качестве иллюстрации алтайской этнической культуры — значит пропустить очень многое в сюжетном плане. Ключ к разгадке находится в композиционном решении, где особенно акцентирована как раз фигура быка.

Он заполняет собой большую часть нижней трети листа. Его крупная фигура, выразительный поворот головы, красиво очерченные большие выпуклые глаза, громадные рога притягивают и надолго задерживают взгляд. Бык, по типичным признакам, як или сарлык, показан в стремительном беге, по сути дела — в полете. Энергия его движения, мощь фигуры делают этот бег неудержимым. Кажется, что нет в

¹См. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семиотический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993.

мире силы, способной остановить его. Это весьма важная характеристика для дальнейшей интерпретации работы.

Наиболее привлекательной деталью в образе быка является огромная по своим размерам голова, которая показана художником так, будто в своем беге бык слегка поворачивает голову назад и с большим вниманием прислушивается к своим наездникам. Для того чтобы связать все части композиции вместе, необходимо понять символическо-семантическую сторону каждого элемента в рисунке. Бык в полете, «небесный бык» — древнейший, уходящий в неолит образ, часто встречающийся во многих комплексах петроглифов на Алтае. Бык олицетворяет силы подземного мира, одновременно и разрушительные, и дарящие плодородие. Близнецы — это тоже древнейшая культурная константа Евразии. С ними связывали единство надземного, реального солнца и солнца «черного», подземного, Луны и Солнца. С Близнецами в мифологических системах также связан культ плодородия, пробуждения жизни, одухотворения всего сущего в мире¹. В алтайской мифологии есть духи земли и воды — Дьер-Суу, духи всего живого на земле. Другими словами, Близнецы могут манифестировать собой средний уровень, земной план. Не составляет большого труда заметить в паланкине символическую передачу третьего уровня: здесь в различных вариантах изображен известный евразийский соляной символ — кругорогий баран².

Таким образом, перед нами известными символами высокохудожественно передана трехуровневая модель мироздания, повсеместно принятая народами Сибири и Евразии. Она многократно воспроизводится в алтайских сказаниях, орнаментальных и петроглифических композициях. Выявив эту трехуровневую модель, определив

¹См. Голан А. Миф и символ. М.: Русслит, 1993. С. 132–140.

²См. Анохин А.В. Материалы по шаманизму у алтайцев. Горно-Алтайск: Ак_Чечек, 1994; Садалова Т.М. Понятие о трех мирах в алтайском фольклоре // Кан-Алтай.1999. №18. С.11–12; Шодоев Н.А. Алтайские народные билики о небе, о бурханах // Кан-Алтай. 2000. №19. С.18–21.

основные символы и их взаимосвязь, можно выйти на метафору, лежащую в основании сюжетного плана работы, — духовные силы всех уровней, действуя вечно и согласно друг с другом, одухотворяют и пробуждают к жизни все сущее. Как знак этого в малой детали — контуре гор в виде теней — пробуждаются и устремляются вверх духовные сущности. С другой стороны, опрокинутые сосуды под ногами бегущего быка — символ пролитой сверху на землю благодати. И в композиционно-пластическом, и в сюжетно-семантическом планах рисунок «Над землей Алтая» В. Тебекова оказался целостным и художественно выразительным.

Силы духа и силы природы, пусть стихийно и внерационально, но всегда действуют заодно в мифопоэтической традиции сибирских и, шире, евразийских народов, обеспечивая единство всех уровней и всех существ в мироздании, воплощая исконное духовно-экологическое единство Космоса, от которого ушло, но к которому призвано вернуться на новом, уже научно-рациональном и философском уровне крепко заплутавшее человечество.

В общем русле идей, развиваемых в данной книге, можно утверждать, что метаисторический экспрессионизм — это не просто художественная ностальгия по навсегда ушедшему «золотому веку» гармонии человека и природы, а устремленный в будущее призыв к умудренному возвращению к историческим корням, к такому творческому прочтению символов прошлого, которое поможет нам преодолеть проблемы и противоречия современной техногенно-потребительской цивилизации.

ГЛАВА 10. Традиции сибирского просветительства в прошлом и настоящем

Переход от техногенно-потребительской к духовно-экологической цивилизации подразумевает научное осмысление культурного потенциала Сибири, который складывался в процессе деятельности многих поколений подвижников. В данной главе мы остановимся на просветительском направлении как особом феномене и необходимом условии цивилизационного развития, оказавшем большое влияние на формирование самобытного культурно-ментального ландшафта сибирского пространства в целом и его Алтайского региона, в частности.

Просветительство представляет собой созидательную, самоотверженную деятельность, осуществляемую отдельной личностью или группой лиц в интересах общественного прогресса и повышения уровня общей культуры и сознания людей, часто реализуемую в сложных природных или социальных условиях. Этот феномен характеризуется ярко выраженным этическим содержанием и связан с такими качествами, как стремление к познанию, самопожертвование, бескорыстное служение общему благу, доброта, мужество. Несмотря на то, что просветительство представляет собой явление, характерное для различных исторических эпох, но чаще всего оно соотносится с какими-то переломными периодами в развитии общества¹.

Именно трудами немногих подвижников и светочей духа, увлекающих за собой массы людей, в мир вносятся новые идеи и утверждаются высокие идеалы, реализуются глобальные социальные проекты и открываются невиданные ранее культурные горизонты. У всех народов во все времена были просветители, чья деятельность стала важнейшим фактом их

¹Помелов В.Б. Просветительство как педагогический феномен // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 2. С. 26–31.

истории и символом вклада этих народов в мировую культуру. При этом важнейший универсальный мотив просветительства — это защита достоинства и свободы человека, нацеленность на всестороннее духовное развитие как отдельной личности, так и всего народа в целом, защита национальных святынь и идеалов. К выдающимся отечественным просветителям мы относим религиозных деятелей — Сергия Радонежского, Максима Грека, митрополита Платона Левшина; ученых — М.В. Ломоносова, Д.И. Менделеева, В.И. Вернадского; писателей, музыкантов и художников — Л.Н. Толстого, М.И. Глинку, В.И. Сурикова; педагогов — К.Д. Ушинского и В.А. Сухомлинского и многих других. Не будет ошибкой утверждать, что многие идеалы и жизненные ценности духовно-экологической цивилизации были впервые сформулированы и воплощены в жизнь именно в деятельности просветителей.

Сибирь здесь не стала исключением. Если проследить исторически, то поражают масштабы вклада в общественный прогресс отдельных выдающихся личностей, чья деятельность связана с развитием культурной, экономической и хозяйственной жизни сибирского региона. Трудно переоценить их роль в освоении и обживании сурового сибирского пространства.

§1. Роль православных миссионеров в культурном развитии Сибири

Россия богата не только своими просторами и природными ресурсами, но главным её достоянием являются те люди, которые своей подвижнической жизнью оставили неизгладимый след в ее истории. Любой уголок России имеет своих покровителей и молитвенников (их около четырёхсот). В России «не было недостатка в истинных подвижниках, сочетавших в себе духовную и нравственную высоту,

напряжение подвига с глубиной понимания и высочайшей дисциплиной, которые явно и скрыто составляли костяк русского государства и русской истории»¹.

Прежде чем перейти к анализу вклада в духовно-культурное развитие Сибири деятелей русской православной церкви, стоит вспомнить о великих традициях русского религиозного просвещения в целом и той роли, которую отечественные духовные праведники и подвижники сыграли в пространственных проектах, посредством которых шло становление России как великой евразийской и мировой державы.

К одним из великих святых России относят Преподобного Сергия Радонежского, значение которого выходит далеко за границы своего времени. Как сказал в своей речи в память Преподобного Сергия В.О. Ключевский 26 сентября 1892 г., именно такие люди становятся для грядущих поколений путеводителями, и потомки целые века твердят их благоговейные имена не только чтобы благодарно почтить их память, сколько для того, чтобы самим не забыть правила, им завещанного².

В.О. Ключевский также отметил, что одновременно со св. Сергием Радонежским много усилий в деле распространения света знаний и культуры приложили св. Стефан Пермский и митрополит Алексей, влияние которых простиралось далеко за пределы церковной жизни, охватывало всю социальную и культурную сферу. Оно заключалось и в воспитании нравственного чувства в народе, и в укреплении русского государства³. Этим подвижников связывали узы глубокой духовной дружбы и взаимопонимания. Они были самыми

¹Иванов В.А., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Скрижали метаистории: творцы и ступени духовно-экологической цивилизации. Барнаул: Изд-во АлтГТУ И.И. Ползунова; Изд-во фонда «Алтай 21 век», 2006. С.277

²Знамя Преподобного Сергия Радонежского / Сост. Е.И. Рерих. Рига: Латвийское общество Рериха, 1990. С.11.

³Там же. С. 14

образованными людьми того времени, один «всю грамоту добре умея», другой «всяко писание ветхого и нового завета пройде», третий даже «книги греческия извыче добре».¹ Каждый из трёх выполнял свою особую миссию. Митрополит Алексей больше работал в политической области, был советником трёх московских князей. Св. Стефан проповедовал христианство в Пермской земле, тяготел к научным знаниям, хорошо знал греческий язык. Он изучил «внешнюю философию», то есть элементы светских наук, доступные ему в греческих оригиналах, так как славянские переводы не могли дать этой «внешней философии». Но главным предметом изучения Стефана Пермского было, конечно, Священное Писание². Помимо греческого и славянского, св. Стефан выучил зырянский язык. Для пермского народа он создал зырянский алфавит и письменность, перевёл на их язык Священное писание. Он наставлял новокрещенных учиться грамоте и читать «Часослов», «Псалтырь» и другие духовные книги. В местном предании говорится о многих церквях и монастырях, основанных св. Стефаном в Пермском крае. Сохранились иконы, написанные его рукой. Усть-Вымь сделалась кафедральным городом новой епархии, которая еще не распространялась при св. Стефане на Великую, т.е. прикамскую Пермь. По мысли Г.П. Федотова, Стефан Пермский предложил одно из самых убедительных в Древней Руси религиозных обоснований национальной идеи, заключавшееся в осознании не только исторической, географической, но и духовной общности русского народа с другими коренными народами России, своей ответственности за их культуру и историческую судьбу. Как пишет Г.П. Федотов, универсальная христианская «миссионерская деятельность св. Стефана сочеталась со служением зырянскому народу. В житиях его святых преемников по

¹Там же. С. 15

²Федотов Г.П. Святые Древней Руси. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Fedotov/svjatye-drevnej-rusi/7

пермской кафедре мы видим верность тому же служению. Св. Герасим и св. Пителирм отдали жизни за свою зырянскую паству»¹.

Преподобный Сергей Радонежский, который считал св. Стефана своим духовным братом, все свои силы направил и на культурное просвещение, и на нравственное воспитание русского народа. Он со своими последователями сумел выполнить важнейшую задачу, связанную с распространением искусства созерцательной молитвы, продвижением духовной жизни народа на более высокий уровень, прежде не известный на Руси. Великий святой заложил традицию пустынножительства, которое по его примеру стало быстро распространяться по всей Московской Руси.

Впоследствии Е.И. Рерих так охарактеризовала деятельность пустынников: «Они явились истинными расадниками жизни и просвещения... Они развивали земледелие, строительство, насаждали ремёсла и на культуре духа закладывали основу государственности... Святой Сергей стал отцом северного русского монашества, основоположником Святой Руси и также предтечею будущих. Средством нравственного воспитания служил живой пример Преподобного Сергия, его жизнь есть огромный духовный подвиг, сопряженный со многими лишениями, трудом. Для братии он был поваром, пекарем, мельником, дровоколом, портным, плотником, каким угодно трудником, служил ей как раб купленный...».²

Как полагают исследователи, Преподобный Сергей «...во-первых, своим авторитетом оказывал неоценимую поддержку не только свержению ига, но и делу объединения Руси в целом... Во-вторых, он основал величайший духовный, точнее, духовно-культурный центр недалеко от столицы будущего государства, и от этого центра, как лучи от солнца, начали

¹Федотов Г.П. Святые Древней Руси. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1999. С.163.

²Знамя Преподобного Сергия Радонежского / Сост. Е.И. Рерих. Рига: Латвийское общество Рериха, 1990. С.17, 79.

распространяться по стране новые обители, неся народу помощь духовную и материальную, знания, культуру и личный пример нравственно-трудовой жизни...»¹. Фактически святой св. Сергей Радонежский и св. Стефан Пермский стали духовными лидерами в реализации первого, северного, геопроекта в истории России.

Заложенные ими традиции социального служения и культурного просветительства впоследствии были перенесены и в Сибирь. С особой силой эти традиции проявились в деятельности их преемников — сибирских святых. «Далекая Сибирь, и та не имеет недостатка в святых, и там горят светильники в лице святителей Иннокентия и Софония Иркутских, Иоанна Тобольского, праведного Симеона Верхотурского и многих иных»². К сибирским святым Церковь традиционно относят святых Урала, Дальнего Востока и русской Америки.

Многих выдающихся деятелей церкви направляли в Сибирь с целью распространения христианства. Одни оказывались здесь по причине неуютности властям, другие же добровольно поселялись на этой суровой земле для испытания себя в аскезе и усердной молитве. Среди сибирских монахов-подвижников известны кузнецкие монахи Зосима и Василиск, архиепископ Нектарий, старец Нил, старец Тихон и другие³.

История сибирского православного подвижничества начинается с присоединения Сибири к России после того как в 1620 году образовалась Тобольско-Сибирская епархия. Отсюда начала распространяться миссионерская деятельность, дошедшая до многих удалённых мест, вплоть до Китая.

¹Иванов В.А., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Скрижали метаистории: творцы и ступени духовно-экологической цивилизации. Барнаул: Изд-во АлтГТУ И.И. Ползунова; Изд-во фонда «Алтай 21 век», 2006. С.288–289.

²Помощник преподобного Сергия: жизнеописание. Духовный алфавит архимандрита Кирилла (Павлова). М.: ООО Духовное преображение, 2018. С. 298.

³Чины православных святых. URL: <http://fb.ru/article/275474/svyatost---eto-chinyi-svyatosti-v-pravoslavii>

Кем же были эти мужественные и благородные люди, которые прославили сибирский край своей святой жизнью? Известно, что в Сибирь прибыли двадцать семь подвижников, а остальные почти все имели сибирские корни. Существует икона Собора Сибирских святых, где изображен сонм святых Сибири. Первым здесь принято считать Василия Мангазейского (1583–1602), чье имя связано с русскими легендами о Лукоморье, где проживали мангозеи (позырянски означает «народ на краю земли»). Видимо, поэтому первый русский город Сибири и называется Мангазея. Он находится у реки Таз, впадающей в Енисей недалеко от его устья. Василий еще юношей прибыл сюда из Ярославля вместе с купцом, у которого работал приказчиком. Василий был незаслуженно обвинен в краже и был подвержен жестокому избиению, за что принял мученическую смерть. Вскоре клевета была разоблачена, и Василий стал почитаться как образец чистой и непорочной жизни. Нетленные мощи Василия Мангазейского были явлены почти через пятьдесят лет после погребения, и тогда началось его народное почитание и фиксировались факты чудотворения¹.

При Петре I христианство в Сибири стало распространяться особенно интенсивно, и священников не хватало. Поэтому митрополиту Тобольскому и Сибирскому Филофею приходилось рукополагать в священнический сан представителей разных сословий, порою даже из крестьянства. Пётр I решил способствовать распространению православия и в Китае через организацию там духовной миссии. Для этого необходимо было направить в Китай епископа. На эту должность выдвинули епископа Иннокентия (впоследствии Иннокентий Иркутский), известного своим особым благочестием и учёностью. Из его жизнеописания известно, что он родился около 1682 года, окончил Киевскую духовную академию, принял монашеский постриг и с именем Иннокентий вступил в число братии Киево-Печерской Лавры.

¹Еремина Е.Н. «Истинно ничего не взял от имени твоего». Жизнь мученика Василия Мангазейского. М.: Сибирская благовозвница, 2013.

В Сибири Иннокентий три года пребывал в Селенгинске и вел свою просветительскую деятельность среди бурят, тунгусов и монголов. Его жизнь была полна лишений и испытаний: не получая жалованья, Иннокентий и его спутники, находясь в Селенгинске, порою питались и жили на пожертвование русских купцов.

В 1727 году Иннокентия назначили епископом Иркутской епархии. Получив более широкие полномочия, он создал монголо-русскую школу на территории Вознесенского монастыря. Он лично подбирал учителей и выделял средства для обеспечения учащихся учебниками, одеждой и продовольствием.¹ Затем он основал духовное училище, где, помимо Закона Божия, местное население обучалось русскому языку. Святителя Иннокентия по праву считают достойнейшим просветителем отдаленнейшей окраины русского государства — Восточной Сибири².

Как мы уже отмечали выше, сибирские святые в большинстве своём были образованными людьми, закончившими духовные училища или академии. Многие из них были докторами богословия, профессорами, имели должности ректоров духовных образовательных учреждений, были возведены в высшие церковные саны, возглавляли митрополии. В частности, митрополит Тобольский и Сибирский Филофей (Лещинский) в молодости окончил Киево-Могилянскую академию. Его заслуга состоит в том, что при нём в 1703 году в Тобольске была открыта первая в Сибири Славяно-русская приходская школа, для чего он добился разрешения у самого Петра I. В школе обучались дети русских переселенцев и коренных народов Сибири.

Впоследствии эту школу особо поддерживал Иоанн Тобольский (Иван Максимович), который был митрополитом Тобольским и Сибирским с 1711 г. На содержание школы он жертвовал личные сбережения. Преподавателей пригласили

¹Сегеда А. ТОП-10 Сибирских святых. URL: <http://pravoslavie.fm/interested/top-10-sibirskikh-svyatykh-chast-vtoraya/>

²Прежде всего бойся Бога». Святитель Иннокентий. Чудотворец Иркутский / Смоленск Православный. 2016. № 10.

из Киева и Чернигова. Иоанн оставил после себя целый ряд трудов, которые использовались в школе: «Нравоучительное зеркало», «Алфавит, рифмами сложенный», «Синаксарь о победе под Полтавою», «Духовные мысли», «Путник» (рукопись) и др. В самом конце жизни им был опубликован «Илиотропион» («подсолнечник»), или «Сообразование человеческой воли с Божественною волею»¹. Иоанн Тобольский скончался в молитве, стоя на коленях в своих покаях. Как известно, такой же славной смертью ушел из жизни великий русский святой Серафим Саровский — во время молитвы перед иконой «Умиление».

Святителя Софрония (Кристалева), окончившего Киевскую духовную академию, рекомендовала Святейшему Синоду императрица Елизавета Петровна, и с 1753 г. он становится епископом Иркутским и Нерчинским. Став епископом, он так же, как и его предшественники, заботился об устройстве быта малых народов и много способствовал развитию в местном населении навыков оседлости и культуры, предлагая им для поселения монастырские земли. Известно, что Софроний вел довольно аскетичный образ жизни, спал на полу, питался очень скудно, большую часть ночи предавался молитве. В 1754 году он издал указ, где духовенству вменялось обучать своих детей Часослову, Псалтири, пению и букварю, причем учение «должно было идти со всяким прилежанием и крайним рачением, дабы дети могли пономарскую и дячковскую обязанность исполнять по достоинствам своим»². Здесь можно видеть прямое продолжение просветительской миссии св. Стефана Пермского.

Другой святитель, Павел (Конюсевич) — также воспитанник Киевской духовной академии. Став иеромонахом, он был направлен проповедником в Московскую Славяно-греко-латинскую академию. Был

¹Сегеда А. ТОП-10 Сибирских святых Ч.1. URL: <http://pravoslavie.fm/interested/top-10-sibirskikh-svyatykh-chast-vtoraya/>

²Там же.

архимандритом Юрьева монастыря, а в 1758 г. был назначен митрополитом Тобольским и Сибирским. При нём была возобновлена деятельность Тобольской семинарии, и для того чтобы повысить качество образования, он из Киева пригласил трёх учёных монахов.

Первый из них — архиепископ Варлаам (Петров) — окончил Киевскую академию, служил в Троице-Сергиевой лавре. В 1768 г. стал епископом Тобольским и Сибирским. Проявлял так же, как и его предшественники, особую заботу о Тобольской духовной семинарии. При нем ввели в преподавание такие предметы, как греческий и татарский языки, математику, физику, красноречие, географию и медицину. Также был открыт класс иконописи, и архиепископ Варлаам собственноручно написал икону.

Другой приглашенный — епископ Милетий (Якимов) — окончил Вятскую духовную семинарию, затем Казанскую духовную академию, был кандидатом богословия, а также автором духовных книг. Благодаря его усилиям в сане епископа Якутского и Вилюйского было открыто много церковно-приходских школ, а в Якутске появился областной музей. Ныне это Якутский музей истории и культуры народов Севера — один из крупнейших музеев на северо-востоке Российской Федерации, широко известный как центр культурно-образовательной деятельности. В нем находится целое собрание памятников истории и культуры народов Якутии. В экспозиции музея широко представлена природа края, животный и растительный мир тайги, лесотундры, тундры и арктической зоны республики, а также история Якутии с периода палеолита и до настоящего времени. Возможно, что каких-то из этих артефактов касалась и рука самого святителя.

Большой интерес вызывает личность третьего приглашенного — протоиерея Стефана (Знаменского), который окончил Тобольскую духовную семинарию. Он служил в Петропавловском соборе г. Барнаула. Далее был переведён священником кафедрального собора в Тобольск. В 1842 г. вместе с декабристом И.Д. Якушиным на средства

купца Медведева и других лиц открыл ланкастерское училище для мальчиков. Здесь, помимо духовных дисциплин, преподавались славянская, русская и латинская грамматика, а также география, арифметика и чистописание. Позже такое же училище было открыто и для девочек. В 1853 году Стефан был переведён в Омск, который стал столицей области сибирских киргизов. Там он создал одну из лучших в Сибири духовных библиотек. В 1856 г. в ней было собрано 316 источников, а в 1900-е годы было уже 1875 книг. Сам Стефан выписывал 17 различных журналов по богословской тематике. Стефан Знаменский представлял православное духовенство в особом комитете по народному образованию, был духовником декабристов, которые отбывали ссылку в Кургане, Тобольске и Ялуторовске. Примечательно, что на его службах присутствовал Ф.М. Достоевский, который был сослан в г. Омск. Показательно, что за свою праведную жизнь Стефан Знаменский еще при жизни почитался в народе как святой.

Оказавшись в Сибири, многие святители и преподобные отцы прошли непростой духовный путь. Так, тяжелые испытания выпали на долю архимандрита Макария (в миру Михаил Глухарев), который окончил в свое время Смоленскую духовную семинарию, потом был учителем в Смоленском духовном училище, затем учился в Духовной академии, хорошо знал языки (латинский, немецкий, французский, древнегреческий и древнееврейский), был ректором Костромской духовной семинарии и настоятелем Богоявленского монастыря, профессором богословских наук. Он хорошо знал богословие, историю, географию. В 1818 г. был пострижен в монахи с именем Макарий и служил в Глинской пустыне.

По доброй воле архимандрит Макарий подал прошение в Св. Синод о желании вести миссионерскую службу на Алтае. И с 1830 г. он с двумя подвижниками прибыл в этот горный край, образовав православную общину. Чтобы стать миссионером, необходимо было, помимо глубокого знания основ христианского учения, обладать также познаниями в естественных науках, медицине, говорить на языке инородцев,

разбираться в сельском хозяйстве и пр. В течение четырнадцати лет о. Макарий жил в Улале, постоянно посещая кочевых татар, калмыков и телеутов. За время своей службы на Алтае преподобный окрестил около 700 взрослых и столько же детей. Прививал им основы оседлого образа жизни, оказывал всяческую помощь и поддержку: лично участвовал в строительстве для них домов, покупал скот, сельскохозяйственные орудия труда, знакомил с основами культурного земледелия, огородничества, агротехники. Для этого он выписывал из Санкт-Петербурга специальные журналы, книги об овцеводстве и сельскохозяйственной химии, приобретал семена овощей и лекарственных трав.

Макарий не отличался хорошим здоровьем, но он не раз совершал многодневные переходы и переправы через горные реки. Ему пришлось пережить все лишения страннической жизни, но он неуклонно исполнял свой пастырский долг и не только крестил и наставлял духовных чад, но и при любой возможности обучал их грамоте. Ему принадлежит заслуга в создании алтайской письменности и словаря (букваря), в переводе Библии на алтайский язык.

Большой просветительской работой известен митрополит Иннокентий (в миру Иван Попов-Вениаминов), который был первым епископом Камчатки, Якутии и Приамурья, а также Северной Америки. Он был сподвижником генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьёва-Амурского, деятельность которого заключалась в освоении Дальнего Востока. Их обоих по праву считают основателями города Благовещенска. Митрополит Иннокентий был назначен миссионером в Америку, просвещал народы Камчатки, Алеутских островов, Северной Америки. Повсюду он организовывал обряды крещения, строительство храмов, при которых открывались школы, и ему самому приходилось обучать детей. Митрополит Иннокентий создал алфавит алеутского языка. Вместе с Н.Н. Муравьёвым-Амурским провёл переговоры с китайскими посланцами об установлении границы между государствами, благодаря чему в 1858 г. весь Амурский край перешёл к Российской империи.

Жизненный путь большинства сибирских православных миссионеров был сопряжён с тяжелой многолетней работой на ниве православного миссионерства и культурного просвещения. Все они с честью выдержали суровые испытания и лишения, встретившиеся им в Сибири. Их можно с полным основанием назвать **первопроходцами культуры, сыгравшими не менее значимую роль в освоении Сибири, чем служилые люди, крестьяне и торговцы.**

Мы перечислили духовные и просветительские заслуги лишь малой части религиозных подвижников Сибири. Еще раз подчеркнем, что приобщение к православию представителей сибирских народов значительно повысило их духовную и материальную культуру. Религиозное просвещение было — в своих лучших образцах — важнейшей составляющей общего процесса сибирского просвещения. Именно ему мы обязаны первыми школами, музеями и библиотеками. Безусловно, привлекательны и личные образы подвижников, людей безупречной нравственности и активной социальной позиции. Они шли так называемым «тесным путём»: это и молитвенный подвиг, и перенесение телесных скорбей, и лишение всяческих материальных благ, и самоотверженное служение ближним. И всё это было сопряжено с сердечной чистотой и любовью к людям и миру.

Не случайно Е.И. Рерих полагала, что «история повторяется, и кто может сказать, что наступившие с начала XX столетия годы развала, гонения и кощунственного разрушения Святынь снова не сменятся великим, ещё небывалом духовным подъёмом, который в стихийности своей превысит все до него бывшие подвиги»¹. Действительно, в XX веке сонм православных святых значительно пополнился, в том числе, и в Сибири. Этот период явил миру целую плеяду новомучеников и исповедников, пострадавших в результате массовых репрессий.

Сегодня мы стали свидетелями возрождения православия

¹Рерих Е.И. Знамя Преподобного Сергия Радонежского. Рига: Латвийское общество Рериха, 1990. С.118.

и православного просвещения в России: восстановлены многие старинные храмы, построено много новых, возродилась монастырская жизнь, открылись духовные училища и академии. Именно Сергей Радонежский и Стефан Пермский заложили русские традиции святости, утвердили такие вечные ценности, как духовное подвижничество, нестяжательство, трудничество, социальное служение ближним и дальним. Своим примером они оказали огромное влияние на будущих подвижников, в том числе и светских, дав общее направление делу просвещения и культурного развития народов Сибири, а также укрепления российского государства.

§ 2. Вклад декабристов в просвещение Сибири

Известно, что все декабристы, и даже те, кто не являлся выходцами из знатного дворянского рода, были носителями передовых взглядов, высокообразованными людьми. Сохранилось много документальных свидетельств об их высокой культурной и просветительской активности повсюду, где бы они ни находились, — в острогах, поселениях, размещенных в разных регионах Сибири от Урала до Забайкалья. Весом их вклад в развитие сибирского сельского хозяйства, медицины, ремесленничества, культуры и образования. Остановимся на нескольких ярких примерах.

Так, во многих источниках описывается, как семья Нарышкиных, приехав в Курган на поселение и обзаведясь собственным домом, устраивала каждую неделю встречи декабристов, где они не только обсуждали последние новости из Центральной России, но и составляли планы по просветительской работе, оказанию помощи местным жителям и нуждающимся товарищам по ссылке. Кроме того, в самом Кургане была возможность получать иностранную и русскую периодику, а также новейшие книги. При этом

«...двор Нарышкиных по воскресеньям был обыкновенно полон народу, которому раздавали пищу, одежду и деньги»¹.

Также в целом ряде исследований сообщается, что П.Н. Свистунов, прибывший в Курган в 1838 г., быстро включился в культурную работу местных декабристов. Отбывавший наказание в том же Кургане А.Ф. Бригген много занимался переводами с иностранных языков на русский, осознанно связывая эту работу с просвещением народных кругов. «Всякому занимающемуся у нас переводами дельных книг, — писал он Жуковскому из Кургана, — ...должно в особенности иметь в виду тех читателей, которые, не зная иностранных языков, должны довольствоваться только чтением русских книг».²

Будучи человеком весьма образованным и постоянно стремящимся к чтению философских книг, В.Н. Лихарев, прибыв на поселение в Курган, сразу стал одним из самых активных просветителей местного общества. Впоследствии ему и другим декабристам часто приходилось обращаться к курганским чиновникам для решения проблем своих товарищей и крестьян. М.А. Назимов, у которого сложились добрые отношения с местными жителями, со временем смог даже изменить сложившееся отношение к декабристам как «государственным преступникам»³.

Н.И. Лорер в своих «Записках декабриста» пишет о моральной пользе своего пребывания в городе и положительном влиянии на местных чиновников. В Кургане было уездное училище, поэтому просветительская деятельность ссыльных декабристов так или иначе была связана с ним. Но поскольку им было запрещено заниматься образовательной деятельностью, декабристы сближались с училищем под косвенным предлогом, например, в связи с дарением книг, пожертвованиями денежных средств и т.д.

¹Записки декабриста Н.И. Лорера / под ред. М. Н. Покровского. М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1931. С.170.

²Роцевский П. И. Декабристы в тобольском изгнании. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1975. С.25–26.

³Там же.

Подаренные книги были очень ценными для училища, так как в них содержались передовые идеи, которые не находили отражения в обычных библиотеках провинции того времени. И в других населенных пунктах декабристы находили возможность обходить запреты, давая частные уроки. Так, И.Д. Якушкину удалось на свои средства открыть в Ялуторовске школу, которая отличалась самыми передовыми методами обучения¹.

Таким образом, курганские декабристы, как и их товарищи, находящиеся в других местах, вносили свой весомый вклад в просветительскую работу в удаленных уголках Сибири. При этом налаженная переписка с друзьями в Москве и Петербурге, с другими декабристами в Ялуторовске, Тобольске и в Западной Сибири позволяла им не чувствовать себя одиночками, изолированными от общероссийской жизни. Влияние декабристов на развитие просвещения в Кургане в первой половине XIX века оказалось значительным. Несмотря на то, что после их отъезда общественная жизнь в городе стала менее интенсивной, однако культура в целом и сфера образования, в частности, уже находились на более высоком уровне, чем ранее. Этому способствовало также и то, что декабристы являлись носителями передовых общественных и научных взглядов и вызывали немалый интерес как у простых жителей, так и у местной интеллигенции и представителей власти².

Из источников мы узнаем, что в Восточной Сибири, в частности, в Читинском остроге, а затем в Петровском заводе декабристы организовали «Каторжную академию» для того чтобы делиться друг с другом своими знаниями. Н.А. Бестужев и Н.М. Муравьев читали лекции по истории,

¹Записки декабриста Н.И. Лорера / под ред. М.Н. Покровского. Государственное социально-экономическое изд-во. М.: Гос. соц. экон. изд-во, 1931.

²Васильева А.М. Курганское общество и декабристы // «Зырянские чтения»: материалы III-й межрегиональной научно-практической конференции. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005.

К.П. Торсон — по географии, Ф.В. Вольф — по естественным наукам, П.С. Бобрищев-Пушкин — по математике, А.О. Одоевский — по истории русской литературы, Д.И. Завалишин и Ф. Вадковский — по астрономии. Ссылные занимались литературой, живописью и музыкой. Изучали иностранные языки, писали книги, обсуждали философские и политические концепции. Некоторые из них оказывали медицинскую помощь населению, устраивали образцовые хозяйства, занимались огородничеством и скотоводством¹. Служившие в правительственных учреждениях декабристы боролись с различными злоупотреблениями чиновников. Н.В. Басаргин писал: «Жители скоро ознакомились с нами и полюбили нас... Я уверен, что добрая молва о нас сохранится надолго по всей Сибири, что многие скажут сердечное спасибо за ту пользу, которую пребывание наше им доставило»².

Итак, декабристы становились учителями, агрономами, врачами, просветителями сибирского населения. Они внесли значительный вклад в просвещение и культуру сибиряков. Для многих из них борьба за экономический и культурный подъем Сибири стала смыслом жизни.

§3. Роль областничества в развитии сибирского просветительства

Очевидна преемственность между декабристами и будущими областниками в их широкой просветительской деятельности в Сибири. В основе генезиса идеологии областничества лежали схожие мотивы: любовь к Сибири, «местный» патриотизм, своего рода «сибириефильство». Поэтому для областников ключевой стала идея просвещения

¹Порхунов Г.А. Декабристы в Сибири: жизнь и деятельность // Омский научный вестник. 2001. № 1. С. 24–27.

²Тетюева О.В. Влияние декабристов на развитие просвещения в Зауралье в первой половине XIX в. // Вестник Брянского госуниверситета. 2015. № 3. С. 24–27.

ее коренных народов, пробуждения общепатриотического чувства с целью обеспечить в последующем динамичное политическое и социокультурное развитие Сибири как исключительно важной части Российского государства. Соответственно, справедлива точка зрения о том, что основные пункты программы областников группировались именно вокруг идеи просвещения народов Сибири. Областничество явилось, прежде всего, движением культуртрегерского формата. При этом сама государственность в гуманистической идее сибирских интеллигентов рассматривалась как союзная совокупность областей, имеющих свои местные интересы, которые тесно связаны с интересами общенациональными.

Необходимо внести ясность и уточнить, что, в отличие от ряда критиков областничества, которые упрекали его идеологов в сибирском сепаратизме, В. Коржавин дал аутентичную характеристику областничеству: «Сибирское областничество — это общественное течение, ставящее целью всестороннее развитие Сибири, но не противопоставляющее при этом Сибирь Европейской России»¹. Как писал в своей «Автобиографии» Н.М. Ядринцев, «в нашем сердце было искреннее желание мирного блага нашей забытой родине; нашей мечтой было её просвещение... Мы отвечали, что желаем Сибири нового гласного суда, земства, большей гласности, поощрения промышленности, больших прав для инородцев... Что было преступного в горячей любви к своей родине? Но здесь патриотизм был принят за сепаратизм»².

Сибирская автономия и самоуправление, самопознание и самообустройство Сибири в рамках российской цивилизации — вот сокровенные мечты областников во главе с Г.Н. Потаниным. Сибирь, с их точки зрения, находится на перекрестке цивилизаций и рассматривается как особая геоэтнокультурная часть не только России, но всего

¹Коржавин В. Мирзоев В. Яновский Н. К характеристике сибирского областничества // Сибирские огни. 1971. № 12. С. 138.

²Цит. по: Великие русские путешественники. М.: Эксмо, 2019. С.486.

континента Евразии в целом, где Восток и Запад — не два противоборствующих полюса, а части органично «единого и неделимого» национально-регионального пространства. И в этом смысле Сибирь, с прогностической позиции областников, может в будущем стать потенциальной сферой плодотворного взаимодействия двух цивилизаций. Порожденная органичным слиянием традиций, культура народов Сибири синкретична по своему характеру. По мнению Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева, на ее пространствах уже образовался особый «областной тип русской народности», являющийся неотъемлемой частью отечественной и мировой культуры.

Именно для реализации потенциала сибирского региона областники ставили на первое место просветительские задачи. Среди них особо важным было насыщение восточной окраины России культурными «областными гнездами» — учебными заведениями, библиотеками, музеями и другими культурными учреждениями. Критикуя дискриминационный характер региональной политики самодержавно-бюрократического центра в отношении Сибири, ее патриоты разрабатывали вопрос о земстве, которое воспринималось ими в качестве средства утверждения возможности хотя бы относительной самостоятельности Сибири.

Таким образом, областнической идее изначально был присущ акцент на культурную составляющую, поскольку ее авторы, не имея возможностей для всесторонней реализации полного проекта разработанных ими преобразований, вынуждены были выбрать самое эффективное в тех условиях направление деятельности. И наиболее оптимальной сферой практического приложения их замыслов явилось просветительство в самом широком смысле. Поэтому именно «культурничество областников и стало в реальности главной движущей силой в деле претворения их идей»¹.

¹Головинов А.В. Образование в культурно-просветительской программе сибирского областничества второй половины XIX начала XX вв. // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 3. С. 60.

§4. Народничество и просвещение

Миссия декабристов и областников в деле просвещения Сибири получила свое дальнейшее развитие в движении народников. И хотя на становление мировоззренческой базы последних значительное влияние оказала европейская социально-утопическая мысль первой трети XIX в., ключевые идеи народников, господствующие в российской общественной мысли второй половины XIX в., были явлением вполне самобытным. Программа народников во многом базировалась на общинном мировоззрении, идеях широкого народного просвещения, критического восприятия реалий капиталистического строя, совместного труда и социальной солидарности с трудящимися.

В своей просветительской программе народники большое значение придавали борьбе с невежеством и широкому распространению грамотности. Однако они полагали, что достижение всеобщей народной грамотности не является единственной целью преобразовательной деятельности. Для них это было не целью, а средством, хотя и, безусловно, важным. Считалось, что приоритет в этой работе необходимо отдавать философскому, историческому, естественно-математическому знанию и интеллектуальному развитию через постижение и понимание социальной действительности. Один из идеологов народничества П.Л. Лавров полагал, что «развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении; воплощение в общественных формах истины и справедливости — вот краткая формула, обнимающая... все, что можно считать прогрессом»¹.

Среди сибирских народников-просветителей невозможно обойти вниманием В.К. Штильке, родившегося в 1850 г. в Барнауле, в семье титулярного советника, окружного казначея К.С. Штильке. Василий Константинович получил по тем временам прекрасное образование: окончил Барнаульское

¹Лавров П.Л. Философия и социология. Избранные произведения в двух томах. М.: Мысль, 1965. Т. 2. С. 54.

окружное училище, затем Томскую гимназию (1870 г.). А во время свой учебы в Императорской медико-хирургической академии в Петербурге он вступил в одну из групп народовольцев, за что в 1876 г. был отчислен со второго курса и выслан в административном порядке на родину.

По возвращении домой он некоторое время работал домашним учителем. Но затем активно включился в широкую общественную деятельность, направленную на развитие культурной среды Барнаула. В 1884 г. Василий Константинович организовал и в течение 20 лет был фактическим руководителем Общества попечения о начальном образовании в Барнауле, инициатором всех его начинаний. Общество сыграло роль просветительского локомотива в истории народного образования и культуры города: благодаря неустанному труду членов общества были открыты (в основном, на добровольные пожертвования) две воскресные школы для взрослых, две бесплатные начальные школы (Зайчанская и Нагорная), две бесплатные библиотеки, школьная и городская (сегодня Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В.Я. Шишкова), первый в городе книжный магазин; создан любительский театр, разбит городской сад; построен Народный дом (ныне Алтайская государственная филармония), в котором проводились различные творческие встречи, устраивались народные чтения, проходили театральные постановки.

Помимо создания школ и организации учебного процесса, общество оказывало материальную помощь детям из малоимущих семей: выдавалась одежда, учебные пособия, организовывались бесплатные завтраки, выделялись средства на проезд и проживание для желающих поступить в средние учебные заведения Томска и Омска¹.

На торжественном открытии Народного дома В.К. Штильке поделился своими планами о том, что «новое учреждение начнет с настоящего дня свое чудное служение

¹Баитов Г.Б. Василий Константинович Штильке // Торгово-промышленный календарь на 1911 год. СПб., 1910. Отд. 4. С. 13–17.

просветительным задачам, которым общество оставалось верным на протяжении своей 16-летней жизни. Наш дворец сосредоточит в себе все, что есть лучшего, культурного в городе: здесь будут сходиться все желающие работы во имя блага горожан; сюда будет идти население, чтобы получить умственное и эстетическое наслаждение. Народная тропа не зарастет к дому общества... Побольше школ, библиотек, народных чтений, общедоступных и научных лекций, народных университетов, общеобразовательных музеев... побольше забот о просвещении народа — шире станут умственные кругозоры людей, чище нравственность и восприимчивость ко всему светлому, доброму вечному...» А в «Сибирском вестнике» от 17.01.1901 г. отмечалось: «Такое разнообразие функций общества имело еще и другую хорошую цель — оно способствовало развитию его значения, если можно так выразиться, нравственному престижу»¹.

Показательно, что Общество попечения о начальном образовании в Барнауле при постоянном участии В.К. Штильке заслужило репутацию одного из лучших в Сибири и было отмечено на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. серебряной медалью.

Штильке, будучи народником в самом высоком смысле этого слова, постоянно и напряженно работал и успевал сочетать работу в Обществе с преподавательской деятельностью в Барнаульском окружном училище, а позже — со службой в должности производителя работ по землеустройству крестьян в Алтайском округе Томской губернии². В качестве подтверждения авторитета Василия Константиновича не только среди граждан Барнаула, но и в Томской губернии в целом, можно рассматривать избрание его депутатом Государственной Думы 3-го созыва в 1907 г.

В Госдуме В. Штильке проработал всего несколько месяцев, так как в апреле 1908 г. он скончался. Сохранилась

¹Кладова В.П., Скубневский В.А. Василий Штильке: гражданский подвиг. Барнаул; Новосибирск: Экселент. 2020. С. 115.

²Гришаев В.Ф. Барнаульский печальник: документальная повесть о В.К. Штильке. Барнаул: Изд-во БГПУ, 1999.

стенографическая запись его выступления на одном из заседаний, в котором он отстаивал интересы образования, высших учебных заведений в Сибири в целом и Томского университета, в частности. «Говорю перед собранием как представитель Томской губернии. Жители Сибири не особенно избалованы обилием высших учебных заведений, в ней мало не только высших учебных заведений, но даже средних и начальных школ. Сибирская окраина бедна ими. Для открытия даже какой-нибудь начальной школы на частные средства и то нужно пройти известный период волокиты»¹.

Трудно переоценить заслуги В.К. Штильке — ему удалось объединить лучших представителей интеллигенции и в совместной деятельности с ними буквально преобразить интеллектуально-культурный ландшафт региона через развитие школьного и внешкольного образования, создание культурных центров, распространение «света знания, любви, правды, человечности», к которым «всегда будут тяготеть все, кому дороги прогресс и величие родной страны», как отмечалось в «Сибирском вестнике» от 20.01.1091 г.².

Дух народничества, преданное служение делу просвещения, по свидетельству многих очевидцев, действительно оставили неизгладимый след в истории развития региона. В частности, известно, что в нынешних Рубцовском, Бийском, Михайловском и других районах Алтайского края в качестве сельских учителей с конца XIX и вплоть до 50-х гг. XX в. работали представители народнического движения, выходцы из европейской части России. Несмотря на проживание в разных населенных пунктах, между ними поддерживалась связь, время от времени они собирались, обменивались опытом своей общественной и педагогической работы. Впоследствии эта самоотверженная работа народников проявилась в высоком общем культурном

¹Кладова В.П., Скубневский В.А. Василий Штильке: гражданский подвиг. Барнаул; Новосибирск: Экселент, 2020. С. 260.

²Там же. С. 129.

уровне многих поколений выходцев из сельской местности Алтайского края. Представители партии народников, используя свои старые партийные связи в крупных российских городах, способствовали поступлению в ведущие российские вузы и трудоустройству талантливой алтайской молодежи.

§5. Толстовские земледельческие коммуны и просветительство конца XIX — начала XX веков

Просветительские усилия народников не канули в лету, их реформаторские идеи были унаследованы преемниками — толстовскими земледельческими коммунами (толстовцами), создававшимися по принципу «естественной» самоорганизации в общины, о которой много размышлял Л.Н. Толстой. Одна из его основных идей — идея непротivления проявлялась в отказе от всякого насилия и участия в военной службе, в свободном волеизъявлении людей в труде, в особом мировоззрении, образе и укладе жизни. Толстовство — общественное движение, начавшееся в России во второй половине XIX столетия, объединило людей самых различных национальностей, социальных слоев и вероисповеданий в совместные трудовые общины. Толстовское движение — это своеобразный социально-нравственный феномен, в котором земледельческий труд воспринимался как высшая моральная ценность.

Опыт показал, что земледельческая коммуна как социальное и культурное объединение жизнеспособна, если ее социальный состав имеет неоднородный характер, объединяет крестьян-земледельцев и интеллигенцию. Неудачи же первых толстовских коммун многие исследователи объясняют именно тем, что они состояли в основном из интеллигенции, не привыкшей и не готовой к тяжелому физическому земледельческому труду. А чисто крестьянским коллективам не хватало грамотности, научного подхода к организации жизни и усовершенствованию работы с землей, то есть интеллектуальной составляющей. Опыт толстовских

земледельческих коммун показал возможность продуктивного взаимодействия этих различных социальных страт в условиях общинной жизни.

К началу 1920-х годов у толстовцев «сложилась собственная концепция гуманного социализма, соответствующая теории о нравственном самоусовершенствовании как главной пружине общественного прогресса»¹. Приобщение членов коммун к литературе, искусству и культуре в целом они рассматривали как первостепенно необходимую работу для построения нового, справедливого общества. «Мы счастливы тем, — признавались толстовцы в своих воспоминаниях, — что узнали радость труда не по найму, не из расчета, а вольного, радостного труда, который дает возможность самостоятельно принимать решения и жить, руководствуясь своим разумом и своей совестью, согласно сил и требований души».²

Для толстовцев главным условием земледельческого труда, его духовной установкой была «честная» работа с любовью и желанием, с убеждением, что физический труд не только приносит пользу другим, но и оздоровителен для тела и ума, что это необходимое условие для полноценной жизни каждого человека. Такое отношение к труду имело поразительные результаты: в 20-е годы XX века толстовские сельскохозяйственные коммуны представляли собой своеобразные институты социальной этики, впервые осуществившие опыт привнесения гуманистических начал в организацию, управление и структуру хозяйственной сферы.

История сибирского этапа в движении толстовства начинается в 1920-х годах, в период, который не только для России, но и для всего мира был временем социальных потрясений. Согласно данным архивных документов, на территории Западной Сибири всего насчитывалось двенадцать локальных групп толстовских объединений, среди них толстовская коммуна «Жизнь и труд». Из заявления в

¹Петухова Т.В. Коммуны и артели толстовцев в советской России (1917–1929). Ульяновск: УлГТУ, 2008. С. 41.

²Там же.

Запсибкрайисполком Б. Д. Мазурина от 25 марта 1932 г. известно, что численность этой коммуны составляла 450 человек, из них 200 детей. Другими сельскохозяйственными артелями были «Мирный пахарь» (200 человек), «Сеятель», «Всемирные братья», «Ручники», «Заря»¹.

У данных объединений имелись уставы, оформленные в соответствии с законодательством СССР. Территориально все они размещались на участке Угольном Кузнецкого района. Эти группы отказались от какой-либо государственной регистрации в силу особенностей своего мировоззрения. Известно, что Барабинская, Уральская, Бийская, Иловлинская и Сталинградская группы затем объединились в общину «Братский труд»².

К великому сожалению, значительную часть толстовских общин постигла трагедия, когда мужчины по идейным соображениям отказались идти на фронт в годы Великой отечественной войны и были жестоко наказаны по законам военного времени. В этом проявилась слабость толстовской идеи непротивления злу силою.

Необходимо отметить, что просветительская направленность крестьянских общин — это удивительный феномен, который проявился в полной мере в деятельности коммуны «Майское утро» (Косихинский район Алтайского края), одним из организаторов которой был Адриан Митрофанович Топоров (1891–1984). Будучи уроженцем села, расположенного неподалеку от Старого Оскола (ныне

¹Петров Д.С., Должиков В.А. Коммуны толстовцев Западной Сибири: социальный состав и хозяйственно-экономическая деятельность // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4 (80). С. 195.

²Запсибкрайисполком. Документы (постановления, выписки из протоколов, докладные записки, заявления, переписка) о переселении, хозяйственной деятельности, взглядах и взаимоотношениях с местными органами власти толстовской коммуны «Жизнь и труд», сельскохозяйственной артели «Мирный пахарь» и «Сеятель» и общины «Братский труд» // Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 47. Оп. 5. Ед. хр. 118.

Белгородская область), незадолго до революции он переехал в Барнаул, а затем в близлежащее село Верх-Жилинское (ныне село Верх-Жилино Косихинского района Алтайского края).

В 1920 году А.М. Топоров активно включился в работу по созданию коммуны «Майское утро», где во всем размахе проявился его дар просветительского служения обществу. Вместе с коммунарами он построил школу и в течение 20 лет обучал детей и взрослых грамоте. Также А.М. Топоров создал народный театр, краеведческий музей, библиотеку, два хора, струнный оркестр (в первые годы после Гражданской войны в деревенской школе было 50 циммермановских скрипок!), исполнявший классические произведения. По сути, Адриан Митрофанович предпринял уникальную и успешную попытку приобщить крестьян к высокой культуре, породнить их с музыкальной и литературной классикой. Причем, в коммуне условия для такой работы оказались наиболее благоприятными, так как, с одной стороны, в ней собрались самые активные и пассионарные личности — с сильным мотивом к построению нового справедливого государства, устремленностью к знаниям и культуре; с другой стороны, коммуна открыла для крестьян широкие возможности, которые предоставляло общинное устройство, — и в работе на земле, и в ведении хозяйственных дел, так как сократилось время на повседневные бытовые заботы.

Крестьяне старались собираться по вечерам в школе для совместного чтения и обсуждения книг, газет и для театральных постановок. Впоследствии они имели возможность знакомиться с классической музыкой в исполнении созданного А.М. Топоровым струнного оркестра из своих учеников. Кроме того, он пригласил из Барнаула профессионального скульптора С.Р. Надольского, который давал школьникам уроки художественной лепки.

Неслучайно большое внимание А.М. Топоров уделял творческой составляющей в образовательном процессе. Он считал, что развитие в детях чувства прекрасного и приобщение к различным видам творчества способствует развитию их мышления. В частности, многие его занятия была направлены на

развитие в детях наблюдательности, любви к чтению классических книг, навыков письменной и устной речи.

Широкую известность Адриану Митрофановичу принесла изданная им в 1930 г. книга «Крестьяне о писателях», где он опубликовал отзывы своих товарищей по работе в коммуне на художественные произведения, с которыми он их знакомил. В «Майском утре» он часто устраивал чтение вслух, где звучали различные произведения: от А.С. Пушкина до Л.Н. Толстого, от Шекспира до Гейне. После чтения Топоров просил своих слушателей высказаться и записывал отзывы. Известно, что даже А.М. Горький высоко оценил эту работу, а известный русский библиограф, руководитель Международного библиотечного института Н.А. Рубакин прислал восторженный отзыв. Такая сознательная направленность на просветительскую работу, на наш взгляд, позволяет причислить коммуну «Майское утро» к движению толстовских общин, где культурная составляющая была не менее важной, чем земледельческая.

Имя А.М. Топорова стало вновь популярным в 1961 году, когда в космос полетел Г.С. Титов, который называл его «духовным дедом» (родители космонавта были учениками Топорова в коммуне «Майское утро»). Адриан Митрофанович дожил почти до ста лет. Кроме работы в школе, он успел поработать селькором, писал книги и статьи, играл на скрипке в городе Николаеве и читал по 300 бесплатных лекций в год¹.

§6. М.А. Лисавенко как выдающийся просветитель

В плеяде выдающихся сибирских просветителей достойное место занимает основатель промышленного садоводства в Сибири М.А. Лисавенко (1897–1967). Уже при жизни его называли сибирским Мичуриним и родоначальником Алтайского садоводства, сибирским

¹Топоров А.М. Интересное это занятие — жить на земле! Барнаул: Алтайский дом печати, 2015.

пионером-садоводом. Михаил Афанасьевич появился на свет и провел детство в селе Боготол (ныне город в Красноярском крае) в семье лесообъездчика. По воспоминаниям ученого, родившегося в суровом климате Восточной Сибири и не видевшего плодовых деревьев, он с ранних лет почувствовал свое призвание к садоводству и читал много специальных книг по этой теме. После окончания гимназии в Красноярске в 1917 году он поступил на юридический факультет Томского университета и одновременно стал вольнослушателем на историко-философском факультете. После окончания двух курсов Томского университета Лисавенко переезжает в Ачинск, где закладывает первый плодовый сад. Там же он приходит к мысли о необходимости широкого распространения идей «садоводства и озеленения» и проводит для школьников и взрослых экскурсии в своем саду¹.

20–30-е годы — сложный, напряжённый, но и активный период жизни М.А. Лисавенко. Полный энтузиазма, творческих исканий и замыслов, он постоянно в поисках и экспериментах, пишет статьи и отправляет их в центральные научные журналы и «Крестьянскую газету». В Москве разглядели большой потенциал молодого садовода и направили рекомендательное письмо секретарю Ойротского обкома ВКП(б): «...Лисавенко работает над разрешением проблемы северного плодового садоводства и уже имеет в этом направлении значительные достижения как в научной области, так и в области массовой работы по опытничеству... Тов. Лисавенко очень хотел бы работать на Алтае. Здесь он предполагает развернуть на основе мичуринского метода большую опытную работу с дикорастущими ягодниками, придав ей в последующем промышленное значение. Все данные к этому на Алтае имеются»².

С поразительным упорством Лисавенко в одиночку и на свои средства осваивал участок в 2,5 га в Татанакском логу.

¹Овчинникова О.С. Ближний круг академика М.А. Лисавенко // Огни над Бией. 2008. № 3. С. 120–136.

²Овчинникова О.С. Указ.соч. С.127.

Только через год начали поступать финансы на развитие сада. При этом Михаил Афанасьевич совмещал сразу все должности: работал как пахарь, садовод, сторож, плотник, конюх, возчик, бухгалтер и кассир. В 1929 — 1931 гг. он успешно прошел заочные курсы при Тимирязевской сельскохозяйственной Академии. При этом за два года он посадил сотни саженцев яблонь, слив, груш, а также кустарников и цветов. Когда не хватало светового дня, он умудрялся работать в саду ночью с фонарём. И уже с 1935 года коллективные хозяйства Алтая стали массово приобретать выращенные Лисавенко саженцы как более продуктивные и приспособленные к условиям Сибири.

Во время Великой Отечественной Войны станция садоводства в Ойрот-Туре перешла на самоокупаемость и все пять лет существовала за счёт собственных доходов. Кроме овощей, фруктов и ягод там выращивали зерновые культуры, лечебные травы. Работали теплицы и пасека. Весь ассортимент овощей поставляли в госпитали для раненых.

В 1950 г. Алтайскую опытную станцию садоводства и ее руководителя перевели в Барнаул (намного позже ее переименовали в НИИСС — научно-исследовательский институт садоводства Сибири имени М.А. Лисавенко). В это время, помимо новых достижений в селекционной и научной деятельности, в жизни Михаила Афанасьевича, происходят не менее значимые события: присвоение учёной степени доктора сельскохозяйственных наук, звания профессора; избрание в члены ВАСХНИЛ; получение Золотой медали имени И.В. Мичурина в области развития мичуринской агробиологии.

Трудно переоценить заслуги М.А. Лисавенко — ему удалось основать уникальную научную школу биологов, селекционеров-практиков (имеющих международную известность), благодаря совместной деятельности с которыми он буквально преобразил суровый сибирский ландшафт через развитие коллективного и приусадебного садоводства, повсеместное распространение плодовых, ягодных, декоративных и цветочных культур.

По воспоминаниям соратников и родных, Михаил Афанасьевич всегда щедро делился знаниями о новых технологиях и сортах, работал до преклонных лет, писал стихи, много читал, слушал музыку и любил обсуждать классические произведения во время бесед с друзьями и близкими. Всегда пользовался безусловным авторитетом среди своих коллег, учеников и сотрудников. Также он придавал большое значение творческой составляющей и был уверен, что развитие в сотрудниках чувства прекрасного, приобщение их к различным видам творчества оказывает благотворное влияние и на психологическую атмосферу коллектива, и на научную работу. Так, он много внимания уделял формированию любви к чтению книг, к различным видам классического искусства не только в членах своей семьи, но и сотрудников НИИ¹.

Завершая главу, можно сделать вывод, что традиции сибирского просветительства, основанные на сознательном синтезе научного, эстетического, нравственного и трудового развития, никогда не прерывались. Культурно-просветительская, научная теоретическая и практическая деятельность подвижников каждый раз вносила свою яркую линию в культурно-ментальный сибирский ландшафт. На примерах энтузиастов-просветителей мы видим, что очень многое в жизни общества зависит от конкретных личностей, независимо от сложных политических условий и социальной среды. Преемственность в развитии цивилизации сохраняется, в том числе, и усилиями конкретных подвижников на nive просвещения и культуры.

Существует распространенный социальный миф, будто передача знаний и традиций обеспечивается объективными историческими законами — как бы сама собой и от конкретных личностей не зависит. Но вернее говорить о двух уровнях цивилизационной преемственности. Первый уровень — где процессы протекают как бы объективно в виде

¹Там же.

естественного распространения новых знаний, технологий и бытовых практик, хотя на самом деле и здесь личностный фактор играет значительную роль. На втором же уровне обеспечивается преемственность важнейших духовных ценностей и знаний, которые уже автоматически не передаются, а только лишь усилиями конкретных личностей, передовых деятелей науки и культуры, которые идут в народные массы, пробуждают их активность и тем самым вовлекают в высшие формы культурного творчества. И это самая важная и плодотворная личностная линия творчества и преемственности в культуре, вне которой и первая линия рискует выродиться в торжество разрушительной техногенно-потребительской технократии и сциентизма, чреватые смертью живой, широко мыслящей и глубоко чувствующей личности.

Важно то, что каждый, кто попадает в эту живительную просветительскую ауру, уже начинает видеть мир по-новому, так как повышается уровень его мышления и общей культуры. Он приобщается к вечным ценностям, без которых немислимо полноценное бытие во времени ни отдельного человека, ни всего социума в целом. Но именно такую задачу и ставит перед собой нарождающаяся духовно-экологическая цивилизация, которую не будет ошибкой назвать конкретным воплощением универсальных просветительских ценностей и идеалов, если только ей суждено будет сбыться.

Можно со всей определенностью утверждать, что идеи сибирских просветителей (православных миссионеров, декабристов, областников, народников, толстовцев и их последователей в XX–XXI вв.) не теряют своей актуальности и «составляют как бы духовный “силовой” каркас современного сибирского культурного пространства»¹. При внимательном взгляде заметно, что просветительские идеи

¹Каланчина И.Н. Основные достижения просветительского направления в Сибири в XIX–XX вв. // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай). Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2019. С.79–86.

всестороннего развития личности, социального служения, высокой нравственности, верности долгу, любви к большой и малой Родине, не исчезают, а каждый раз получают новую интерпретацию и транслируются от поколения к поколению усилиями конкретных деятелей на ниве просвещения и образования, а, значит, питают духовную жизнь общества на многие годы вперед.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Миссия сибирского философа в трудные исторические времена¹

Данная коллективная монография с точки зрения использованной в ней методологии и специфики охватываемого эмпирического материала носит комплексный и междисциплинарный характер. В ее авторский коллектив входят историки, искусствоведы и филологи. Но большинство авторов — профессиональные философы. Это не могло не наложить собственно философский отпечаток и на ее основные идеи, и на общую концептуальную тональность, ведь подлинно философский анализ объективных общественных проблем и тенденций всегда подразумевает их глубоко личностное осмысление, как бы «взвешивание» на весах собственной души с неизбежными размышлениями о том, какой должна быть именно твоя гражданская, профессиональная и творческая миссия в мире, который, как иногда кажется, впадает в состояние коллективного безумия.

Кризисные процессы, происходящие ныне в мире и в России, ставят отечественных философов как раз перед такими непростыми профессионально-экзистенциальными проблемами. В условиях кризисов, как известно, действуют две тенденции. С одной стороны, общество поляризуется и маргинализируется, утрачивая навыки критического анализа и твердые ценностные ориентиры. Мировоззренческие разломы и идейные шатания неизбежно захватывают не только массы обывателей, но и правящие круги, особенно когда рушатся верования и мифы, дотоле принимаемые в качестве незыблемых социально-экономических и политических аксиом. Это тем более верно в ситуации, когда на протяжении

¹Написана на основе статьи в сборнике: Иванов А.В., Журавлева С.М. Культурно-просветительское служение сибирского философа в трудные исторические времена // «Третья миссия» университета в современной России: новации и интеллектуальные традиции: сб. науч. тр. V Сибирского философского семинара. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2016. С. 22–29.

жизни одного поколения фактически в руины превратились как планово-социалистические, так и рыночно-капиталистические верования и практики.

С другой стороны, кризис является точкой ветвления сценариев будущего развития общества, где обязательно есть и спасительные, живительные ростки будущего, которые необходимо разглядеть, сохранить и сделать все, чтобы они укоренились и разрослись. В этом случае общественная система не разваливается, а переходит в новое качественное состояние с перспективами очищения и роста.

Начнем с миссии философов в обществе, которое столкнулось с нарастающим социальным и идейным хаосом, утратой твердой и объективной иерархии ценностей. В подобные эпохи общественных переворотов и потрясений, в эпоху безвременья и смут, роль философов, особенно преподающих в высших учебных заведениях, становится исключительно важной. Они, несмотря на все свои мировоззренческие различия, являются носителями разумного и критического мышления¹, не подверженного ветрам исторических перемен. Обращенность к вечным проблемам человеческого бытия, опять-таки при всех различиях в их решении, позволяет философам напоминать растерявшимся людям, что человек даже в самые тяжкие времена способен обретать прочные устои и смысл личного существования. Здесь особенно полезно бывает обратиться к судьбам великих философов, живших в такие переломные моменты истории и лично воплотивших идеал ответственного и творческого личного существования. Это Анаксагор и Деметрий

¹Если, конечно, не рассматривать патологическую обочину философии типа постмодерна, едва ли не «вершиной» которого является книга: Гваттари Ф., Делез Ж. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. Эта агрессивная бессмыслица — лучшая иллюстрация гуманитарной стороны глобального кризиса цивилизации, когда интеллектуалу говорить что-то надо (он больше ничего не умеет делать), а сказать, в сущности, нечего. А когда сказать нечего — начинается сплошной заумный эпатаж и выворачивание наизнанку собственной души.

Фалерский, основатель Александрийской библиотеки; Сенека и Марк Аврелий; Северин Бозций и Максим Исповедник; Павел Флоренский и Дитрих Бонхеффер; Э. Кассирер и А.Ф. Лосев.

Простейший и, возможно, прочнейший из таких устоев личного и общественного бытия, о котором могут свидетельствовать философы — это **исторический оптимизм**, ведь кризисы и войны в прошлом случались неоднократно, но они неизменно сменялись лучшими историческими временами. Кроме того, даже простое качественное преподавание философии, спокойное и квалифицированное публичное проговаривание фундаментальных философских тем и проблем — это уже способ сохранения основ рациональности и ценностных устоев бытия, которые обязательно дадут в будущем свои благодатные плоды. Это коллективный рубеж культурной обороны, который мы должны совместно защищать от агрессивного невежества обывателей, бескрылого прагматизма нуворишей и особенно произвола властей предержавших, которым философ всегда — как кость в горле. Корпоративная солидарность философов, невзирая на различия их политических симпатий и мировоззрений, — важнейшее средство их гражданского противостояния иррациональным социальным, политическим и экономическим процессам.

Есть, на наш взгляд, и еще одна краеугольная мировоззренческая и педагогическая функция, которую может выполнить философия в нынешних трудных российских условиях. Еще Н.А. Бердяев в «Русской идее» и в «Судьбе России» верно подчеркивал, что мы — страна крайностей, предельных противоположностей, бескомпромиссного столкновения полярных мировоззренческих, политических и общекультурных позиций. Как показывает наш трагический исторический опыт, эти крайности подпитывают и переходят одна в другую, заставляя нас десятилетиями и даже столетиями ходить по одним и тем же кровавым историческим кругам. Отсюда так важен **теоретический опыт снятия идейных крайностей**, демонстрация возможности творческого **опосредования противоположностей**, их

диалектического синтеза на новом уровне. Самое удивительное, что отечественная философия такие образцы творческого синтеза противоположностей и отказа от радикализма не раз демонстрировала, но они, увы, всегда оставались достоянием лишь узкого кружка интеллектуалов. Этот опыт снятия предельных оппозиций русской философской традицией необходимо использовать, учитывая, что мы живем в условиях, когда нас раскалывают крайности национализма и космополитизма, светского и религиозного мировоззрения, полярных взглядов на русскую историю, особенно ближайшую.

Так, если мы обратимся к нынешнему противостоянию космополитов и националистов, то в принципе не увидим ничего нового. Западник-космополит будет настаивать на необходимости смены наших культурных ценностей и кодов на западные, без чего прогресс России, якобы, невозможен; а националист, наоборот, будет всячески подчеркивать нашу культурную самобытность и губительность любых западных заимствований. Тупиковость подобных абсолютизаций, с необходимостью переходящих друг в друга, подметил еще К.Н. Леонтьев¹ во второй половине XIX века, а вот, что писал С.Н. Булгаков уже в начале века XX-го: «До сих пор нашему обществу не удастся достигнуть духовного равновесия в своем национальном самочувствии. По-прежнему оно страдает от рационалистического космополитизма своей интеллигенции и от воинствующего национализма правящих сфер и руководящих партий... Национализмом у нас убивается патриотизм и косвенно поддерживается космополитизм, а в этом последнем, в свою очередь, находит свою опору воинствующий национализм. Получается порочный круг»². Просвещенный и культурный патриотизм, о котором далее

¹Леонтьев К.Н. Избранное. М.: «Рарогъ», «Московский рабочий», 1993. С.42.

²Булгаков С.Н. Избранные статьи. Т.2. М.: Наука, 1993. С. 456.

говорит в этой статье С.Н. Булгаков, подразумевает снятие этих равно опасных крайностей.

На фоне событий, происходящих сегодня в мире, все более очевидным становится глубокое своеобразие России, представляющей собой, как мы писали выше, срединный многонациональный культурно-географический евразийский мир, который своим расположением призван связывать и примирять Восток и Запад, искать точки синтеза разных мировоззрений, экономических укладов и культурных традиций. У нас в силу этого всегда были, есть и будут люди, тяготеющие или к западным, или к восточным ценностям, а также сугубые почвенники. Лишь бы через национальное мы прорастали во вселенское, а желая прорасти во вселенское, не забывали отечественных исторических и культурных корней. Переделать Россию по западным или восточным (тем же китайским) образцам никому не удавалось и вряд ли удастся.

Даже если иноземные хозяйственные или политические образцы безусловно хороши и рациональны, то их в любом случае надо тщательно притирать к нашему культурному и умственному ландшафту, а не насиловать российскую жизнь интеллигентскими заемными схемами, как это делали большевики в 20-е или либеральные реформаторы в 90-е годы прошлого века.

Главные точки межчеловеческого единения должны, на наш взгляд, все же лежать не в прошлом и настоящем, а в объединяющем людей образе будущего и в совместной работе по его воплощению в жизнь. Кстати, ничто так не сглаживает идейные противоречия людей, как **совместное критическое промысливание образа лучшего будущего**. В отличие от жесткой реальности настоящего, будущее вовсе не исключает возможности синтетического объединения противоположных идей и ценностей, которые отстаивают оппоненты.

Другая пара мировоззренческих крайностей, присутствующая в нашем российском обществе, — это **противостояние светского и религиозного мировоззрений**, затрагивающее, естественно, и нашу философскую корпорацию. Среди светских философов и ученых

приверженность к материалистической (и, шире, реалистической) философской парадигме и к атеизму (светскости) сплошь и рядом бескомпромиссно противопоставляется идеалистически-религиозному типу философствования, причем именно первая позиция трактуется как подлинно рациональная¹. Их оппоненты, напротив, жестко настаивают на иррациональности сугубо материалистических и атеистических позиций как в философии, так и в научном познании². Понятно, что и здесь одна крайняя позиция подпитывает противоположную крайнюю позицию. Однако, если внимательно приглядеться к истории философии, то среди религиозных философов мы встретим мыслителей исключительной рациональности и систематичности мышления, типа М. Шелера, Г. Марселя или Д. фон Гильдебранда, а среди светских философов, в свою очередь, блестящие образцы анализа сугубо религиозной проблематики, типа Э. Фромма. Словом, есть плохая и хорошая, как светская, так и религиозная философия, и обращение к лучшим образцам той и другой не принесет ничего, кроме расширения профессиональных горизонтов.

Еще перспективнее, на наш взгляд, — методологическая ориентация на диалог религиозного, научного и философского знания, где та же русская философия предложила целый ряд перспективных синтетических моделей и идей. Здесь достаточно указать хотя бы на позицию славянофилов, «Критику отвлеченных начал» В.С. Соловьева, статью

¹Здесь можно указать на современное движение так называемого «светского гуманизма».

²См. весьма показательную статью: Тростников В.Н. Апофатика — основной метод науки XXI века. URL: www.pravoslavie.ru/jurnal/736.htm. Желаящих удостовериться в реальности жестких современных идейных противоборств между сторонниками светского и религиозного мировоззрения отсылаем к полемике между так называемыми «эволюционистами» и «креационистами», которой переполнен интернет.

«Философия и религия» С.Л. Франка¹. А есть еще поразительно гармоничный синтез философских, религиозных и научных идей в жизни и творчестве П.А. Флоренского и архиепископа-хирурга Луки Войно-Ясенецкого. Кстати, диалог научного, религиозного и философского мировоззрений сегодня разворачивается довольно интенсивно², тем более что всем сторонам сегодня здесь явно есть, что обсудить³. При этом понятно, что подобные обсуждения будут дискуссионными и взаимно критичными, и никто не будет отказываться от основ своего мировоззрения, да это и не нужно. Важно доброжелательно выслушать рациональные аргументы оппонентов и привести свои собственные. В качестве образца такого деликатного и вдумчивого обсуждения перспектив диалога науки и религии можно привести, например, известную статью Вернера Гейзенберга «Естественнонаучная и религиозная истина»⁴.

И последняя идейная коллизия, о которой необходимо сказать: это отношение к родной истории, прежде всего, недавней. Здесь мы видим полярные суждения о советском периоде, где есть его яркие апологеты, а есть и не менее яркие хулители. История, как известно, самая парадоксальная

¹См.: Франк С.Л. Философия и религия // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. М.: Изд-во политической лит-ры, 1990.

²См. например, довольно содержательный и информативный сборник: Христианство и наука: Международные Рождественские образовательные чтения: Сборник докладов конференции. М: РУДН, 2011.

³Взять хотя бы феномен бурятского Хамбо Ламы Итигэлова, последние физические исследования Туринской плащаницы или нейрофизиологические исследования отечественными учеными активности мозга тибетских монахов, находящихся в состоянии глубокой медитации. См. Уйти в себя и не вернуться. Российские ученые изучают феномен тибетских монахов. URL: <https://rg.ru/2020/11/10/rossijskie-uchenye-izuchaiut-fenomen-tibetskih-monahov.html>

⁴Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М.: Прогресс, 1987. С. 328–342.

наука — наука о небытии, ибо всегда представляет собой рассказ о том, чего уже нет. Соответственно, всегда были, есть и будут ее разные интерпретации в зависимости от предрассудков историка и людей, которые к ней обращаются. Важно только избегать двух соблазнов исторического сознания, с которыми мы сегодня сталкиваемся повсеместно, включая государственное отношение к истории: а) использования исторического материала для решения современных политических проблем; и б) политической мести за прошлые — подлинные и мнимые — исторические обиды, очень часто имеющие личностное и родовое измерения.

Лекарство здесь, на наш взгляд, одно: историю нельзя судить, ее надо целостно научно постигать и извлекать из нее личные нравственные уроки. Возвращаясь к советскому прошлому, надо не забывать о преступлениях сталинизма, трагедиях и идеологическом давлении на людей, которые там, безусловно, были. Но при этом важно помнить и о великих завоеваниях советского социализма, которых нам так не хватает при нынешнем безумном капитализме. Это касается заботы государства о материальном положении науки, культуры и образования, его активной социальной политики, где бомжи, дети-беспризорники и наркоманы были чем-то сугубо экзотическим. А были еще не декларативные, а принимаемые массами людей ценности миротворчества, дружбы народов, качественного труда, нестяжательства, любви к отечеству и к своей малой Родине, к чему мы не раз обращались на протяжении всей этой книги.

Понятно, что у каждого будет свое видение истории, где всегда есть место личностному ракурсу, но философское ее постижение, на наш взгляд, все же должно подчеркивать в истории то, что объединяло людей и народы, придавало смысл индивидуальному бытию и открывало горизонты совершенствования. Это особенно важно в периоды хаоса и исторического безвременья, особенно для молодых людей, которым, кроме навыков критического мышления, нужны еще и какие-то вдохновляющие идеи, дела и жизненные примеры,

чтобы не впасть в сугубый прагматизм, бесплодный скептицизм и, в конечном счете, нравственный цинизм.

Одна из таких объединяющих, на наш взгляд, идей — это возрождение и развитие **традиций сибирского патриотизма**, заложенная еще в позапрошлом веке сибирскими областниками, прежде всего, Г.Н. Потаниным и Н.М. Ядринцевым. Перспективы становления новой духовно-экологической цивилизации открывают новые возможности для Сибири, особенно для ее молодежи. Пока ситуация для Азиатской России в целом неблагоприятна, но когда есть ясно сформулированные исторические цели, то им свойственно сбываться. **Нет никаких объективных исторических закономерностей, которые действуют помимо воли и сознания людей.** Тем более, как мы знаем из совсем недавней истории, первые страны часто очень быстро становятся последними, а в кратчайшие исторические сроки подчас реализуются такие сценарии, которые еще вчера казались совершенно невозможными.

Развитие философии Сибири и сибирской философии в любом случае совершенно уместно и даже необходимо в нынешний переломный исторический момент. Работа в этом направлении уже начинает разворачиваться. Важная и перспективная коллективная дискуссия состоялась в журнале «Идеи и идеалы» вокруг статьи Н.С. Розова «Сибирская философия перед интеллектуальным вызовом: преодолеть “провинциализм” и “туземство”», посвященной перспективам развития сибирской философии¹. Другая дискуссия активно разворачивается сегодня вокруг совместной статьи двух авторов этой книги, на которую выше мы уже ссылались². Дело теперь за тем, чтобы последовательно и систематически коллективными усилиями развивать **философию Сибири**, чему, в сущности, и посвящена вся эта монография.

¹См. данную статью и отклики на нее в журнале: «Идеи и идеалы». 2020. Т.12. №1.

²См.: Иванов А.В., Попков Ю.В. Духовно-экологическая цивилизационная перспектива: ценностный потенциал молодежи в сибирском контексте // Siberian Socium. 2021. Т.5. №1(15). С.8–19.

И последний момент. Переход к новому, духовно-экологическому типу цивилизационного существования и возрождение Сибири будут возможны, если удастся в целом сохранить сибирскую науку и высшее образование. Это — залог выживания Сибири. Обратимся в этой связи к исходному тезису данной главы: при всем естественном различии философских мировоззрений и политических убеждений у сибирских философов есть один пункт, который их абсолютно примиряет: необходимость сохранения профессиональной философской корпорации как важной части сибирского научного сообщества и как важнейшего фактора качественного сибирского гуманитарного образования.

И кому, как не сибирским философам, быть в первых рядах борьбы за новую цивилизацию и новую Сибирь, ведь одна из важнейших функций философии в культуре — прорисовка и обоснование такого образа будущего, который дает силы полноценно жить и творить в настоящем.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. «Философия Сибири» в творчестве В.И. Сурикова¹

Мало кому удалось коснуться таких глубоких сторон русской жизни, как Сурикову.

Просто, складно и безбоязненно открыл он образы, которые навсегда останутся за ним в русской жизни.

Н.К. Рерих. Зажигайте сердца

Художественные полотна В.И. Сурикова — важнейшая форма художественного самосознания России последней четверти XIX века, когда она превращается в великую мировую державу, без которой не может быть решена ни одна глобальная проблема человечества и где не менее глобальным видится ее вклад в мировую культуру. Наряду с романами Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, музыкальными сочинениями Н.А. Римского-Корсакова, М.П. Мусоргского и А.П. Бородина, философскими текстами К.Н. Леонтьева, А.И. Герцена, В.С. Соловьева, братьев И.С. и К.С. Аксаковых, научными исследованиями М.В. Ломоносова, Д.И. Менделеева, В.И. Вернадского — произведения великого русского художника могут быть по праву названы «осевыми» творениями русского национального духа, без которых его невозможно представить. В «осевых» произведениях подвергаются философскому и художественному осмыслению базовые ценности данной национальной традиции и важнейшие вехи ее истории. «Осевым» творениям культуры свойственна исключительная идейная глубина и выдающиеся художественные достоинства, в силу чего к ним вновь и вновь возвращается мысль потомков, давая им новые

¹ Данное приложение написано на основе статьи: Шишин М.Ю., Иванов А.В. «Философия Сибири» в творчестве В. И. Сурикова // Манускрипт. 2018. №5 (91). С.142–147.

интерпретации, открывая в них еще не изведенные смысловые пласты¹.

Все это в полной мере относится к творениям В.И. Сурикова. Но если «осевой» характер таких его эпохальных полотен, как «Утро стрелецкой казни» и «Боярыня Морозова», можно считать доказанным, то гораздо менее очевиден подобный статус применительно к его картинам сибирского периода — «Взятию снежного городка» и «Покорению Сибири Ермаком». Первая чаще всего расценивается как радостный гимн удали сибирского казачества, если учесть, что и сам В.И. Суриков называл это полотно «бытовой картиной»², а вторая — как художественное осмысление важнейшего события русской истории, воспевающее силу и единство дружины Ермака Тимофеевича, расширившего границы русского государства. Не оспаривая правомерности подобных толкований, постараемся обосновать более фундаментальный тезис: **сибирские картины великого русского художника художественно воплощают и раскрывают ключевые идеи того, что может быть названо «философией Сибири».**

Начнем с анализа картины «Взятие снежного городка». Известна экзистенциальная подоплека создания этого произведения. В.И. Суриков, потеряв любимую жену, фактически перестал писать и впал в глубочайшую депрессию. Спас его родной брат Александр, предложив художнику вернуться на родину в Красноярск, чтобы там обрести новые жизненные и творческие силы. Он же предложил ему и сюжет будущей картины, возвращающей братьев в годы их детства, когда они могли воочию созерцать завершающий аккорд сибирской казачьей Масленицы — взятие снежного городка. Описание праздника сохранилось в воспоминаниях В.И.

¹См. подробно об осевых творениях культуры в статье одного из авторов: Иванов А.В. Осевые творения национальной культуры и их значение в современную эпоху // 25 лет евразийской интеграции: от истоков к реализации: коллективная монография. Т.1. СПб.: Университет при МПА ЕврАзЭС, 2020. С.120–139.

²Волошин М.А. Лики творчества. Ленинград: «Наука», 1989. С.343.

Сурикова вплоть до черного коня, который пронесся мимо них, спеша на штурм крепости, и который был им с таким мастерством впоследствии отражен на полотне. Известно также, что для Сурикова — любителя писать правдиво, с натуры — был специально построен снежный городок и разыграны сцены его взятия. Все лица на картине написаны Суриковым с реальных людей, включая лицо брата Александра, сидящего в санях.

Детали и краски праздника написаны художником очень точно, включая и яркую праздничную одежду сибиряков на фоне белого сибирского снега; и общий радостный настрой людей, наблюдающих со стороны или непосредственно включенных в молодецкую забаву; и, наконец, ключевой момент праздника, когда лихой молодец на вороном коне проламывает снежную стену. Полотно, действительно, производит очень светлое и радостное впечатление, является настоящим гимном сибирскому духовному здоровью и удали и словно свидетельствует о духовном воскрешении самого автора. И вправду, В.И. Суриков именно Сибири был обязан духовным обновлением, появлением новых тем и особенностей письма.

Однако в картине скрыты гораздо более глубокие и важные смыслы, имеющие подлинно философское значение. Прежде всего, следует обратить внимание на композицию. Складывается впечатление, что конь с лихим наездником мчится у Сурикова с востока на запад, словно подгоняемый в спину восходящим солнцем. Конь, этот устойчивый евразийский архетипический образ горного устремления и обновления, который мы повсеместно обнаруживаем на крышах русских изб, символизирует в картине молодой, дерзкий и радостный дух Сибири, который словно хочет поделиться своей жизненной энергией и свободой с другими пространствами и, в первую очередь, — с Россией Европейской. В связи с этим метафорически может восприниматься и снежная стена, которую перепрыгивает конь. Возможно, здесь подразумевался Уральский хребет. Суриков словно хочет сказать зрителю: обновление всей

России придет именно из Сибири, с ее бескрайних просторов, где люди никогда не знали крепостного рабства и унылой покорности — «вечно бабьего в русской душе», о котором напишет впоследствии Н.А. Бердяев.

Суриковская Сибирь не празднует в себе и для себя, в ней таятся идеи и силы, которые нужны всей России, а, может быть, и всему миру. И вероятно не случайно в левой стороне картины за снежной стеной мы видим сани, развернутые поперек движения коня. Если конь с седоком воплощают динамический, то сани с сидящим в них крестьянином — статический элемент композиции. Крестьянин, потрясенный удалью и напором седока, вскинул вверх руки — то ли с восхищением, то ли с ужасом. Так всегда, амбивалентно, и относились к сибирякам жители Европейской России, одновременно и восхищаясь их силой и свободой, и страшась этой дикой силы, за которой встают бескрайние мерзлые сибирские пространства.

Динамическая направленность композиции с востока на запад, справа налево подчеркнута еще и тем, что всадник с конем словно выталкивается вперед энергией участвующих в празднике людей. Искусствоведы не раз обращали внимание на некоторую парадоксальность сюжета: взятию городка искренне радуются те, кто по правилам игры должен его защищать. Они почти победно поднимают вверх руки с ветками, которыми еще секунду назад яростно хлестали коня с седоком. В центре картины показательна фигура молодого человека в белом тулупе с красным поясом, который прямо смотрит на зрителя. Он — квинтэссенция праздничного сибирского задора и душевного здоровья. Акцент красного цвета в центре композиции — один из важных художественных приемов Сурикова, который мы знаем по красному платку девочки в «Утре стрелецкой казни» и по кафтану казака в «Покорении Сибири Ермаком». Красный цвет для Сурикова — не только символ энергии жизни, но и духовного пламени, личного и исторического оптимизма.

Дух Сибири, призванный очистить и возродить всю Россию, может быть персонифицированным и иметь своих

конкретных лидеров, каковым является всадник на коне, но подпитывается и поддерживается этот дух всегда тысячами и тысячами жизней простых и честных людей — настоящих пассионариев, обобщенный образ которых отражен в этой центральной фигуре.

Иногда говорят, что в этом полотне Сурикова нет социальных и психологических конфликтов, в отличие от других его полотен. Думается, что этот взгляд не совсем верен. Одно такое противоречие, как и форма его разрешения, в картине представлены. Так, на полотне есть второй статический центр, оттеняющий динамическую устремленность главного героя. Это сани с представителями иного социального слоя, которые расположены в правом углу картины. Их положение в обществе подчеркнуто богатым разноцветным ковром на спинке саней, горностаевым воротником барышни, сидящей слева, и меховой накидкой на женщине, находящейся справа. Та, что слева, довольно сдержанно и даже опасливо, учитывая ее вздернутую ручку, наблюдает за происходящим. Кажется даже, что народные задор и веселье несколько пугают девушку. Ее соседка, напротив, живо сопереживает происходящему. Группу в санях уравнивает мужчина в богатой шубе, в образе которого Суриков увековечил своего брата Александра. Мужчина пристально всматривается в происходящее. Его взгляд скользит по фигуре молодого человека в белом полушубке с красным кушаком и упирается в главного героя на коне. Мужчина в санях словно пытается понять истоки сибирской удали и мощи — той стихийной силы, которая кипит и живет рядом с ним. Но он созерцает ее не изнутри, а извне. Он созерцатель иного рода, нежели те простые люди, кто расположен по другую сторону от основной группы участников праздника и кто органически вплетен в его ткань. Во взгляде мужчины читается тревога, он словно напряженно размышляет над тем, во что может вылиться эта огромная стихийная мощь, переполняющая Россию Азиатскую.

Находящиеся в санях присутствуют на празднике, но одновременно и вне его. Они здесь и свои, и одновременно

чужие, что подчеркнуто Суриковым в виде пустого пространства между санями и основной массой участников. Тема отрыва правящего слоя, а потом и русской интеллигенции от народа всегда интересовала Сурикова, начиная с «Утра стрелецкой казни». В годы написания «Взятия снежного городка» классовые конфликты и противоречия в России стали уже явными. В воздухе запахло будущими революционными потрясениями. Расколотой на консерваторов и революционных радикалов оказалась и русская интеллигенция. Рецепт преодоления разрыва между живой, но часто слепой и стихийной народной силой и образованной, но пассивной, интеллигенцией — вычитывается в этом полотне великого художника достаточно явственно: противоположные силы должны осознанно двигаться навстречу друг другу. Это подчеркнуто направлением движения саней снизу вверх, из пустого пространства в сторону народной массы, где просвет между ней и едущими в санях становится все меньше и меньше и, наконец, исчезает вовсе.

И опять-таки тема Сибири звучит в картине как основная: именно в суровых условиях сибирского труда и быта разрыв между интеллигенцией и народом преодолевается быстрее и гармоничнее, чем в Европейской России. Здесь сильнее чувство общего дела, а необходимость взаимной помощи ощущается острее. Традиция демократического служения правящего слоя своему народу была заложена еще сосланными в Сибирь декабристами. Один из них был дедом жены художника. Суриков словно приглашает представителей правящего слоя и интеллигенции почувствовать живой и благодатный дух Сибири, двинуться с запада на восток навстречу восходящему солнцу и социальному служению, и тогда в соборном труде на общее благо будет преодолен трагический русский разрыв между ними и народом.

Суриков знает, о чем повествует в картине. Он сам обрел в России Азиатской второе жизненное дыхание, почувствовал глубинную связь между своим творчеством и чаяниями народной души. С этого момента в нем словно проснулись его

казацкие донские корни, его родовая память и воля. Он писал, что «необычайную силу духа я тогда из Сибири привез»¹. Суриков был знаком с представителями сибирского областничества, в частности, с Г.Н. Потаниным, и, без сомнения, сочувствовал их идеям. Неслучайно основоположник сибирского областничества и выдающийся исследователь Центральной Азии будет одним из первых, кому Суриков покажет в будущем картину «Покорение Сибири Ермаком». Идеи культурного своеобразия Сибири, необходимости ее приоритетного развития и самоуправления были близки великому русскому художнику. Подытоживая, можно сказать, что «Взятие снежного городка» — это гимн Сибири, вдохновляющей и примиряющей различные слои российского общества, и одновременно это пророческое указание на ее объединительную миссию в будущем. Не будет также ошибкой сказать, что у Сурикова мы встречаемся с сибирской художественной вариацией евразийской идеи, что еще отчетливее проявится в его следующей монументальной работе «Покорение Сибири Ермаком».

Между двумя картинами существует несомненная смысловая и композиционная связь. В.И. Суриков совершенно логично после «Взятия снежного городка» задался вопросом об исторических истоках сибирской силы и воли. Ему важно было найти ключевое историческое событие, «осевую» временную точку, когда Россия, почувствовав пассионарный импульс, устремилась на восток. И такую временную точку, такое эпохальное событие художник нашел в сибирском походе Ермака. В картине изображено первое столкновение отряда Ермака, перевалившего через Уральский хребет, с войском хана Кучума близ так называемой Тобольской горы. Знаменательно, что это ключевое событие русской истории, когда страна сделала решительный шаг к превращению в великую евразийскую державу, имело прямое отношение к родовой истории художника. Его предки пришли в Сибирь

¹Волошин М.А. Лики творчества. Ленинград: «Наука», 1989. С.344.

вместе с Ермаком с донских земель. Род Сурикова удивительным образом оказался причастным к двум великим пространственным проектам (южному и восточному), превратившим Русь в Россию, провинциальную страну — в евразийскую и мировую державу.

Покорению Сибири Ермаком во второй половине XVI века предшествовало, о чем мы писали выше, освоение русскими так называемого «дикого поля», когда отряды казаков на свой страх и риск осваивали южные черноземы и водные речные пути, рискуя каждый раз попасть в плен к крымским степнякам. В результате Россия во многом благодаря мужеству и пассионарности казаков к середине XVI века создала достаточно мощные оборонительные южные рубежи, подготовив плацдармы для выхода к Черному морю и накопив силы для броска на Восток. Сформировалось знаменитое донское казачество, составившее впоследствии основу отряда Ермака. Символично, что прообразы главных действующих лиц будущей картины — Ермака и его ближайшего сподвижника Федора Кольцо — Суриков нашел среди донских казаков в станице Раздорной.

Если обратиться теперь к самой картине, то закономерно, что ее основной пространственный вектор, определяющий всю динамику, направлен слева направо, с запада на восток, т.е. оказывается обратным тому, который мы встречаем во «Взятии снежного городка». Символично, что казачьи струги образуют боевой клин, врезающийся в войско Кучума, на острие которого стоит Ермак с протянутой рукой. Его образ перекликается со всадником на черном коне из предыдущей суриковской картины, который, как и Ермак, словно вбирает в себя энергию народа. Что касается соратников атамана, то их лица предельно напряжены, но спокойны. Они уверены в правоте своего дела, что символизировано знаменами с изображениями Христа и Георгия Победоносца, взметнувшимися над их головами. В этом неодолимом устремлении казачьего воинства как наиболее пассионарной части русского общества прочитывается исключительно важная идея: Россия хозяйственно процветает и политически

побеждает, когда ее люди свободно устремляются на Восток. И наоборот: отток народа с восточных зауральских земель обратно на запад страны, — это наиболее зримый и зловещий знак упадка России, ложности избранных ею социально-экономических и политических путей.

Поход Ермака в Сибирь — это не хозяйственно-политический проект купцов Строгановых, страдающих от набегов Сибирского ханства, и не субъективное желание казаков стяжать богатство и славу, а объективная историческая необходимость освоения Россией зауральских земель. Если туда не придут русские — значит, там обязательно будут хозяйничать совсем иные колонизаторы, которые будут относиться к местным народам совсем по-другому. Так презирает и эксплуатирует сибирские языческие народы завоевавший их воинствующий мусульманин Кучум. Так же могли бы эксплуатировать сибиряков и европейские колонизаторы.

Отсюда важнейшая идея картины, блестяще художественно воплощенная Суриковым: ни в лицах ни казаков, ни в лицах подданных Кучума нет взаимной ненависти и презрения. Есть мужество и суровость воинов, воплощенных в образе казака, заряжающего ружье, и в образе остяка или вогула, прикрывающегося бронзовым щитом. Никак нельзя согласиться с В. Зименко, что казаки «озлоблены яростным сопротивлением, которого, может быть, и не ожидали. Посмотрите на этого бородача в шапке с желтым верхом, сидящего в передней лодке. Он заряжает ружье, но его голова повернута к толпе врагов, глаза из-под насупленных бровей грозно сверкают. Такой, не щадя своей крови, обильно прольет и вражескую кровь»¹. Озлобленность, вопреки мнению автора, следует отличать от твердости в исполнении воинского и товарищеского долга, ибо если не сразишь противника, то он сразит тебя. При этом Суриков не

¹Зименко В. Картина В.И. Сурикова «Покорение Сибири Ермаком». URL: http://artpoisk.info/article/kartina_v_i_surikova_pokorenie_sibiri_ermakom/page/3/

поэтизирует войну. Мы видим боль казака, пронзенного стрелой, и ужас убегающих татар, столкнувшихся с неодолимой русской силой. Свое, в целом негативное, отношение к военному столкновению народов Суриков подчеркивает господствующими серо-темными и коричневыми тонами картины.

Важен еще один аспект сражения, блестяще воплощенный Суриковым. В военном столкновении народов мы видим две разнородных силы: разноплеменное, раздробленное и поклоняющееся разным богам воинство Кучума, куда входят угро-финские (ханты и мансы), тюркские и монгольские племена, и русское казачье воинство, проявляющее удивительное единство, стойкость и целеустремленность в битве. В картине есть центральный персонаж кучумова войска, стоящий между так называемым «воином с большим луком» и воином со щитом. Его лицо выделено светлым пятном на фоне остальных темных лиц. Смотрящее на казаков, но повернутое в сторону зрителя, оно выражает очень сложную психологическую гамму чувств, где прочитываются не ненависть и не страх, а удивление и тайное восхищение врагом. Этот человек уже признал духовную победу казаков, их социально-организующую и нравственную правду, силу их свободного исполнения ратного долга, которое всегда сильнее подневольного служения.

Суриков говорил М.А. Волошину, что в его картине «две стихии встречаются»¹. Под этим можно понимать столкновение земледельческой и кочевой; организованной и хаотичной социальной стихии; человеческой общности, вынужденной подчиняться чужой насильственной воле, и свободного сообщества людей, добровольно объединившихся друг с другом ради общего дела.

Казачья стихия выступает в картине как организующее цивилизационное начало, открывающее перед сибирскими этносами возможность приобщиться к достижениям русской и европейской культуры. Пока враждующие лагеря еще

¹Цит по: Волошин М.А. Лики творчества. С.344.

разъединяет дым от оружейных выстрелов, но когда он развеется, то разные евразийские народы очень скоро примирятся и даже побратаются. Они семейно, хозяйственно и культурно начнут прорастать друг в друга.

Это подчеркнуто в картине оппозицией казачьего клина вогнутой дуге обороняющихся; порядком, явленным в русских построениях, который противостоит хаотичной массе лесных и степных племен. Но эти противоположности когда-то сойдутся и взаимно обогатят друг друга.

Созидательный, а не чисто завоевательный характер похода Ермака подчеркнут в картине двумя важнейшими художественными деталями. Во-первых, красным кафтаном лежащего казака, находящегося в центре композиции. Красный — это не столько цвет крови, как его чаще всего интерпретируют, сколько цвет веры и надежды, огненного горения, столь любимый Суриковым, о котором речь шла выше. Во-вторых, исключительно важна фигура стоящего рядом в воде казака, стреляющего из ружья. Это одна из центральных фигур картины, хотя и повернута спиной к зрителю. Приглядимся к ней внимательно. Что торчит у казака сзади за поясом? Это обыкновенный мужицкий топор — главный рабочий инструмент у всех русских беглецов и переселенцев, уходящих в Сибирь. Кроме него, соли и семян, русские первопроходцы фактически ничего с собой не брали. Топором рубили избы и мебель, вытачивали посуду и другие орудия труда, делали в реках проруби и защищались от диких зверей. Символично, что во время сражения (!) топор перекрывает саблю, висящую у казака на боку. Он ведь по сути лишняя и даже обременительная деталь для боя, да еще в воде. Его нужно было бы оставить в струге или в лагере. Суриков был слишком внимателен к деталям, чтобы это оказалось случайностью. Это знаковая, «говорящая» деталь.

Топор и икона (труд и молитва) — две важнейших составляющих русского образа жизни — преобразуют в будущем дикое сибирское пространство, помогут изжить его первобытный хаос, физически и духовно окультурят. И именно эти важнейшие человеческие практики, равно как и

навыки мирного соседства с другими племенами и верованиями, понесет обратно в Европейскую Россию всадник на коне из «Взятия снежного городка».

Однако и в этом гениальном суриковском полотне присутствует сквозная тема его творчества — взаимоотношение народа и власти. Ряд ее аспектов был давно замечен критиками. Во-первых, рука Ермака, будто разящее копьё, направлена не в направлении сражающихся с казаками местных сибирских жителей, а вверх, в сторону ставки хана Кучума, занявшей позицию на высоком речном берегу. Это главный враг, который организовывал провокации на границе, нападал на русские поселения и уводил людей в полон. Кучум обречен на смерть сотни своих подданных, бросив их на казацкие пули и копыя, а сам укрылся на безопасной высоте, бережет собственную жизнь. Ермак же рискует своей жизнью рядом с боевыми товарищами. С простыми хантами и мансами, черневыми татарами и казаками русские обязательно примирятся и найдут общий язык, но с этой властолюбивой, жадной и спесивой знатью им примириться невозможно. Власть хана обречена быть свергнутой казацкой рукой. Судьба Кучума предрешена. Недаром, в отличие от сплоченного отряда казаков, ханская свита пребывает в раздразе и панике, мечется по высокому речному ополью, тщетно взывая к Аллаху и к местным языческим богам.

Во-вторых, власть Кучума абсолютно враждебна и местному языческому населению, которое Кучум, выходец из Средней Азии, подверг насильственной исламизации и обложил поборами. Казаки даже в боевом столкновении духовно ближе к представителям коренных сибирских народов, чем их правитель. Кучум — воплощение несправедливой и темной власти, оторванной от народа и ненавидимой им. Это подчеркивается серыми тучами над головами Кучума и его мурз, а также темным пятном на обрыве под копытами их коней. Кажется, еще немного — и они рухнут вниз вместе с береговой землей, подмытой речными водами.

Как известно, Суриков не любил чиновничий Петербург. Москва была ему ближе. Есть один интересный ракурс, на который имеет смысл обратить внимание: не является ли разрушение кучумовой столицы намеком на будущее, которое может ожидать и самодержавный Петербург, тем более что он словно угадывается в серо-зеленоватых туманных контурах Кашлыка, изображенного в самом верху полотна. Напомним, что именно в годы написания Суриковым его картины в России усилилась политика превращения русского народа в титульную нацию, государственно поощрялись насильственная русификация и христианизация российских окраин. От этого страдали и сибирские народы. Все это подготавливало грядущие революционные потрясения, чего не мог не видеть и не чувствовать пронзительный гений В.И. Сурикова. Его полотно можно рассматривать как предупреждение, как скрытое послание самодержавной царской власти, своими руками роющей себе могилу и рискующей разделить участь хана Кучума. По иронии судьбы картина «Покорение Сибири Ермаком» была куплена именно царской семьей, так и не извлекая уроков из суриковского полотна.

А ведь предупреждения гения звучат и ныне актуально, если учесть взрывоопасную обстановку в мире, спровоцированную безответственными политическими и военными играми оторванных от своих народов правительств. По-прежнему актуальна суриковская тема народной свободы и деятельной самоорганизации людей, без чего в истории не совершается ничего великого. И, конечно, как никогда актуально суриковское видение Сибири как огромной стихийной силы, которую пришла пора сознательно использовать.

Как бы ни сложились исторические обстоятельства, полотна Сурикова продолжают вести духовный бой за Сибирь и за Россию, а, главное, художественно утверждают абсолютные и объективные ценности человеческого бытия: любовь к своей земле и ее традициям, верность ратному и товарищескому долгу, дух творческого дерзания, странничества и свободолюбия, национального достоинства в единстве с уважением к другим национально-культурным традициям.

Приложение 2. Соотношение национально-культурной, гражданской и цивилизационной идентичности¹

Идентификация, или самосознание — важнейший элемент полноценного существования личности. В акте самоидентификации мы соотносим себя с теми или иными личностными качествами и приобретенными знаниями; семьей и родом; национально-культурными формами; гражданским и правовым статусом; социальными и профессиональными атрибутами, достижениями и функциями. Как показывают многочисленные социально-психологические и культурологические исследования, человек чаще всего представляет собой целый ансамбль (или «матрешку») идентичностей, которые формируются у него постепенно в ходе социализации, при исполнении своих профессиональных и гражданских обязанностей. От того, насколько рационально сформированы и согласованы у человека формы его идентичности, во многом зависит и его психологическое самочувствие, и успех на социальном поприще.

Самосознание, как известно, может носить не только личностный, но и коллективный характер, когда те или иные группы людей идентифицируют себя с определенной территорией проживания², гражданской или религиозной принадлежностью, профессиональной общностью или национально-культурной традицией. Можно, наконец, выделить и предельно общую — цивилизационную — идентичность, когда люди заявляют, например, что они — европейцы или азиаты. Коллективная идентичность, помимо

¹Основана на статье: Иванов А.В., Журавлева С.М. Евразийская цивилизационная идентичность как мировоззренческое основание новой интеграции Евразии // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 2016. № 1. С. 7–21.

²Когда, например, говорят: «Мы — сибиряки!». В этом случае говорят о региональной идентичности.

прочих своих функций, позволяет в трудных жизненных обстоятельствах (социально-экономических кризисах, революциях, стихийных бедствиях, войнах) преодолеть индивидуальный и групповой эгоизм, найти новые мобилизационные ресурсы для ответа на исторические вызовы.

В ситуации нынешнего глобального мирового кризиса, охватившего, в том числе, и страны бывшего СССР, рациональная, т.е. основанная на объективных фактах и процессах¹ коллективная самоидентификация является важным спланирующим мировоззренческим фактором, которым ни в коем случае нельзя пренебрегать. Дело ответственной национальной интеллигенции и правящих элит, у которых есть ценности, превышающие ценности личного успеха и властвования, — это максимально способствовать процессам рациональной коллективной самоидентификации внутри страны и в отношениях между странами, всячески противоборствуя искусственным и ложным идентификационным конструктам. Ложные формы коллективной идентификации могут приводить к национальным и даже мировым катастрофам, если мы вспомним нацистскую идеологию «третьего рейха» или расцвет нынешнего украинского национализма.

Для России в силу огромности ее пространств, специфического геополитического положения и многонационального состава населения процессы коллективной самоидентификации всегда носят исключительно сложный характер, вызывают многочисленные идейные противоборства, где достаточно

¹А не на чистых формах самосознания, на чем без всяких оснований настаивают апологеты конструктивизма. Чтобы приписать себе ту или иную коллективную идентичность, например, этническую, сознание человека всегда опирается на вполне объективные факты в виде особенностей территории проживания данного этноса, своеобразия его истории, особенностей языка, быта и психологии, наконец, ценностных устоев существования, задаваемых осевыми творениями национальной культуры.

вспомнить знаменитый спор западников и славянофилов, продолжающийся до сих пор. Далеко от разрешения вопрос о соотношении в России национально-культурной и гражданской идентичности, различие которых четко зафиксировано, например, в словах «русский» и «россиянин». Особая проблема — цивилизационный (или, точнее, мегацивилизационный) статус России. Если для жителей Европы и США, равно как и для жителей Азии, мегацивилизационная самоидентификация не представляет существенных проблем, что четко фиксируется в словосочетаниях: «мы — люди Запада» или «мы — восточные люди», то у людей, проживающих в России, мегацивилизационная принадлежность вызывает многочисленные споры. Здесь можно встретить и тех, кто считает себя принадлежащим к западной цивилизации, и тех, кто называет себя восточными людьми, и, наконец, тех, кто считает Россию особым культурно-географическим миром (или мегацивилизацией).

При этом проблема цивилизационной идентичности России, да и многих народов бывшего СССР, далека от своего чисто идейного измерения. Совсем наоборот — она носит глубоко прагматический, если только не жизненно значимый характер. Одно дело — объединяться в рамках того же Евразийского экономического союза на базе единой мегацивилизационной общности исторических корней, ценностей и целей деятельности, и совсем другое — экономически интегрироваться народам с различной национально-культурной, религиозной и гражданской формами коллективной идентичности. В одном случае объединяются близкие родственники, в другом — соседи, культурно, граждански и цивилизационно никак не связанные друг с другом. Здесь то или иное теоретическое решение проблемы непосредственно влияет на политическую и социально-экономическую жизнь, закладывает ту или иную стратегическую концептуальную основу под процессы новой интеграции Евразии. Если же учесть сверхактивную идейную и политико-экономическую деятельность Китая в рамках инициативы

«Нового Шелкового пути», то исключительно теоретически и практически значимыми становятся следующие вопросы:

– насколько обоснована концепция евразийской цивилизационной идентичности?

– можно ли органично совместить в России национально-культурную, гражданскую и евразийскую идентичность?

– что дает народам бывшего СССР идея общей евразийской идентичности?

– если евразийская цивилизационная идентичность — не миф, не чисто теоретический конструкт сознания, то какие корректировки и встречные инициативы может предложить Россия, как великая держава, той же китайской концепции «Нового шелкового пути»?

Первый вопрос мы затронем лишь частично и без детального обоснования ответов, а вот на трех других остановимся подробнее. При этом мы будем различать два смысла, которые вкладываются в понятие Евразии. Первый — сугубо географический и восходящий еще к А. фон Гумбольдту, когда под Евразией понимается все пространство Старого Света, т.е. и Европа, и Азия. Второй смысл термина «Евразия» (в первую очередь, геополитический и геокультурный) был акцентирован, как известно, евразийцами. Под ней они понимали внутреннее континентальное пространство Старого Света, лежащее между культурно-географическими мирами Запада и Востока и совпадающее в целом с пространством бывшей российской империи и СССР плюс территории Монголии и северной части Сибиряна (Джунгарии), входящие в пространство так называемой Великой степи. Последняя тянется от монгольского хребта Хинган на Востоке до европейской Трансильвании на Западе, очерчивая крайние границы бытия кочевого мира, без которого нельзя представить ни генезиса, ни особенностей исторического существования евразийского культурно-географического пространства. Сегодня стал модным концепт «Большая Евразия» в условиях нарастающих инициатив экономического, политического и культурного характера, предпринимаемых рядом стран Востока, прежде

всего Китаем. Это словосочетание пока не устоялось в науке и политических кругах, и его можно трактовать как объединяющееся пространство стран Востока и бывшего СССР.

Ландшафтно-географическое обоснование выделения Евразии во втором смысле¹ принадлежит П.Н. Савицкому; историческое — Г.В. Вернадскому; климатическое и этническое — Н.С. Трубецкому и Л.Н. Гумилеву. Понятно, что все выделенные цивилизационные границы достаточно условны и подвижны, но их объективное существование, подчеркнем это еще раз, не является произвольным конструктом разума, а подтверждается природно-климатическими, культурными и историческими фактами, а также чисто экзистенциальными переживаниями. Например, объективное отличие России от Европы были вынуждены признавать даже самые ярые западники, типа П.Я. Чаадаева, и спор между ними и славянофилами касался лишь направления развития страны: идти ли своим путем, сохраняя и развивая свою самобытность, или же стремиться стать, как Запад, эту самую самобытность сознательно изживая. Не раз также отмечались существенные различия в механизмах национально-культурной и гражданской идентификации на Западе и в России, на чем мы еще специально остановимся ниже. И наоборот: психологическую и ценностную близость с теми же монголами, несмотря на все антропологические и хозяйственно-бытовые различия, ощущает любой русский, хоть раз в Монголии побывавший, что, кстати, подтверждается данными как социологических, так и психологических исследований.

Наконец, и современная политическая ситуация в мире подтверждает глубокие цивилизационные различия между западным миром и Россией, когда нас никак не желают

¹Иногда для его выделения, напомним, не без оснований используют понятия «Северной Евразии», «Внутренней Евразии», «Континентальной Евразии», а сегодня, учитывая появление понятия «Большой Евразии», его вполне рационально называть «Малой Евразией»

принимать за «своих», считаться с нашими геополитическими интересами, особенностями исторического развития и мирочувствования. И чаще всего здесь не следует искать злого умысла со стороны западных людей: такое восприятие России обусловлено тем, что можно назвать цивилизационно-психологическими предрассудками понимания.

Важнейший элемент полноценного существования личности — **национально-культурная идентичность**, когда она соотносит себя с каким-то конкретным народом (этносом) через язык, его базовые ценности, важнейшие события истории, особенности быта и поведения, психологические характеристики, осевые творения национальной культуры. В процессах национально-культурного самосознания огромную роль играют семья и школа. Если ставится цель разрушить традиционную национальную идентичность и сформировать принципиально новую, скажем, чисто гражданскую и толерантно-безнациональную, то надо в первую очередь максимально сузить влияние на ребенка нормальной двуполой семьи с папой и мамой, бабушками и дедушками, а также коренным образом перестроить школьное образование. Именно этим активно занималась Европа в последние 15–20 лет, формируя новую общеевропейскую либеральную идентичность через пропаганду однополюх связей, ценностную индифферентность к различиям между добром и злом, всяческое ограничение влияния семьи на сознание ребенка, вплоть до поощрения доноительства на собственных родителей. Нынешний все углубляющийся раскол Европы на националистов и антифашистов в связи с нашествием мигрантов с Востока — горький плод этого близорукого и сугубо произвольного *политического конструктивизма*.

Если отсутствует целенаправленная государственная политика (образовательная и информационная) укоренения подрастающего поколения в лучших традициях национальной культуры, то неизбежно возникновение или иррациональных форм национально-культурной самоидентификации в виде национализма и ксенофобии, или, наоборот, презрения к собственной культуре.

Огромную роль в процессах гармоничной индивидуальной и коллективной национально-культурной идентификации играют религиозные тексты, художественная литература и искусство, наука и философия. Именно они образуют то, что мы выше назвали *осевыми творениями национальной культуры*. Благодаря им многие неосознаваемые ценности и цели национального бытия, дотоле существовавшие на уровне обыденного сознания, бытового религиозного исповедничества (точный термин Н.С. Трубецкого) и традиций народной культуры, ясно артикулируются и непосредственно воплощаются в жизнь духовными праведниками и подвижниками, подвергаются систематической научной и философской рациональной рефлексии, запечатлеваются в ярких художественных образах и символах. Более того, многие черты национального бытия действительно впервые создаются национальной элитой. Именно она вносит особый вклад в самосознание народа, переводит этот процесс с дорефлексивного на рефлексивно-сознательный уровень: формулирует национальные идеалы, закладывает национальные традиции образования и воспитания, художественного и научного творчества; создает и защищает национальные святыни. В этом плане конструктивизм частично прав, но лишь до того предела, где он начинает трактовать эти культурные конструкты как сугубо свободное порождение сознания отдельного индивида, а не творческое осмысление объективных устоев национального бытия.

Гений национальной традиции на то и гений, что он улавливает и запечатлевает в научном понятии, религиозной проповеди и художественном образе то, что большинство его соотечественников стихийно переживает на уровне дорефлексивного национального самосознания.

Так, Россию и «русскость» сегодня просто невозможно представить без религиозного подвижничества Сергия Радонежского и Троице-Сергиевой Лавры; без научной деятельности Ломоносова и Московского государственного университета; без стихов Пушкина и мест, связанных с его

жизнью и творчеством; без филологических исследований Даля и его знаменитого словаря; без музыки Глинки и его опер, прежде всего, «Ивана Сусанина»; без романов Достоевского и его знаменитой речи на Пушкинском юбилее; без живописи Левитана и Сурикова — тех же «Вечернего звона» и «Боярыни Морозовой». Соответственно, национально-культурную идентичность легко разрушить, заменив в школьных программах произведения гениев на сугубо вторичные или иноземные творения, подвергнув ерничеству и осмеянию ставшие уже архетипическими образы национальной культуры, как капитана Тушина из «Войны и мира», Нагульнова из «Поднятой целины» или Павки Корчагина из «Как закалялась сталь». К сожалению, эти деструктивные процессы имели в России место в 90-е годы и до конца не изжиты до сих пор.

Возможен вариант, когда трудами корыстной и националистически ослепленной интеллигенции (скорее, даже псевдоинтеллигенции и антиэлиты) искусственно конструируется ложная и разрушительная национальная идентичность, как это происходит ныне на Украине.

Сложные случаи национальной самоидентификации возникают в смешанных браках, которых в России всегда было огромное число. Здесь возможны различные варианты, где наиболее гармоничный — активное двуязычие и личностный синтез двух культурно-национальных традиций, к которым принадлежат родители. Вырожденный случай национальной самоидентификации — *космополитизм с* провозглашением себя «гражданином мира». Патологическая форма космополитизма, чреватая разного рода предательствами и разложением личности, связана с жизнью по принципу «*Родина там, где мне и моей семье хорошо*».

Один из важнейших критериев рациональной и созидательной национально-культурной самоидентификации, особенно в поликультурной и полиэтничной России, — это отказ от национального возвеличивания и самолюбования, особенно через какое-либо умаление других национальностей и культур. Наоборот: истинный носитель ценностей своей

национальной культуры готов обогащаться достижениями других культур и, в свою очередь, делиться с ними завоеваниями собственной национально-культурной традиции.

Гражданская идентичность, как известно, связана с отнесением себя к общности людей, живущих в одном государстве, связанных между собой единством прав и обязанностей, а также экономическими и профессиональными связями. Европейская гражданская идентичность Нового времени формировалась преимущественно на базе национально-культурной идентичности, откуда естественным образом вытекало национально-государственное деление людей на своих и чужих (скажем, французов и не французов, англосаксов и не англосаксов), колонию и метрополию, просвещенных свободных граждан и непросвещенных варваров. Для англичанина в колониальной Индии концом политической или военной карьеры была женитьба на индийской женщине, а индус не мог сделать в Англии сколь-нибудь успешную политическую или военную карьеру. Русские эмигранты даже во втором-третьем поколении практически не имеют шансов сделать государственную карьеру в США или в странах Европы. На уровне национально-государственного подсознания они остаются для американцев и европейцев чужими, как бы людьми второго сорта. Провал политики либерального мультикультурализма и нынешний миграционный кризис в Европе — закономерное следствие принципиальной неспособности гармонично соединить национально-культурную и гражданскую идентичность.

Что же касается российской гражданской идентичности, то она всегда носила принципиально наднациональный характер, подразумевала абсолютное антропологическое равенство людей как граждан единого государства и равноправие разных этносов, религий и культур. Весьма показателен в этом плане приход русских в Сибирь и, в частности, на Алтай. Так, на Алтае межкультурный обмен и межнациональные браки были делом вполне обычным.

Показательны в этом плане воспоминания уймонского старообрядца К.В. Железнова: «Когда прадеды-то наши сюда бежали, алтайцы шибко добрые к ним были. Скрывали от церковников. Мы здесь крепко на ноги встали: у каждого была усадьба, люди жили богато»¹. Подобные отношения между русскими и другими этносами Евразии были скорее правилом, чем исключением. До сих пор число межнациональных браков в России остается исключительно высоким. Что же касается занятия высоких государственных и военных постов, то, в отличие от западных стран, в России его мог получить талантливый представитель любой национальности. Князь Багратион был грузином, адмирал Нахимов евреем, министр Лорис-Меликов — армянином. В России никогда не было жесткого деления на колонию и метрополию, на своих и чужих, титульные и не титульные нации. Более того, когда в конце XIX века царское правительство сделало упор на русификацию и государственное утверждение православия, т.е. насильственное сближение национально-культурной и гражданской идентичности, то это вызвало многочисленные трения на национальной и религиозной почве, ставшие одним из факторов революционных потрясений России в XX веке. Не будем забывать и того, что именно культивирование темы ущемленной национально-культурной идентичности и необходимость ее государственной институционализации стали едва ли не ключевыми факторами развала Советского Союза и всего евразийского геополитического пространства.

На наш взгляд, применительно к России и к большинству стран бывшего СССР можно с полным правом говорить о **третьем — цивилизационном — уровне идентичности**, который носит геокультурный и геополитический характер. Мы принадлежим к срединному евразийскому культурно-географическому миру (или к единой евразийской

¹Боаги Н.М. Традиционное воспитание в старообрядческой семье (на примере уймонских староверов) // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: материалы УШ международной конференции (Горно-Алтайск, 19–23 сентября 2007 г.). Т.1. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2007. С.148.

мегацивилизации), которая лежит между Востоком и Западом, впитала в себя их хозяйственные, политические и культурные достижения, но за последние три столетия приобрела ярко выраженное цивилизационное своеобразие.

В этот срединный евразийский мир, кроме «русского мира»¹, входят еще угро-финский, тюркский и монгольский миры, а также палеоазиатские народы севера, что гениально зафиксировал еще А.С. Пушкин в своем стихотворении «Памятник». Этот многонациональный евразийский мир, повторим, имеет долгую и самобытную историю. Он в XIX–XX веках практически совпадал с царской Россией и СССР, но не совпадает с территорией нынешней России. Когда «прорабы перестройки» разваливали Советский Союз, то даже и не думали, что на самом деле расчлениют единое евразийское геополитическое пространство и что это обернется в будущем трагедией для миллионов людей, включая нынешние события на Украине.

На наш взгляд, именно **евразийская — наднациональная и надгражданская — идентичность** позволяет расставить верные, единящие людей и народы, акценты в процессах и культурно-национальной, и гражданской самоидентификации.

Так, с законной гордостью идентифицируя себя в качестве русского, якута, карела или татарина, мы не должны забывать, что нас с другими народами многонациональной России и бывшего СССР объединяют глубинные евразийские исторические и культурные связи. Наша рациональная национальная самоидентификация без знания культуры других евразийских народов ущербна в принципе. Они — как бы наше второе национальное «я». Например, этимология многих слов русского языка, типа богатыря, таможни, алтына, хариуса, кутьи и кудесника, останется совершенно непонятной, если не обратиться к тюркским и монгольским

¹Сегодня, когда говорят «русский мир», то чаще всего и имеют в виду именно мир евразийский. Отчасти это верно, ибо русский мир с русским языком является осью существования нынешнего евразийского мира на протяжении последних трех столетий.

языкам. Это касается также религиозных представлений: многие верования одного евразийского народа оказываются непонятными без обращения к религиозно-мифологическим представлениям другого¹. Можно также обнаружить элементы евразийского межкультурного синтеза на бытовом уровне и в хозяйственной жизни, о чем мы писали чуть выше применительно к Алтаю. Что касается культурного обмена и заимствований на государственном уровне, то те же евразийцы (Г.В. Вернадский, Л.Н. Гумилев) показали, насколько значительное влияние на становление русской государственности оказала, например, государственность монгольская. Московские князья напрямую заимствовали у монголов принципы комплектования и построения войск, организацию почтовой и транспортной служб. Авторитет тюркско-монгольских служилых фамилий был исключительно высок. Десятки прославленных людей из нашей истории имеют восточные кочевые корни. Чаадаевы, Урусовы, Ордын-Нащокины, Тургеневы, Кутузовы — без их вклада в отечественную культуру, политику и науку не было бы России как великой евразийской державы. О глубине евразийских межэтнических связей говорит знаменитый факт русской истории: конкурентом Бориса Годунова на царский трон был монгол Симеон Бекбулатович, прямой потомок Чингисхана. Словом, известная поговорка «поскребешь русского — найдешь татарина» абсолютно точно фиксирует факт причастности разных евразийских народов к единой цивилизационной общности.

Опираясь на идею общей евразийской цивилизационной принадлежности, можно утверждать **сверхгражданскую и надгосударственную близость** с теми же монголами и казаками, украинцами и белорусами, узбеками и киргизами, вместе с которыми, не теряя своей национальной и гражданской идентичности, мы можем уверенно

¹См.: Иванов А.В., Журавлева С.М. Культурно-историческое единство народов России (на материале сакрального корня «кут» в мифологии тюркоязычных народов) // Религиоведение. 2002. № 1. С.7–14.

восстанавливать нарушенное геополитическое, геокультурное и экономическое единство Евразии. Это закладывает прочные мировоззренческие основания под идущие сегодня процессы интеграции в рамках и «Малой», и «Большой» Евразии. Благодаря идее евразийской цивилизационной идентичности, можно выдвинуть и обосновать еще целый ряд стратегически значимых максим и инициатив:

- евразийская экономическая, политическая и культурная интеграция не носит блокового характера и не направлена против стран Европы или США. Напротив, добровольное объединение постсоветского пространства объективно идет на пользу не только самим евразийским народам, но и всему миру. В перспективе она призвана объединить не только страны бывшего СССР, но Восток и Запад, Север и Юг Евразии. Широкая интеграция в русле китайской инициативы «Один пояс — один путь» должна быть обязательно дополнена меридиональной транспортно-энергетической интеграцией по линии Россия — Индия и Россия — Пакистан.

- евразийская идентичность позволяет сформировать адекватные представления о своей **региональной идентичности**. В частности, Сибирь, чему посвящена данная монография, является в подлинном смысле слова геополитическим сердцем России и всей многонациональной Евразии, важнейшим регионом трансграничного сотрудничества между крупнейшими странами евразийского континента — Россией, Китаем, Казахстаном, Кореей, Японией и Монголией.

Подводя итог, можно сделать вывод, что евразийская цивилизационная идентичность — одна из важнейших составляющих российской национальной идеи и действенная мировоззренческая скрепа набирающей силу многоуровневой экономической, политической и культурной интеграции в рамках, как «Малой», так и «Большой» Евразии.

Приложение 3. Традиционная культура и этнокультурное разнообразие в условиях глобальной неустойчивости¹

К числу наиболее популярных проблем в современном общественном дискурсе принадлежит проблема глобализации. Неслучайно одним из определений, которым нарекают современный период развития всемирной истории, является его характеристика как эпохи глобализации². По вопросам глобализации за последние десятилетия опубликовано огромное количество литературы. Не ставя задачу ее анализа или обзора, сделаем акцент на некоторых моментах, значимых для рассмотрения заявленной темы.

В оценке роли глобализации в общественном развитии наблюдается большое разнообразие, доходящее до противоположных позиций: от признания ее однозначно позитивного значения для судьбы человечества в его движении по пути к демократии, свободе, открытости и единству³ до рассмотрения глобализации как вызова человечности, порождающего «глобальный концлагерь», «общество лжи и управляемого хаоса»⁴. Важно обратить внимание и на то, что процесс глобализации, по сути дела, снимает проблему субъектности общественного развития в

¹Основу данного Приложения составляет текст опубликованной статьи автора: Попков Ю.В. Традиционная культура и этнокультурное разнообразие в глобальной неустойчивости: концептуальные основы и практически-политические эффекты // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2021. № 2. С. 8–19.

²См., например: Смирнов А. В. Проект многоцивилизационного мира как основание идеи многополярности: концепция всечеловеческого сегодня // Национальная философия в глобальном мире: тезисы Первого белорусского философского конгресса; редкол.: В.Г. Гусаков (пред.) [и др.]. Минск: Беларуская навука, 2017. С. 350–352.

³Сорос Дж. О Глобализации. М.: ЭКСМО, 2004.

⁴Гордеев К. Глобализация — вызов человечности. М.: БСК, 2003.

виде отдельных государственных образований, что обостряет ситуацию с его управляемостью. Как отмечает В.Л. Иноземцев, «глобализация становится синонимом неуправляемости планетарного масштаба»¹.

В целом современная глобализация, которая еще недавно рассматривалась по преимуществу как позитивная и одобряемая тенденция, в настоящее время обнаружила множество противоречивых и неоднозначных проявлений и последствий. При этом следует подчеркнуть, что речь идет не о частных моментах, а о глобальном цивилизационном кризисе², который спровоцировал, в частности, свою противоположность — феномен де-глобализации³, а также сделал актуальным вопрос о поисках альтернативных вариантов развития⁴.

С крайне негативной стороны последствия глобализации проявляются в текущей ситуации. Возникшее в китайском городе Ухане заболевание людей коронавирусом COVID-19, мгновенно распространившись по всему миру через разветвленные каналы глобализации, превратилось в пандемию, которая вызвала мировой кризис, всеобъемлющий по глубине и широте своего воздействия на общественное развитие. И без того далеко не отличавшаяся стабильностью глобальная социальная система приобрела ярко выраженный неустойчивый характер. Тем самым **население всего земного шара стало свидетелем реализовавшегося на практике прогноза о неопределенности будущего в глобальном**

¹Иноземцев В.Л. Современная глобализация и ее восприятие в мире // Век глобализации. 2008. № 1. С. 36.

²Вебер А.Б. Парадоксы современного развития: человечество у развилки истории // Вестник Института социологии. 2018. Т. 9. № 1 (24). С. 52–75.

³Артановский С.Н. Глобализация и де-глобализация // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 4 (9). С. 6–14.

⁴Бузгалин А. В. Альтернативы глобализации (еще раз о том, что такое глобализация) // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2002. № 17. С. 176–186.

масштабе, что находит отражение на уровне отдельных государств и регионов.

К настоящему моменту уже появилось немало публикаций, в которых анализируется влияние пандемии на разные стороны жизни людей. Но, как отмечает А.В. Рубцов, даже эксперты акцентируют внимание на достаточно очевидных, стандартных ее последствиях, касающихся ограничения контактов, активизации онлайн-коммуникаций, государственной поддержки отдельных групп населения, обрушения рынка труда и т.п. На самом деле эта проблема затрагивает более фундаментальные основания, связанные с моделями социокультурной трансформации и проектами цивилизационного развития. А.В. Рубцов диагностирует рассматриваемую ситуацию как «дефекты оптики, типичные для технократического позитивизма»¹.

Многие зарубежные и российские исследователи озабочены осмыслением возможных сценариев цивилизационного будущего, альтернативных современной глобализационной модели в ее неолиберальном варианте. В последнее время можно наблюдать активизацию работы в этом направлении. В то же время в структуре предлагаемых версий практически не находится места действующим на протяжении длительного исторического периода практикам и механизмам сохранения социальной устойчивости. Речь идет о традиционной культуре, которая, во-первых, концентрирует в себе опыт самоорганизации и жизнеобеспечения локальных групп населения, во-вторых, в разных формах сохраняется вплоть до современности. Так, ярким примером успешного противодействия распространению эпидемии коронавируса в 2020 году выступила практика относительно изолированного существования сельских жителей, имеющих личное подсобное хозяйство, и горожан, проживающих на дачах. **То,**

¹Рубцов А.В. Вирусы и цивилизации. О новом влиянии биокатаклизмов на эволюцию социокультурных моделей и цивилизационных проектов // Вопросы философии. 2020. № 8. С.20.

что еще недавно считалось архаикой, пережитком, оказалось весьма современным и спасительным в настоящее время, поскольку такая система жизнедеятельности позволяет не только обеспечивать людей значительной частью продуктов питания, но и в полной мере совмещать в себе другие значимые функции — рабочие, рекреационные, «карантинно-санитарные»¹. Таким образом, внегородские социокультурные пространства России оказались важным ресурсом адаптации к кризисной ситуации.

Применительно к текущему моменту эффект восстановления, ренессанса архаического В.Г. Федотова рассматривает как реакцию на современную пандемию в ситуации неэффективности государственной социально-экономической политики². В этой связи сконцентрируем далее свое внимание на трех значимых проблемах.

Во-первых, эффект обозначенного ренессанса имеет место в отношении не только исходных, архаических, но и последующих форм и проявлений этнокультуры, закрепленных в традиции. В свою очередь, и архаическое, и традиционное в реальной жизни современности существуют не в аутентичной, а в обновленной форме, в форме неотрадиции. Традиционная этническая культура является устойчивой во времени и одновременно достаточно пластичной, поскольку обладает способностью адаптироваться к изменяющимся условиям существования и ассимилировать в себе разного рода новации в процессе взаимодействия ее носителей с представителями других культур. Все это находит отражение в феномене социального (и этнокультурного) неотрадиционализма, исследование

¹Покровский Н.Е., Макшанчикова А.Ю., Никишин Е.А. Обратная миграция в условиях пандемического кризиса: внегородские пространства России как ресурс адаптации // Социологические исследования. 2020. № 12. С. 54.

²Федотова В.Г. Меняющаяся современность: всемирность и социальность // Вопросы философии. 2020. № 11. С.5.

которого является ныне весьма актуальной и популярной темой¹. С сущностной точки зрения *этнокультурный неотрадиционализм* можно представить как процесс и продукт внутренней и внешней рефлексии этнокультур в синхронно-диахронном измерении².

Во-вторых, ренессанс архаического и всестороннее оживление неотрадиционализма не есть только эффект текущей пандемии коронавируса. Они со всей очевидностью обнаружили себя как закономерные продукты кризиса эпохи глобализации, которая, как отмечалось, имеет весьма неоднозначные последствия. С одной стороны, глобализация действует как «унифицирующий каток», нивелирует этнокультурные различия, с другой стороны, создает определенные стимулы для их сохранения как ресурса противодействия тенденции унификации, что находит, в частности, отражение в известном феномене глокализации. Одновременно в условиях глобализации возрастает спрос на уникальные явления культуры, для сохранения и возрождения которых формируются определенные предпосылки, в том числе, за счет порождаемых самой глобализацией всесторонних и разнообразных связей на локальном, региональном и международном уровнях.

Стимулируемые глобализацией и кризисом нелиберальной модели развития активные миграционные

¹См., например: Мадюкова С.А., Попков Ю.В. Феномен социокультурного неотрадиционализма. СПб.: Алетейя, 2011; Ламажаа Ч.К. Архаизация общества. Тувинский феномен. М.: Издательский дом «Либроком», 2013; Анжиганова Л. В. Этнический неотрадиционализм в условиях социокультурных трансформаций // Мир науки, культуры образования. 2012. № 6; Неотрадиционализм: архаический синдром и конструирование новой социальности в контексте процессов глобализации / Отв. ред. В.В. Бочаров и В.А. Попов. СПб.: Центр информатизации образования «КИО», 2019; Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Этнокультурный неотрадиционализм и идентичность в современных социокультурных трансформациях. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2020.

²Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Этнокультурный неотрадиционализм и идентичность в современных социокультурных трансформациях. С. 114–126.

процессы обеспечивают широкое распространение элементов той или иной традиционной культуры за пределы материнского этноса и закрепление их в разных сообществах, в которых оказываются ее представители. Данная тенденция находит яркое проявление в расширении и усложняющейся конфигурации этнокультурного разнообразия не только на глобальном, но и региональном, и локальном уровнях, что определяет актуализацию вопроса о необходимости целенаправленного и корректного регулирования соответствующих процессов.

В-третьих, проблема обеспечения эффективного государственного управления применительно к рассматриваемой области также не относится лишь к текущей кризисной ситуации, связанной с пандемией коронавируса. Она возникла вместе с осознанием неоднозначности последствий глобализации для судеб человечества и признанием необходимости сохранения культурного разнообразия как важного условия устойчивости всей социальной системы. Концентрированное выражение данная проблема нашла во Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии. В ней культурное разнообразие, разновидностью которого является разнообразие этнокультурное, признано в качестве важного условия жизнеспособности социума, подобно оценке значимости биоразнообразия для устойчивости экосистем и биосферы в целом. Защита культурного разнообразия провозглашается здесь *этическим императивом*¹.

Данная установка важного международного документа нашла отражение на уровне государственной политики разных стран. В Российской Федерации она зафиксирована в нынешней Стратегии государственной национальной политики (далее — Стратегия) в виде провозглашения в

¹Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии. Принята 2 ноября 2001 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml.

качестве одной из ее целей сохранение и поддержку этнокультурного многообразия (в ней используется термин «многообразие» как тождественный «разнообразию»)¹.

Но возникает вопрос о том, как понимается этнокультурное многообразие, каким реальным содержанием наполнено данное понятие в доктринальном документе?

За этой проблемой скрывается более общий вопрос о концептуальных основаниях Стратегии. Опираясь на проведенный нами ранее анализ данного вопроса, а также на мнение других исследователей, можно сделать вывод о доминировании здесь конструктивистского подхода².

В Стратегии нашел отражение совершенный в России усилиями В.А. Тишкова и его сторонников этнологический поворот, суть которого состоит в переходе от существовавших в советский период примордиалистских к либерально-конструктивистским методологическим установкам в понимании этнического феномена, многих связанных с ним явлений, а также и процесса нациестроительства³. Хотя данный переход не является однозначным, поскольку обременен многими противоречиями и очевидными коллизиями, изменение фундаментальных оснований национальной политики лежит именно в русле обозначенного тренда.

Такая позиция имеет место, например, применительно к интерпретации нации как базового для национальной политики понятия. Вслед за В.А. Тишковым, который

¹Указ Президента Российской Федерации «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666». URL: <http://base.garant.ru/70284810/>

²Соколова Ф.Х. Эволюция национальной политики России в конце XX — начале XXI века // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2016. № 6. С. 54–67; Попков Ю.В. Современная российская национальная политика: концептуально-целевые основы и опыт реализации (на примере Тувы) // Новые исследования Тувы. 2020. № 3. С. 253–268.

³Попков Ю.В. Современная российская национальная политика.

рассматривает нацию как форму «коллективного самосознания (идентичности) людей по поводу принадлежности к определенной общности, которую они и считают нацией»¹, в Стратегии многонациональный народ Российской Федерации (российская нация) определяется как *сообщество граждан* (здесь и далее — курсив наш, Ю.П.) разной принадлежности, обладающих одной качественной характеристикой — гражданским *самосознанием*. Гражданское единство трактуется здесь как *признание* гражданами суверенитета государства, его целостности и т.п., а общероссийская гражданская идентичность — как *осознание* гражданами их принадлежности..., ответственности..., необходимости...².

В Стратегии есть определение этнокультурного и языкового многообразия как совокупности всех языков и культур. Но то, как понимаются культуры, четко не поясняется, как не обозначаются и их носители. Однако неявный ответ на этот вопрос содержится в еще одном определении: «народы, национальности, этнические общности в Российской Федерации — национальный и *этнический состав* населения Российской Федерации, образующий этнические общности *людей*, свободно *определяющих* свою национальную и культурную *принадлежность*»³. Иначе говоря, это есть проявление даже не идентичности (которая предполагает, в том числе, восприятие того или иного субъекта со стороны), а персональной самоидентификации — отнесения себя конкретным человеком к той или иной национальности, которое порой бывает контекстуальным.

¹Тишков В.А. Что есть нация. В поисках российской идентичности // Независимая газета. 2017, 24 января. URL: http://www.ng.ru/stsenarii/2017-01-24/9_6910_nacia.html

²Указ Президента Российской Федерации «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666» URL: <http://base.garant.ru/70284810/>

³Там же.

По сути дела, здесь присутствует *абстрактный гражданский либерализм*, который не подкреплён фиксацией объективных онтологических оснований этнокультурного многообразия, а также и этнической идентичности, о которой вообще не говорится, хотя, как известно, она играет важную роль в жизни абсолютного большинства населения России и без нее, по нашему убеждению, невозможно сохранение этнокультурного многообразия.

Почему понятие этнической идентичности не упоминается в Стратегии? На наш взгляд, четкое объяснение этому факту дает Л.М. Дробижева. Подробно анализируя в одной из своих последних работ изменения в содержании доктринальных документов Российской Федерации в данной сфере, в том числе, по вопросу о политике идентичности, она делает вывод о выраженной ориентации на деполитизацию этнической идентичности и вообще этничности¹. Видимо, одним из проявлений данной ориентации является, в том числе, исключение из текста Стратегии самого понятия «этническая идентичность». И это при том, что, как отмечает Л.М. Дробижева по итогам обобщения своих собственных исследований и исследований других авторов, значимость данного вида идентичности, а также и этнической солидарности за последние годы в России даже выросла². В этой ситуации должна быть определена четкая позиция власти по отношению к государственной политике не только гражданской, но и этнической идентичности.

Возвращаясь к этнокультурному многообразию, следует сказать, что в качестве его субъектов целесообразно определять не только отдельных индивидов, но и этнические

¹Дробижева Л.М. Турбулентность в этнополитическом дискурсе и этническая идентичность в общероссийских и региональных исследованиях // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.) / Отв. ред. В.А. Мансуров; ред. Е.Ю. Иванова. Москва: РОС; ФНИСЦ РАН, 2020. С. 3615–3622.

²Там же. С. 3619–3621.

группы и этнические сообщества, поскольку *только в рамках коллективного существования* могут сохраняться материальные и духовные пласты этнической культуры — ценности, традиции, модели поведения, образ жизни. Именно такой подход манифестируется во Всеобщей декларации ЮНЕСКО: «культурное разнообразие проявляется в неповторимости и многообразии особенностей, присущих группам и сообществам, составляющим человечество»¹.

Успешная реализация обозначенной целевой установки Стратегии на поддержку этнокультурного многообразия предполагает реальное содействие этническим культурам в виде создания правовых и социально-экономических механизмов, направленных на сохранение живой этнокультурной традиции, в том числе языков, что не должно ограничиваться разного рода фестивальными мероприятиями. С точки зрения научного обеспечения решения данной задачи актуальными являются:

1) использование иной, чем это представлено в конструктивистском подходе, концептуально-методологической базы рассмотрения самого феномена этнокультурного разнообразия;

2) применение более точных процедур и совершенствование существующих методик его количественных оценок;

3) мобилизация ресурсов качественных методов анализа, позволяющих учитывать не только субъективные представления людей, но и реальные этнокультурные практики в различающихся моделях поведения и образа жизни представителей разных этнических групп.

Диагностика и учет реального этнокультурного разнообразия предполагает выработку более сложных механизмов управления, чем это имеет место в гомогенных сообществах. Эта проблема является особенно актуальной для России, которая принадлежит к числу самых многонациональных государств и отличается большим

¹Всеобщая декларация ЮНЕСКО...

этнокультурным разнообразием своих регионов. Без этого система управления может превратиться в определенную угрозу для существования локальных и региональных сообществ в условиях интенсификации миграционных процессов, как это произошло с политикой мультикультурализма в странах Западной Европы.

**ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ МИССИЯ СИБИРИ:
ОТ ТЕХНОГЕННО-ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ
К ДУХОВНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ
ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ**

*На первой странице обложки: Суриков В.И.
«Взятие снежного городка»
(Государственный Русский музей, Санкт-Петербург)*

Подписано в печать 04.03.2022 г.
Объем 23 уч.-изд. л. Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ №6291.
Отпечатано «Новый формат» (ИП Колмогоров И.А.).
656049, г. Барнаул, пр-т Социалистический, 85,
тел.: (3852) 36-82-51, 8-800-700-1583,
nf-kniga@yandex.ru,
сайт: типография-новый-формат.рф